

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Институт международных исследований

ТУРЦИЯ:

**новые реалии во внутренней политике
и участие в региональных геополитических процессах**

2014

ТОМ 27

приложение к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»

К Н И Г И   И   Б Р О Ш Ю Р Ы   И   М И

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Центр ближневосточных исследований

Турция:
НОВЫЕ РЕАЛИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ
И УЧАСТИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ

(материалы международной конференции,
г. Москва, 2 апреля 2014 г.)

Под редакцией
В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко

Москва
МГИМО-Университет
2014

УДК 32
ББК 66.2(5Туц)
Т 89

Серия: «Книги и брошюры ИМИ». Том 27.
(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Редакционный совет серии:

И.М. Бусыгина, В.В. Дегоев, А.А. Казанцев, А.В. Лукин,
А.И. Никитин, Л.С. Окунева, А.А. Орлов (научный редактор),
А.И. Подберёзкин, В.В. Попов, В.М. Сергеев, А.В. Федорченко,
А.Н. Чеканский, С.И. Чернявский, А.Л. Чечевишников.

Редактор серии *В.И. Шанкина*.

Техн. редактор *Е.П. Конюхова*.

Дизайн серии, вёрстка *К.Г. Шанкин*.

Т 89

Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах (материалы международной конференции, г. Москва, 2 апреля 2014 г.) / под ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 252 с. (Книги и брошюры ИМИ).

Данный сборник является результатом международной экспертной конференции «Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах», которая прошла 2 апреля 2014 г. в стенах МГИМО – Университета. В мероприятии приняли участие эксперты из различных учебных и научных институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Челябинска, а также из Казахстана и Украины. Встреча была организована преподавателем военной кафедры В.А. Аватковым, профессором кафедры востоковедения С.Б. Дружиловским и директором Центра ближневосточных исследований ИМИ А.В. Федорченко. Сборник может быть полезен всем тем, кто интересуется или профессионально занимается внутренней и внешней политикой Турции.

This book is a result of the international conference of Turkey experts (Turkologs) in MGIMO-University (2 April 2014) that was devoted to the topic “Turkey: New Realities in Internal Policy and Participation in Regional Geopolitical Processes”. There were the representatives of Moscow, Sankt-Petersburg, Kazan, Nizhnyi Novgorod, Chelyabinsk and also Kazakhstan and Ukraine among the participants. The meeting was prepared by V.A. Avatkov, S.B. Druzhilovski and A.V. Fedorchenko. The book can be useful to all those who are interested in or professionally engaged in domestic and foreign policy of Turkey.

ISBN 978-5-9228-1178-1

УДК 32

ББК 66.2(5Туц)

© МГИМО - Университет МИД России, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	8
<i>Орлов А.А.</i> Приветствие.....	9
<i>Аватков В.А.</i> Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития.....	11
<i>Бадранов А.Ш.</i> О структуре и системе турецкого религиозного движения «Хизмет».....	18
<i>Байдаров Е.У.</i> Тенденции исламизации в Турции: проблемы и противоречия.....	27
<i>Болдырев А.В.</i> Черноморская политика Турции: история, современное состояние и перспективы.....	37
<i>Вертяев К.В.</i> Позиция Турции в крымском кризисе.....	48
<i>Гаджиев А.Г.</i> Основные причины развития турецко-египетских отношений в период правления Партии справедливости и развития.....	54
<i>Дружиловский С.Б.</i> Новые тенденции в социально-политическом развитии Турецкой Республики.....	63
<i>Ермаков В.В.</i> Черноморский аванпост России.....	68
<i>Зезюля Р.А.</i> Проблема нормализации турецко-израильских отношений.....	74

<i>Иванова И.И.</i> Кипрская проблема на современном этапе.....	83
<i>Михеева Н.М.</i> Перспективы Турции как регионального лидера в условиях трансформации Большого Ближнего Востока.....	96
<i>Мкртычян А.А.</i> Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций.....	105
<i>Мозлов А.Т.</i> Координаты сотрудничества России и Турции в современных условиях.....	136
<i>Надеин-Раевский В.А.</i> Идеологическая перестройка и столкновение политических интересов в Турции.....	141
<i>Попов П.М.</i> Военно-гражданские отношения в Турции: современное состояние и перспективы развития.....	155
<i>Свистунова И.А.</i> Политика Турции в отношении Ирака на современном этапе.....	169
<i>Тимофеев П.П.</i> Позиция ЕС по вопросу принятия Турции в союз (на примере Франции).....	178
<i>Томилова Ю.О.</i> Информационная безопасность Турецкой Республики: современное состояние и перспективы.....	189
<i>Уйсал Г.А.</i> Турецко-российский политический диалог в начале XXI века.....	198

Ульченко Н.Ю.

Турция: неизбежна ли смена экономического курса?.....213

Урманов Д.Р.

Среднеазиатский фактор во внешней
политике Турции.....223

Циватый В.Г.

Внешняя политика Турецкой Республики
начала XXI века: институционально-дипломатическое
измерение региональных геополитических процессов
(взгляд из Украины).....230

Шангараев Р.Н.

Взаимодействие России и Турции в сфере энергетики.....241

Об авторах.....251

PREFACE

V.A. Avatkov

Foreign Policy Ideology of Turkey: Modern
and Future Trends.....11

A.S. Badranov

Structure and System of Turkish Religious
Movement Hizmet.....18

E.U. Baidarov.

Tendencies of Islamisation in Turkey:
Problems and Contradictions 27

A.V. Boldirev

Turkish Black Sea Policy:
History, Modernity and Perspectives 37

K.V. Vertiaev.

Position of Turkey in Crimea Crisis 48

A.G. Gadzhiev

Main Reasons for Development of Turkish-Egyptian Relations
during the Reign of Justice and Development Party.....54

<i>S.B. Druzhilovskiy</i> New Trends in Socio-Political Development of Turkey.....	63
<i>V.V. Ermakov</i> Black Sea Outpost of Russia.....	68
<i>R.A. Zezula</i> Issue of Normalization of Turkish-Israeli Relations.....	74
<i>I.I. Ivanova</i> Cyprus Issue at the Current Stage.....	83
<i>N.M. Miheeva</i> Perspectives for Turkey as a Regional Power in the Context of Transformation of Greater Middle East	96
<i>A.A. Mkrtychan</i> Peculiarities of Foreign Policy Strategy and Middle East Policy of Turkey in the Era of Geopolitical Transformations	105
<i>A.T. Mozloev</i> Coordinates of Collaboration of Russia and Turkey at the Current Stage	136
<i>V.A. Nadein-Raevski</i> Ideological “Perestroika” and Clash of Political Interests in Turkey.....	141
<i>P.M. Popov</i> Civil-Military Relations in Turkey: Current Stage and Perspectives of Development	155
<i>I.A. Svistunova</i> Turkish Policy towards Iraq at the Current Stage.....	169
<i>P.P. Timofeev</i> EU Position on the Issue of Turkey’s Integration into EU (Example of France).....	178
<i>U.O. Tomilova.</i> Information Security of Turkey: Current Stage and Perspectives.....	189

G.A. Uysal.

Turkish-Russian Political Dialog in the Beginning of XXI Century.....198

N.U. Ulchenko.

Turkey: IstheChangeinEconomic Policy Inevitable? 213

D.R. Urmanov.

Middle Asian Factor in Turkish Foreign Policy.....223

V.G. Tsivatiy.

Turkish Foreign Policy in the Beginning of XXI Century:
Institutional Diplomatic Context of Regional
Geopolitical Processes (Ukrainian Stare).....230

R.N. Shangaraev.

Interaction of Russia and Turkey
in the Sphere of Energetics About the Authors 241

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник является результатом международной экспертной конференции «Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах», которая прошла 2 апреля 2014 г. в стенах МГИМО - Университета. В мероприятии приняли участие эксперты из различных учебных и научных институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Челябинска, а также из Казахстана и Украины.

На пленарном заседании выступили А.А. Орлов, А.В. Федорченко, С.Б. Дружиловский и В.А. Аватков, которые поприветствовали участников и привели свои оценки трансформации внутри- и внешнеполитических тенденций в Турции. Организаторы подчеркнули значимость для России беспристрастного изучения процессов, происходящих вокруг Турции.

Подобное мероприятие проводится второй раз и позволяет учёным-туркологам различных учебных и научных организаций обменяться мнениями по важнейшим проблемам современной туркологии. Сборник научных статей, опубликованный по результатам прошлой конференции, вызывал неподдельный интерес научной общественности, свидетельством чего является рост участников дискуссии на нынешней Конференции, а также большое число слушателей, среди которых были представители ряда практических организаций, а также сотрудники посольства Турции в РФ. Конференция стала возможной, благодаря большой подготовительной работе, проведённой её организаторами.

Настоящий сборник может быть использован в научных и образовательных целях. В нём представлены работы по основным темам, охватывающим современную внутреннюю и внешнюю политику Турции.

Мероприятие демонстрирует увеличение значимости МГИМО-Университета как признанного центра туркологии. Оно способствовало развитию диалога туркологов нашей страны и поиску объективных решений рассматриваемых проблем. Эксперты подтвердили желание сделать такие встречи ежегодными.

В.А. Аватков, С.Б. Дружиловский, А.В. Федорченко

ПРИВЕТСТВИЕ

участникам Круглого стола «Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах»

Конференции тюркологов в стенах МГИМО (У) МИД России становятся хорошей, полезной традицией. Нынешний Круглый стол является логическим продолжением первого подобного мероприятия, состоявшегося год назад. Тогда темой обсуждения были российско-турецкие отношения в период 2002–2012 гг.

На этот раз внимание участников будет сконцентрировано на новых реалиях во внутренней политике Турции и участии Анкары в региональных геополитических процессах. Не хотелось бы опережать события, но, возможно, мы являемся свидетелями создания и становления школы тюркских исследований в МГИМО – Университете, что, безусловно, заслуживает самого пристального внимания и поддержки.

Турция в последнее время оказалась в эпицентре сложных геополитических процессов, затронувших, по сути дела, весь Средиземноморский регион. Продолжающийся сирийский конфликт; остающиеся до сих пор неразрешёнными израильско-палестинские противоречия; иранский конфликтный узел; незарастающая иракская рана, образовавшаяся после американской интервенции в эту страну в 2003 г.; брожение на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вызванное последствиями «арабской весны»; курдский вопрос – этот комплекс сложных, запутанных, переплетающихся проблем затрагивает региональные интересы Турции, вынуждая её реагировать на них. Невооружённым глазом видно, что отдельные элементы такой реакции во многом обусловлены внешним давлением со стороны могущественных союзников Анкары по НАТО, стремящихся активнее вовлечь Турцию, в частности, в сирийский конфликт, вынудить её стать, по сути, тыловой базой исламистской оппозиции, выступающей против правительства Б. Асада.

Нужна ли Турции такая роль? Повышается ли в результате статус этого государства на мировой арене или, наоборот, Турция предстает в виде придатка США и Запада в целом, обслуживающего их геополитические интересы? Эти вопросы всё чаще задаются международным экспертным сообществом, они ставятся и турецкими учёными. На повестке дня и вопрос о взаимосвязи нарастающей внутренней нестабильности в Турции с некоторыми региональными процессами, в которых Анкара так или иначе задействована.

Словом, вопросов для обсуждения на экспертном уровне много. Сама динамика международных процессов даёт богатую пищу для размышлений.

Желаю новой встрече тюркологов успешной, плодотворной работы, а её участникам — неординарных мыслей и смелых выводов.

*А.А. Орлов,
директор Института международных исследований
МГИМО (У) МИД России*

АВАТКОВ В.А.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ ТУРЦИИ: ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В контексте серьёзных внутривнутриполитических вызовов, связанных с местными выборами и выборами президента, турецкое руководство большее внимание уделяет именно внутривнутриполитическому курсу. Во внешнеполитической идеологии государства наступила определённая стабильность, десятилетие значимых реформ позволяет говорить об их результатах и перспективах развития идей и форм их реализации во внешней политике страны.

Партия справедливости и развития находится у власти уже более 10 лет, за которые ей удалось провести целый спектр внутривнутриполитических реформ и трансформировать как идейный базис внешнеполитической линии, так и её сущностное наполнение.

Прежде всего необходимо отметить, что внешняя политика Турции приобретает всё более самостоятельный характер и доктринально, и на уровне практики, что соответствует идейным установкам правящей партии и стратегическому целеполаганию министерства иностранных дел во главе с проф. А. Давутоглу.

Так, в программе ПСР есть отдельный раздел, посвящённый внешней политике. В нём указано, что геополитическое положение Турции обладает потенциалом формирования большого количества проектов. Во многом их создание и реализация зависят от мудрости использования геополитики в международных политических и экономических отношениях, в сфере безопасности. При этом после окончания «холодной войны» возникла динамическая стабильность, развилась среда, подходящая для иного развития внешней политики. В результате, как указывается в программе, Турции необходимо пересмотреть свою

внешнюю политику соразмерно новым реалиям, строить её на принципах гибкости и стараться стать определяющим центром силы. Как подчёркивается в указанном документе, партия будет стремиться проводить внешнеполитическую линию с учётом исторического и географического положения Турции, что может быть трактовано — наряду с иными подобного рода оборотами речи — как аллюзия османского прошлого и символического обоснования умеренного неоосманизма партии.

В программе Партии справедливости и развития также отмечается необходимость формирования нового баланса сил и внешнеполитических интересов Турции. В этой связи предлагается ряд мер, в том числе — ориентация на долгосрочную перспективу, поддержка общественных объединений и общественной дипломатии, проведение сценарирования и пр. В программе партии чётко прослеживаются и региональные приоритеты, говорится о важности отношений с ЕС, НАТО и США. В документе особый акцент делается на необходимость формирования дружеских, а не конкурентных отношений с Россией в Центральной Азии и на Кавказе, но больше о российско-турецких отношениях — ни слова. При этом достаточно много внимания уделяется отношениям со странами Центральной Азии и Ближнего Востока.

В частности, указывается, что у Турции имеется историческая, культурная и социальная близость с тюркскими республиками Центральной Азии, при этом её надежды в сфере контактов с указанными государствам не оправдались; ПСР намерена прикладывать усилия для трансформации указанного региона в зону широкого сотрудничества. Подобного рода формулировки при всей своей обтекаемости все равно демонстрируют внешнеполитические устремления партии, показывают её попытки сформировать активную неоосманскую линию во внешней политике в отношении тюркских республик [1].

Также необходимо отдельно остановиться на предвыборных программах (декларациях — beyanname) ПСР.

Предвыборная программа (декларация) 2007 г. начинается с лозунгов «Durmakuyokuladevam» («Не останавливаясь вперед»), «Herşey Türkiye için» («Всё для Турции») и слогана «Nice AK yıllara» («К бессчётным чистым годам»), в котором скрыта аллюзия на ПСР, которую в Турции сторонники называют «чи-

стой» партией, сокращая первые две буквы её названия. В декларации 2007 г. есть раздел, посвящённый внешней политике. Он начинается с указания на геостратегическое положение Турции и на необходимость формирования подхода, основанного на концентрации видения, а не на кризисах для укрепления Республики как региональной силы и действенного мирового актора.

В декларации подчёркивается необходимость перехода от оборонительной к наступательной внешней политике и использования всех видов силы, прежде всего – «мягкой». Региональные приоритеты расставлены достаточно привычно для турецкой внешней политики: начинается всё с ЕС и США, продолжается сопредельными с Турцией регионами и тюркским миром.

Россия упоминается вскользь при перечислении стран. При этом большое место в разделе посвящено «тюркскому миру», в отношении которого используются весьма недвусмысленные формулировки. Так, указывается: «Первостепенная задача нашей внешней политики – реализовать историческую ответственность Турции и покровительствовать тюркским родственным государствам и обществам». Здесь важно отметить следующее: несмотря на то, что мной словосочетание “sahipçikmak” было переведено как «покровительствовать», его первое значение – «стать обладателем». Помимо этого, важно, что сообществом турки часто называют этнические группы, компактно проживающие в той или иной стране, например башкиры, татары и прочие [2].

В свою очередь, в предвыборной декларации ПСР 2011 г. уже говорится не о необходимости усиления региональной и мировой ролей Турции, а подчеркивается стремление превратить Республику в страну-лидера. При этом отмечается, что ПСР старается использовать глобализацию во благо Турции, проводя «проактивную» внешнюю политику и создавая новый баланс между национальными и глобальными интересами. В отличие от программы 2007 г. уже не декларируется намерение превратить Турцию из ведомой в ведущую страну. Констатируется реализация этой цели. Отдельно выделяется и посредническая роль Турции в урегулировании конфликтов.

В декларации подчёркивается, что Турция стала центром «мягкой силы» благодаря активному развитию экономики, бизнеса, науки и технологий, высшего образования и дипломатии.

В качестве позитивного примера деятельности ПСР приводится открытие представительств фонда им. Юнуса Эмре в основных городах мира и подчёркивается стремление к дальнейшему развитию подобного рода деятельности, которая на самом деле в средне- и долгосрочной перспективе может принести дивиденды Турции в виде лобби и сочувствующих по всему миру. Даются и иные примеры из «истории успеха Турции», в том числе — общественной дипломатии. Отдельное место во внешнеполитическом разделе уделяется исламофобии, которая объявляется врагом мира, стабильности и равенства.

Среди региональных приоритетов в документе указаны, прежде всего, ЕС, США, Ближний и Средний Восток, Балканы, Россия и Кавказ, Центральная Азия. В декларации подчёркивается стратегическая важность членства Турции в ЕС, причем, в первую очередь с точки зрения будущего Европы. В отличие от декларации 2007 г. в данном документе уделено относительно много места отношениям с Россией, позитивно характеризуется развитие двустороннего взаимодействия. В предвыборной декларации ПСР говорится сдержаннее об отношениях с тюркскими государствами и обществами, подчёркивается роль образовательных и культурных проектов в развитии отношений.

* * *

Особую роль во внешней политике Турции играла на протяжении последних лет концепция «Ноль проблем с соседями». Данная концепция уже в названии своём подразумевает скорее идеал-ценность, чем конкретную цель, базирующуюся строго на интересе. То есть, иными словами, основной внешнеполитической концепцией Турецкой Республики стала ценностная установка, что, бесспорно, вписывается в укрепившийся мирополитический тренд увеличения роли ценностей в политике.

Концепция «Ноль проблем с соседями» изначально была миролюбивой и базировалась строго на идее основателя Республики М.К. Ататюрка «мир в стране — мир во всём мире». С изменением внешнеполитической линии и усилением тенденции укрепления роли Турции в регионе и мире государство перешло к более активной деятельности, подразумевавшей скорее трансформацию концепции, нежели чем отказ от неё, как это активно постулируется многими политологами в последнее

время. Идеал отсутствия проблем с соседями может достигаться не только переговорами и встречами на высшем уровне — он может достигаться активным внедрением и подготовкой лобби в странах-реципиентах. То есть, иными словами, проблемы с конкретной страной исчезают с трансформацией режима в ней в сторону более лояльного. Для этого необходимо воздействовать на внутривластную и внутриэкономическую среду в этой конкретной стране.

Необходимо отметить, Турции удалось многое на этом направлении. Так, в сопредельных с Республикой странах действует целая сеть культурных и образовательных организаций, среди которых не последнюю роль играет фонд им. Ю. Эмре [3, с. 116–123], TİKA, TÜRKSOY и пр. В странах «Арабской весны» укрепились у власти режимы, более лояльные современному турецкому руководству, нежели чем имевшиеся ранее.

Однако не всё так успешно: «Ноль проблем» явно не достигнут с Сирией, Египтом, Арменией, Кипром. Пожалуй, это наиболее проблемные точки для современного турецкого руководства.

В Египте к власти после событий «арабской весны» пришли «Братья-мусульмане» — умеренно исламистская партия, близкая по духу консервативной ПСР. При этом они весьма быстро потеряли власть, отдав её военным, которые, в отличие от своих турецких коллег, не стали стоять в стороне, а совершили военный переворот. В этой связи перспективы развития отношений с Египтом для Турции пока негативны при сохранении текущего расклада сил.

Повлиять на армянский политический режим турецкое руководство не в состоянии, как не может и воздействовать на негативное поле, связанное с геноцидом. В контексте присоединения Армении к Таможенному союзу какое-либо потепление с Турцией становится возможным только при усилении интеграции последней в эту группировку.

В свою очередь, кипрская проблема, имеющая глубокие корни, также остаётся нерешённой. Известно стремление Северного Кипра к интеграции с южной частью: за план Аннана по урегулированию Север голосовал «за», Юг — «против». Однако южная часть сегодня в ЕС, тогда как северная часть острова остаётся в подвешенном состоянии, что оказывает не последнее влияние на Анкару.

Наиболее серьёзным внешнеполитическим вызовом концептуальными основами и практической реализации турецкой внешней политики стала ситуация вокруг Сирии. Турецкое руководство судило режим Б. Асада по законам «арабской весны», явно ожидая, что столкнётся с быстрым крахом режима, и в этой связи решило пожертвовать своими отношениями с ним, которые только-только начинали улучшаться. Однако в данном случае поле «арабской весны» не до конца перекинулось на Сирию, что связано, прежде всего, с активной позицией России. Благодаря позитивным экономическим связям России и Турции удалось пока что избежать конфликтов между двумя странами относительно Сирии. Однако данный кризис показал, что России и Турции необходимо выстраивать не только экономическое сотрудничество, но и укреплять контакты в сфере безопасности, создавать единые рамки нового поля безопасности.

Можно сделать вывод из всего вышесказанного, что Турция претендует на роль мирового игрока, однако пока что является скорее надрегиональным [4, с. 73–89.] или трансрегиональным [5, р. 44]. Для усиления роли государства на международной арене ему необходимо заниматься ресурсной базой (в широком смысле слова), работать над имиджем и идеологией. Очевидно также, что в контексте трансформации внутривнутриполитической среды в 2014 г. в связи с выборами и усиливающимися внутривнутриполитическими столкновениями Турцию ждёт перестройка внешнеполитической идеологии, однако не столь глобальная, как та общая «перестройка» [6], в которой страна находится со времён прихода к власти ПСР.

Литература

1. AK Parti Programı. Adalet ve Kalkınma Partisi.
URL: <http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum6> (date of access: 28.05.2013).
2. AKP beyannamesi, 2007. Charles Kurzman site. 2007.
URL: http://kurzman.unc.edu/files/2011/06/AKP_beyanname-2007.pdf (date of access: 28.05.2013).
3. *Аватков В.А.* Центры турецкой культуры им. Юнуса Эмре — «мягкая сила» Турции / В.А. Аватков, Е.Е. Чулковская // Геополитика и безопасность. 2013. № 2 (22).
4. *Аватков В.А.* Внешнеполитические идеологемы Турции / С.Б. Дружиловский, В.А. Аватков // Обозреватель (Observer). 2013. № 6 (281).
5. *Larrabee F.S., Lesser I.O.* Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. Pittsburg: RAND, 2003.
6. *Надеин-Раевский В.А.* Турция на пороге непростого выбора // Международная жизнь. № 3, 2014.
URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=1040>

БАДРАНОВ А.Ш.

О СТРУКТУРЕ И СИСТЕМЕ ТУРЕЦКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ «ХИЗМЕТ»

О политическом влиянии турецкой религиозной секты «Хизмет» зарубежные и отечественные СМИ стали активно писать в контексте внутривосточного кризиса в Турции? возникшего в конце 2013 г. Кризис выражен в коррупционных скандалах и противостоянии премьер-министра Турции Реджепа Эрдогана с религиозным проповедником Фетхуллой Гюленом, проживающим в США [1].

Указанный политический конфликт в Турции в определённой степени легализовал для открытого обсуждения тему влияния турецкой секты «Хизмет» («Нурджулар») в России. Ранее противники открытого обсуждения данной проблематики возражали полным отрицанием существования в природе организации «Нурджулар» или «Хизмет». Сегодня уже невозможно отрицать факт их активной деятельности в мире и на постсоветском пространстве.

От Нурси к движению «Хизмет»

Религиозное движение «Нурджулар» основано турецким богословом курдского происхождения Саидом Нурси (1878–1960). Учение Саида Нурси выражено в трудах под общим названием «Рисале-и-Нур», включающие в себя 14 томов религиозного текста [2]. Большинство этих работ были написаны в тюрьме, где он обратился к своим первым последователям, и где его мысль развивалась от исламизации духа и усиления веры до исламизации государства.

После смерти Саида Нурси его последователи разделились по политическим, религиозным и этническим вопросам. Среди

множества этих субгрупп и лидеров претендующих на наследие Нурси особняком стоит Фетхулла Гюлен.

На основе учения «Рисале-и-Нур» Гюлен создал совершенно новое движение с организационной и методологической точки зрения отличающееся от остальных последователей Саида Нурси. Движение Гюлена в Турции называют «Фетхуллагилар», сами себя adeпты движения называют «Хизмет». Это является важным методологическим аспектом в исследовании «Хизмета», не каждый «нурсист» является «хизметчиком», но каждый «хизметчик» является «нурсистом». При этом движение «Хизмет» характеризуется как высоко законспирированная структура сектантского типа. Зарубежные исследователи отмечают сходство в методологии распространения идей «Хизмета» с методами работы иезуитов: структура движения отчасти копирует западные миссионерские школы, учрежденные в последние дни Оттоманской Империи [5].

Концептуальные основы движения «Хизмет»

В основе деятельности «Хизмета» заложен концепт «AltınNesil» [5] («Золотое поколение»), заключающийся в воспитании нового «золотого» поколения, которое должно занять ведущие позиции в политической и экономической жизни общества, с одной стороны, и с другой – оно должно быть привержено одновременно исламским и турецким традициям.

Таким образом, adeпты «Хизмета» работают на формирование лояльных элит во всех странах, где присутствует движение. При этом концепт «AltınNesil» предполагает метод селективного отбора, посредством экзаменов и олимпиад в учебные учреждения интернатского типа отбирают перспективных мальчиков 10–12 лет. Далее в процессе обучения в школах интернатского типа среди учащихся организовываются небольшие «кружки», где подростков прививают к идеям и ценностям движения. Детей для обучения в своих образовательных заведениях указанные организации отбирают в основном из элитарных семей титульных наций региона. В ходе учебного процесса учащиеся подвергаются протурецкой обработке, для наиболее способных из них организуются выезды в Турцию за счёт средств движения.

Также важным концептуальным аспектом деятельности «Хизмет» является скрытый прозелетизм. Adeпты движения различа-

ют teblig и temsil. Teblig означает открытый прозелитизм, но его не применяют, так как люди «устали» от прозелитизма благодаря большому обилию политической, религиозной и философской пропаганды в обществе. В свою очередь temsil считается лучшим способом проповедования. Проповедник, практикующий temsil будет жить исламской жизнью, где бы он ни находился, но никогда не произнесёт слово «ислам» или иные «опасные слова» [6].

Институционально движение опирается и ориентировано на развитие в трёх сферах общества:

Образование. Движению принадлежит широкая сеть образовательных учреждений по всему миру, по оценкам экспертов, у «Хизмета» 500 школ в 150 странах мира [7]. При этом движением открыты и контролируются: общеобразовательные школы, центры подготовки к высшим заведениям, колледжи и высшие учебные заведения.

СМИ. «Хизмет» контролирует медиахолдинги и издательские дома, так например адептам движения принадлежит информационное агентство İhlasHaberAjansi (ИНА), куда входят газеты *Turkiye*, *Zaman*, *Zafer* и телеканалы *TGRTTV*, *SamanYoluTV* [8, p. 55–66].

Финансы и бизнес. В настоящее время совокупный капитал «Хизмета» оценивается в более чем 50 млрд долларов. Денежные средства поступают как за счёт пожертвований, так и от финансово-экономической деятельности принадлежащих ей различного рода фирм, банков, холдингов [3]. Эксперты отмечают, что практически весь турецкий бизнес, представленный на постсоветском пространстве аффилирован с движением «Хизмет». Так, например, всевозможные союзы и ассоциации турецких предпринимателей в постсоветских государствах созданы и контролируются «Хизметом» [7].

Любая секта жизнестойчива и будет существовать до тех пор, пока в неё постоянно будут вовлекаться неофиты. Устойчивость и развитие секты «Хизмет» заключается преимущественно в двух важных институтах своей структуры, обеспечивающие вовлечение неофитов:

- школы, так называемые «турецкие лицеи»;
- «квартиры» – система общежитий, организованная на частных квартирах и домах.

«Турецкие лицеи»

«Турецкие лицеи» – сеть общеобразовательных учреждений интернатского типа, имеющие гибкую и в тоже время строго иерархичную систему внутреннего управления адептами «Хизмет».

Внутреннее управление всеми школами осуществляется «Генеральной дирекцией» (Genelmüdürlük), как правило, расположенной в столице региона и связанной с большой образовательной компанией в Турции [6]. Указанная структура является неофициальной, ни в одном уставном документе этих образовательных учреждений нельзя встретить данную структуру и нижеописанную иерархию.

Иерархия управления школами выглядит примерно следующим образом:

– Генеральный директор всех школ (Genelmüdür) координирует все процессы связанные с функционированием секты в школах, ставит задачи директорам школ, выстраивает взаимоотношения с бизнес-структурами. Один раз в месяц проводит собрания со всеми директорами школ.

– Директор школы – помимо «административного директора», назначаемого региональным министерством образования или управлением образования муниципального образования, – назначается из числа адептов секты.

– Ответственные за учебные дисциплины (zumrebaşkanları).

– Учителя (öğretmen) отбираются строго из членов секты.

– Наставники (belletmen) – самая молодая по возрасту структурная единица и одна из самых важных. Как правило, это студенты, аспиранты, работающие в лицеях-интернатах воспитателями и помощниками воспитателей. Тщательно подбираются из среды «проверенных и надежных» адептов секты. Функционал – выполнение роли «старших братьев» для школьников в целях воспитания и транслирования установок и ценностей секты «Хизмет».

Стоит отметить, что описанная система управления и иерархия «турецких лицеев» сохраняется в тех странах, где движение «Нурджулар» запрещено, и, по мнению властей, «турецкий» компонент в лицеях ликвидирован.

По отношению к агрессивной среде движение «Хизмет» выработало особую стратегию, которую также отмечают зарубежные исследователи движения [6]. Официально директор и учителя в

школе будут говорить, что религия в лицее не практикуется. На родительских собраниях директор будет объяснять, что лицеи не являются религиозными школами. Однако тот же директор скажет наставникам (belletmen) выбрать небольшое количество школьников, учить их молиться и дать им базовое исламское образование; наставники должны сказать ученикам, что это должно оставаться в секрете между ним и ими. Стратегия наставника должна состоять в том, чтобы выглядеть близким другом его подопечных, а не представителем учителя, работа которого держать школьников под присмотром. Лишь малые группы выбираются для этого религиозного образования. В последний год ученикам из этих малых групп, за пару месяцев до того как они завершат обучение в лицее, наставники дают больше исламских уроков.

В России образовательная сеть «Хизмета» представлена так называемыми «турецкими лицеями» и Центрами дополнительного образования – ЦДО (аналоги derthane в Турции).

«Турецки лицеи» в России были открыты в начале 1990-х гг.: в Татарстане (Казань – 3 лицея, Альметьевск, Бугульма, Набережные Челны и Нижнекамск – по 1 лицее); в Башкортостане (Уфа, Стерлитамака, Нефтекамск, Сибай); в Карачаево-Черкессии; в Тыве; в Якутии (Саха – турецкий анатолийский колледж в Якутске); в Дагестане (Махачкала, Дербент и село Буглеи Буйнакского района). Также лицеи действовали в Абакане, Астрахани, Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Челябинске, Чебоксарах, Черкесске [4].

В 2000-х гг. практически все эти лицеи были реорганизованы, а турецкие педагоги были выдворены из страны. Однако полевые исследования автора позволяют сделать вывод о том, что в ряде лицеев сохраняется влияние адептов турецкой секты*. «Хизмет» смогли взрастить последователей своих идей из числа местного коренного населения, что позволяет им продолжать активную деятельность на территории Российской Федера-

---

* С 2009 г. по настоящее время автор принимает участие в деятельности межрегиональной общественной организации «Ассоциация студентов и аспирантов Башкортостана в Москве и Санкт-Петербурге». В рамках данной общественной деятельности ежегодно проводится интервьюирование выпускников общеобразовательных учреждений.

ции. После выдворения за пределы России турецких педагогов «турецких лицеев» в качестве воспитателей и преподавателей устроились новые адепты секты из числа местного населения, которые продолжают внедрять идеи и ценности секты «Хизмет» среди молодёжи, в том числе активно рекрутируют новых членов в свои ряды.

Квартиры

İşik evleri [6] («дома света») – квартиры, находящиеся в собственности, но чаще арендуемые адептами секты, где проживают по строгому регламенту её адепты. Каждая квартира управляется имамом или abi («старший брат»), в задачи которого входит контроль соблюдения на квартире предписаний и регламента секты, в том числе через имама-abi до адептов доводятся уставки «Хизмета» по различным религиозным и бытовым вопросам.

На квартирах еженедельно, с определённой периодичностью, проводятся различные мероприятия – чаепития и занятия:

- ders – урок, изучение религиозной литературы секты.
- sohbet – дискуссионное занятие, где обсуждаются религиозные вопросы, читаются отдельные страницы работ Нурси или Гюлена применимо к обсуждаемым вопросам.
- чупраз – воскресное утреннее собрание: адепты из нескольких квартир собираются в одной из них для совместного чаепития и проведения занятия на религиозные темы.

Квартиры объединяются в bölge («бёльге») – группа, отделение, объединение из 3-5 квартир. Возглавляет и контролирует каждое «бёльге» директор по воспитанию группы – bölgeterbiyemüdüğü, сокращённо – БТМ. Он проводит собрания имамов своего «бёльге», ставит им задачи, контролирует их исполнение.

Члены общины разделяются на «учащихся» и «работающих»: «учащиеся» – это студенты, ученики, которые имеют льготы на проживание; «работающие» – адепты, ведущие трудовую деятельность, ежемесячно отчисляют из зарплаты в пользу секты определённую сумму «для поддержания квартир и быта учащихся адептов секты».

После переезда неопита на квартиру ему постепенно разъясняются основы Ислама, этот процесс занимает от 1 до 3 меся-

цев до момента принятия рекрутируемым Ислама. Затем новому члену общины разъясняются правила «Хизмета»: вынужденная конспирация «из-за высокого уровня исламофобии в обществе», правила проживания на квартире — согласование всех своих действий с имамом квартиры ради «безопасности членов общины и соблюдения всех предписаний религии» и т.д. Как правило, согласованию с имамом квартиры подлежат практически все стороны жизни, в том числе ежедневное время возвращения на квартиру, поездка к родителям на выходные, общение или необщение с теми или иными людьми, участие в общественной жизни университета или в иных общественных организациях, общение с противоположным полом и т.д.

Задача имама квартиры — контроль за проживающими на квартире, ведение на каждого из них досье, контроль за выполнением проживающими требований религии.

Пантюркистская идеология внедряется в сознание членов общины постепенно и постоянно: организация питания на квартире (питаются, сидя на полу, периодически готовятся турецкие блюда); при изучении Ислама используются исключительно комментарии Саида Нурси и Ф. Гюлена; приводятся различные турецкие притчи, всех членов общины обязывают изучать турецкий язык; проводятся ненавязчивые беседы и лекции об истории турков и значении турков в истории и развитии тюркских народов. Так, например, один из бывших адептов секты говорит что «турецкая культура внедрялась от еды, одежды и до совершения различных религиозных обрядов, т.е. мы уже не знали, что относится к религиозным предписаниям, а что просто к турецким обычаям».

Стоит сказать, что существуют как квартиры, где проживают мужчины, так же существуют квартиры, где проживают женщины. Причём правила проживания женщин на квартирах намного строже.

Жёсткая регламентация жизни адептов секты происходит и в сфере брачно-семейных отношений. Адепты секты не могут вступить в брак пока не получат на это разрешения от своих старших товарищей — имамов, при этом мужчина должен выбрать себе спутницу из числа женщин-адептов секты, мужчине предоставляются анкеты женщин, из которых он выбирает себе спутницу. Женщины-адепты секты правом выбора мужа

не обладают. Затем происходит знакомство по канонам шариата, после чего молодые могут пожениться. Характерным в брачно-семейных отношениях является то, что мужчинам обычно позволяют жениться в 30 лет, реже в 25. Девушек могут выдать замуж и в 20 лет. Если у молодых рождается ребёнок, то родители могут обязать согласовать имя ребёнка с имамами секты.

Таким образом, учитывая скрытый прозелетизм, законспирированную вертикальную иерархию и строгий контроль за жизнедеятельностью адептов, можно определить движение «Хизмет» как организацию сектантского типа. В то же время широкая сеть на территории множества государств, активная экономическая деятельность и ориентация на элиты говорит о политических амбициях руководителей движения. Вышесказанное позволяет дать движению определение транснациональной религиозной корпорации. Наблюдаемый в настоящее время внутривнутриполитический конфликт в Турции – с участием адептов движения «Хизмет» – демонстрирует движение как серьёзную политическую силу. Имея в своём активе разветвлённую сеть образовательных учреждений, медиахолдинги, бизнес-структуры и самый существенный ресурс – значительный кадровый потенциал, «Хизмет» занимает одну из лидирующих позиций в турецком обществе. В свою очередь, возникает вопрос: насколько угроза религиозного движения «Хизмет» сегодня осознана в России? Не стала ли эта организация уже «политическим фактом» в нашей стране, который ещё не заявил о себе публично?

Литература

1. Эрдоган меняет союзников.
URL: http://www.ng.ru/world/2014-02-05/1_erdogan.html
Гюлен руководит одной из самых крупных в мире масонских организаций – «Хизмет».
URL: <http://golosislama.ru/news.php?id=21794>
2. Движение Фетхуллаха Гюлена: экстремистская организация маскируется под сторонников «диалога между цивилизациями».
URL: <http://rostend.su/?q=node/167>

3. Власть Турции заявляют, что полностью контролируют ситуацию в стране.
URL: <http://www.panarmenian.net/rus/details/163057/>
4. Казахско-турецкие лица.
URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B8
5. *Bayram Balci*. Turkey's Religious Outreach in Central Asia and the Caucasus // Current Trends in Islamist Ideology, Vol. 15. URL: <http://www.currenttrends.org/research/detail/turkeys-religious-outreach-in-central-asia-and-the-caucasus>
6. *Balci, Bayram'Fethullah Gülen's* Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam', Religion, State and Society, 31: 2, 151-177.
7. *Bayram Balci*. Between secular education and Islamic philosophy: the approach and achievements of Fethullah Gülen's followers in Azerbaijan Caucasus Survey Vol.1, No.1, October 2013. URL: <http://www.caucasus-survey.org/vol1-no1/bayram-balci-approach-and-achievements-of-Fethullah-Gulen-in-Azerbaijan.htm>
8. *Rachel Sharon-Krespin*. Fethullah Gülen's Grand Ambition Turkey's Islamist Danger // Middle East Quarterly Winter 2009.
URL: http://www.meforum.org/2045/fethullah-gulens-grand-ambition#_ftn12

БАЙДАРОВ Е.У.

ТЕНДЕНЦИИ ИСЛАМИЗАЦИИ В ТУРЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

На протяжении уже довольно длительного исторического времени в Турции продолжается борьба двух основных тенденций в социально-политическом развитии. С одной стороны, принадлежность Турции к светской европейской модели государственного развития, с другой — все более укрепляющаяся тенденция исламизации турецкого общества. При этом борьба между исламистами и националистами традиционно всегда считалась одним из ключевых факторов внутренней политики Турции. Причём конфликты между этими двумя силами временами принимали форму военного противостояния, о чем, например, свидетельствует современная история республиканской Турции, насчитывающая четыре государственных переворота.

В течение нескольких столетий подряд монархи Османской империи носили титул Халифа, верховного главы всего исламского мира, а Стамбул являлся его духовным и политическим центром. Однако с падением Османской империи и провозглашения в 1923 г. на территории Турции республиканского строя, период господства теократических норм жизни государства остался prerogative только лишь учёных-теологов и историков.

Политика первого президента Турции Мустафы Кемала Ататюрка в 1923–1938 гг. была ознаменована проведением глубоких преобразований, в основе которых лежали два главенствующих принципа: лаицизм — развитие Турции как светского государства, в соответствии с которым в 1928 г. ислам перестал быть государственной религией, и этатизм — решающая роль государства в развитии экономики [3, с. 202].

Сегодня же мы являемся свидетелями того, что в Турции всё очевиднее становятся расхождения между некоторыми принципами, установленными К. Ататюрком, и настроениями, набирающими силу в обществе. Причина этого в том, что за десятилетия существования республики турецкое общество так и не смогло преодолеть главное внутреннее противоречие и однозначно ответить на вопрос о том, что же для них важнее: ислам или заветы Ататюрка. Примечательным в этой связи является заявление одного из высокопоставленных лиц Генерального штаба Турции, генерала армии И. Башбута, сделанное им во время визита в 2004 г. в США, что «государство не может быть одновременно лаицистским и мусульманским» [5].

Можем ли мы рассматривать это заявление как предупреждение и совет нынешним властям неукоснительно сохранять принципы лаицизма?

В то же время кемализм, несмотря на все усилия властей, так и не смог вытеснить из турецкого сознания мусульманскую идеологию. Более того, основная часть населения склоняется к необходимости роста роли ислама в обществе.

Внутриполитические процессы, происходящие в Турции в последнее время, демонстрируют, что избавление от религиозных многовековых исламистских наслоений в общественно-политической жизни государства и, самое главное, в сознании людей, не может произойти даже в течение столетия.

Всё большему нарастанию противоречий в обществе послужила и жёсткая полемика вокруг принятого по инициативе правящей исламской «Партии справедливости и развития» (AdaletveKalkinmaPartisi) решения парламента о внесении изменений в Конституцию страны, которые в том числе снимают запрет на ношение в высших учебных заведениях женского мусульманского платка. То есть суть основной причины нового витка противостояния на внутриполитическом поле страны, считают турецкие эксперты, — действия правящей ПСР, которые, по мнению оппозиции, ведут к исламизации Турции и разрушению её светских устоев.

Сегодня Турцию вновь и вновь потрясают манифестации кемалистов и исламистов. При этом вторых поддерживает Евросоюз, а первые начинают поговаривать о коварстве Запада и о

союзе с РФ, Китаем и даже Ираном [9]. И те, и другие обвиняют друг друга в подготовке государственного переворота и свержении существующего строя. Таким образом, назревает опасность настоящей гражданской войны между усиливающимися исламистами и прежней Турцией – националистической, светской, кемалистской.

После президентских выборов 2007 г. внутривнутриполитический кризис в Турции не утих, а продолжает набирать обороты. Турецкое общество начинает опасно разделяться. С одной стороны, есть господствующие с 1920 г. кемалисты – сторонники светского, националистического пути развития считающие, что религия связана с отсталостью, которые выступают за отделение ислама от государства, за модернизацию страны по западному образцу. Именно поэтому кемалисты с самого начала сделали ставку на армию, а в годы «холодной войны» направили страну антисоветским курсом, введя Турцию в блок НАТО; с другой – правящая исламистская «Партия справедливости и развития», которую активно поддерживают западные круги.

Таким образом, появились новые тенденции и новые силы, которые готовы противопоставить себя кемалистской власти. Немаловажным является тот факт, что Запад поддерживает именно исламистов, толкая Турцию на грань кровавой междоусобицы. Списав кемалистский проект со страниц истории, Европа считает его более не актуальным.

Но кемалисты, судя по всему, не уйдут без боя. На их стороне находятся миллионы тех, кто не желает мириться с законами шариата. Многие боятся того, что исламисты, получив безраздельную власть (а противовеса им не будет), моментально сбросят маски гуманности и «европейскости», устроив в Турции порядок в стиле Алжира 1992 г. или талибского Афганистана 2000-х гг.

Сегодня митинги в защиту кемализма собирают многотысячные, экзальтированные толпы националистов. Они выдвигают «шесть стрел» турецкой идентичности: «национализм», «лаицизм», «этатизм», «республиканизм», принцип «единства турецкого народа» и революционность [10]. А это значит, что в Турции может быть не только «революция хиджабов» – но и настоящая гражданская война с последующим возможным расколом страны.

Впрочем, лидер правящей исламской «Партии справедливости и развития» и премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган утверждает, что не хочет никакой конфронтации со сторонниками светского государства. Р. Эрдоган поспешил заявить, что его партия поддерживает идею свободного рынка и вступления Турции в ЕС и даже готова выполнять план экономических преобразований, намеченных для Турции специалистами из МВФ.

Что касается ислама, то как отметил Р.Т. Эрдоган, он не является препятствием для демократии. «Ислам, – подчёркивает он, – не препятствие

для демократии. Демократия объединяет всех турок – и верующих, и неверующих» [7].

Отмечая необходимость уважения традиционных мусульманских ценностей, руководство стоящей на позициях умеренного исламизма ПСР подчеркивает, что это не может нанести какого-либо вреда принципам лаицизма. Совместимость лаицизма и религии признавал Ататюрк, который был «против шариата и идеи религиозного государства, но и против враждебности к религии» [1, с. 525].

В программе правительства был также сформулирован подход к религиозному образованию, связанный с целями лаицизма: «Религиозное образование должно быть таким, какое сможет предупредить эксплуатацию или преступное использование религии и религиозных чувств в политических или личных интересах или для обеспечения влияния религии, религиозных чувств или того, что считается религиозными святынями» [4].

Следует напомнить, что Р. Эрдоган, пришел к власти еще весной 2003 г. на фоне серьёзного экономического и политического кризиса в стране.

Предложив «исламский ответ» на стоящие перед страной и обществом вызовы, Эрдоган смог объединить вокруг себя не только сторонников так называемого «исламского пути», но также либералов, социал-демократов и левых. Со временем Партия справедливости и развития стала общенациональной правоцентристской партией, от которой в парламент страны избиралось больше женщин, чем от любой другой партии страны, отстаивающей светский путь развития государства.

В середине 2000-х гг. ПСР мало напоминала те религиозные организации, которые были запрещены в Турции в прошлом. К примеру, она не менее активно, чем сторонники светского пути и военные, выступала за интеграцию с Европой. Для реформирования общественно-политической системы страны по европейским лекалам Эрдоган сделал больше, чем все его предшественники. В связи с этим на Западе его вообще считают представителем новой волны «умеренных исламистов», вполне демократичных, прагматичных и трезво оценивающих реальность. Именно при Эрдогане Турция получила долгожданный статус страны – кандидата на вступление в Евросоюз.

Не случайно западная пресса объявила результаты выборов 2002 г. в Турции новой революцией. «Решительная победа партии, связанной с исламом, покончила со старым политическим порядком в этой евразийской стране, что чревато самыми серьёзными изменениями со времён образования Турецкой Республики», – полагает испанская газета «Эль Паис» [7]. Европу больше всего волнует вопрос, как Турция намерена строить отношения с Евросоюзом.

Однако не менее важным представляется и то, как изменятся отношения Турции со странами-соседями, с мусульманским миром. Еще С. Хантингтон, автор теории «столкновения цивилизаций», призывал Турцию не торопиться в ЕС, а взять на себя роль «государства-лидера» для мусульманской цивилизации, чтобы упорядочить этот бурлящий регион.

Ответа на вопрос об истинных намерениях турецких исламистов пока нет. Для правящих режимов Центральной Азии Турция до недавнего времени рассматривалась как эталон, пример светского развития. Именно на такую модель ориентировались правительства Казахстана и Узбекистана. В то же время различными направлениями внутри страны и некоторыми государствами Турция до недавнего времени рассматривалась как лидер исламского мира.

На сегодняшний день политическая борьба входит в новую фазу, которая характеризуется обострением реформаторско-атаюркского и исламистского направлений.

Главная задача современной Турции состоит в необходимости нахождения политических компромиссов и выработки общего курса для различных слоёв турецкого общества.

Правящая исламская «Партия справедливости и развития» и её лидер Р.Т. Эрдоган, поймав удачу за хвост, летом 2011 г. в третий раз выиграла парламентские выборы, завоевав абсолютное большинство в парламенте, что позволило ей сформировать собственное правительство. Это уникальный случай в истории современной Турции, так как такое не удавалось на протяжении последних 60 лет ни одному турецкому премьер-министру.

Эрдоган уверяет, что именно под его чутким руководством Турция превратилась в «современную державу, пользующуюся авторитетом на мировой арене, успешно преодолевшую экономический кризис, страну, которая строит автострады и железные дороги, боевые вертолёты и военные корабли». Странники ПСР в Турции и за её пределами полагают, что нынешняя Турция — «лучший пример удачного соединения современной демократии с традициями ислама». Вашингтон, напомним, давно называет турецкий режим образцом для подражания для всего Ближнего Востока и в первую очередь арабского мира.

В чем же состоит сила ПСР? Социальную базу ПСР, прежде всего, составляют представители малого и среднего бизнеса из Анатолийской глубинки, возникшего в условиях господства стамбульской аристократии, но со временем нарастившего свои экономические и политические мускулы. Среди них немало образованных людей, но преимущественно выходцев из простых семей, прошедших обучение в школах и колледжах, спонсируемых благотворительными фондами нурсистов (последователи богослова Саида Нурси (1878–1960) и Фетхуллага Гюлена. Эти благотворительные фонды дают детям из бедных семей возможность получить качественное образование. Особенностью последнего является сочетание светского образования с факультативными кружками по изучению Корана, ненавязчиво вовлекающими студентов в социальные сети исламской ориентации [2].

Если светское образование в этих школах открывало путь для профессиональной и бизнес-карьеры, то исламское образование обеспечивало лояльность и гарантировало «крышу» после завершения обучения. Таким образом, в течение многих лет кропотливой работы был создан упомянутый костяк ПСР, ставший на определённом этапе требовать места под солнцем. И это место можно было получить, потеснив позиции старой городской аристократии.

В этом частично и заключается конфликт двух поколений бизнесменов и политиков. Одно из них ассоциировано с прежними кемалистскими режимами, второе — с партиями исламско-консервативной ориентации, реинкарнировавшихся на последнем этапе в ПСР.

Однако начало 2014 г. ознаменовалось тем, что противостояние между турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом и его политическими оппонентами вышло на качественно новый уровень. Глава турецкого правительства публично «объявил войну “параллельному государству” и заявил о намерении ”выкорчевать из властных структур сторонников организации «Хизмет» и её лидера — известного общественно-религиозного деятеля Фетхуллага Гюлена”». «Мы не можем позволить

подобной организации существовать в самом сердце нашего государства, для нас это вопрос выживания», — подчеркнул Эрдоган, которого процитировал телеканал «Евроньюс» [6].

Эмоциональное заявление Эрдогана выглядит чрезвычайно любопытным по нескольким причинам. По всей видимости, речь идёт о фактически полном разрыве отношений между ним и Гюленом, который до недавнего времени активно поддерживал правящую в Турции «Партию справедливости и развития», её лидера Эрдогана и проводимые ими реформы. Принято считать, что именно последователи Гюлена составляли основную электоральную опору Эрдогана среди религиозной части турецкого общества, что во многом позволяло ПСР триумфально побеждать на парламентских выборах в 2000-е гг.

Так, например, по оценкам местных наблюдателей, только в Турции сторонники Гюлена располагают совокупным капиталом в 50 млрд долл. Они контролируют более 500 различных предприятий, выпускают в стране 14 периодических журналов и влиятельную газету «Заман», владеют телеканалами и радиостанциями. Помимо прочего, они содержат 200 частных лицеев и курируют сеть довузовских подготовительных курсов, благодаря которым распространяют своё идеологическое влияние.

По некоторым данным, именно Гюлен подталкивал Эрдогана провести ряд социально-экономических и политических либеральных реформ. Среди них ограничение политической роли армии в стране. Существует мнение, что в обмен на свою

поддержку он требовал облегчить доступ во властные структуры своим сторонникам. Если это так, то сегодня турецкий премьер пожинает плоды собственной политики, которая, по большому счёту, и позволила появиться в Турции так называемому «параллельному государству».

Несмотря на ряд амбициозных проектов, выдвинутых премьером по превращению страны во влиятельную державу, а также реализацию концепции неоосманизма во внешней и внутренней политике, трещина в отношениях между премьером и Гюленом привела к тому, что Эрдоган всё меньше нуждался в таких союзниках, как Гюлен, для осуществления своей политики как внутри государства, так и за её пределами. Уже скоро обнаружилось несоответствие стратегии и тактики Эрдогана и Гюлена. Последнему, например, не нравилось то, каким образом премьер пытается решить проблему оппозиционных движений. В ходе событий на площади Таксим летом 2013 г. близкая к Гюлену газета «Заман» едва ли не открыто предложила президенту А. Гюлю взять ситуацию в стране под свой контроль и потеснить премьера в управлении государством и партией.

Ответ Эрдогана последовал осенью, когда он объявил о намерении закрыть в Турции сеть курсов, предоставляющих преддвузовскую подготовку. Данную сеть курировало движение «Хизмет». Через несколько недель МВД и прокуратура Турции, где сильны позиции сторонников Гюлена, инициировали коррупционное расследование «Большая взятка», что спровоцировало самый серьёзный политический кризис в Турции, подорвав авторитет премьера в преддверии муниципальных и президентских выборов, намеченных на весну 2014 г. В этой связи вполне логичным выглядит заявление Эрдогана от 4 февраля 2014 г. о намерении уничтожить «параллельное государство», контролируемое организацией «Хизмет».

Между тем, решение Эрдогана ставит его в двусмысленное положение. Во-первых, из-за ссоры с Гюленом его шансы выиграть намеченные на этот год выборы стремительно падают. Муниципальные выборы практически станут для ПСР референдумом, который покажет, насколько популярны в обществе Эрдоган и его партия. Во-вторых, давление на Гюлена, чьё движение представляет собой самую большую сеть предприятий школьного образования в 160 странах мира, может вызвать не-

желательные последствия как для Эрдогана, так и для двусторонних отношений Турции с рядом стран. В-третьих, в случае возможного поражения Эрдогана на президентских выборах нет никаких гарантий, что новое руководство страны продолжит внутри- и внешнеполитический курс умеренно-религиозной ПСР. А это может означать не просто завершение «неоосманского проекта» Турции, но и кардинальное изменение геополитического расклада сил на Ближнем Востоке [6].

В конфликт между Эрдоганом и Гюленом оказывается втянутым и молодое поколение Турции. Так, например, молодые представители нурсистов и сети Фетхуллага Гюлена (обе сети близки друг к другу), жалуются на то, что старшие не дают им возможности для роста и продвижения. При этом недовольство молодёжи и конфликт поколений имеет место даже внутри самих социальных сетей ПСР, нурсистов и гюленистов.

О чем это говорит? Видимо, о том, что эти сети, как и большая часть турецкого общества, ещё находятся под влиянием патриархальных ценностей и уклада, где верховные позиции занимают старшие по отношению к молодым и мужчины – по отношению к женщинам. В этом и состоит особенность социально-культурной среды, в которой формировались и до сих пор существуют ПСР и аффилированные с ней группы и сообщества.

Это патриархальное общество является также питательной средой для ислама консервативного толка. Надо признать, что в Турции это далеко не салафитский, а вполне умеренный ислам, уживающийся с современными веяниями и ценностями. Нурсисты и гюленисты так же, как и ПСР, – далеко не экстремисты, но если общество ослабит контроль над ними, те могут деградировать до худших форм патримониального авторитаризма, какой мы наблюдаем сегодня в странах Центральной Азии. Нападки в Твиттере где Эрдоган зачислил своих оппонентов в экстремисты, является опасной тенденцией.

Таким образом, проблемы и противоречивость событий, происходящих сегодня в Турции, демонстрируют нам тот раскол общества, который уже имеет место или неминуем для многих мусульманских стран, особенно тех, которые находятся в зоне влияния Запада. Сюда мы можем отнести не только Турцию, но и весь Ближний и Средний Восток, а также государства Центральной Азии.

Литература

1. AtatürkArastırmaMerkeziDergisi. С. IV. S. 12.
2. *Ильхамов А.* Таксим vs Фатих: Два мира, одно общество?
URL: <http://www.fergananews.com/articles/7758>
3. Новейшая история стран Азии и Африки, XX век: Учебник для студенческих высших учебных заведений. 2 ч. / Под ред. А.М. Родригеса. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Ч.1: 1900–1945.
4. HükümetProgramı 23 kasım 2002.
5. Hürriyet, 20.03.2004.
6. *Пастухов Е.* Турецкая битва гигантов.
URL: <http://iwer.kz/stati-imep/2014-02-04/tureckaya-bitva-gigantov>
7. *Пахомов Е.* Одержав победу на выборах, исламисты намерены привести Турцию в Единую Европу.
URL: <http://www.fergananews.com/articles/1072>
8. Правящая партия Турции выходит из состава парламентской комиссии по согласованию новой конституции.
URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1735067.html/>
9. Турция: Ятаган против Корана. URL: <http://www.liveinternet.ru>
10. Турция между исламизмом и лаицизмом.
URL: <http://www.turkey-info.ru>

БОЛДЫРЕВ А.В.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Черноморская политика Турции распадается на сегодняшний день на три составляющих: неизменный фактор Проливов, международная политика Турции в рамках существующих черноморских организаций и военные аспекты черноморской политики Турции, приобретающие всё большее значение по мере усиления статуса Турции как ведущей черноморской державы.

Интересы Турции в вопросе о Проливах вытекали из её географического положения в Черноморско-Средиземноморском регионе и состояли в охране своего суверенитета, что достигалось закрытием Проливов для военных кораблей иностранных государств и стремлением регулировать торговое и военное мореплавание через Проливы. После победы кемалистской революции политика Турции прошла две стадии. В период Лозаннской конференции 1922–1923 гг. принципиально важным для Турции было сохранение своей государственности. Ввиду этого проблемы безопасности Чёрного моря и даже Проливов временно отошли на второй план. Тем не менее интересы возрождённой Турции сразу же потребовали обеспечения безопасности турецкого государства, по крайней мере в зоне Проливов. В результате, добившись с помощью СССР в 1936 г. принятия конвенции Монтрё, Турция решила главную для себя проблему: суверенитет над Босфором и Дарданеллами предоставил ей гарантию безопасности. При этом статус регулятора Черноморских проливов позволил Турции балансировать между великими державами, избегая вовлечения в военные конфликты [1, с. 520–526]. В дальнейшем Турция твёрдо придерживалась

этого принципа, что вызвало ряд осложнений с СССР, добивавшегося в 1945–1946 гг. равноправного с Турецкой республикой статуса регулятора Проливов [2, с. 442–445; 3, с. 273–277; 4, с. 243–235]. Отказ СССР от своих требований ознаменовал не только возврат советско-турецких отношений к прежнему довоенному уровню, но и окончательно закреплял за Республикой статус суверена Проливов, ограниченного в своих действиях небольшими оговорками в рамках конвенции Монтрё.

В дальнейшем политика Турции, которая стала в 1951 г. членом НАТО, не вызывала противоречий между Анкарой и Москвой, что позволяет считать, что в 1960–1980-е гг. между СССР, Турцией и ее союзниками по Североатлантическому альянсу сложился своеобразный консенсус в отношении «проливной» политики турецкого руководства. Последнее обстоятельство укрепляло позиции Турции в НАТО и в Чёрном море, позволяя Анкаре подготовить переход к более независимому внешнеполитическому курсу, осуществляемому Турцией, начиная с 2000-х гг.

На современном этапе правовой режим Проливов становится для Турции прежде всего эффективным инструментом для изменения путей транспортировки нефти [см. 5]. Следует отметить, что за последнее время в политике Турции произошли изменения, которые заставляют предположить, что Турция может скорректировать свою одностороннюю ориентацию на трубопроводы. Проект канала к западу от Стамбула, параллельного естественным Проливам, начали обсуждать еще в 2001 г. В ноябре 2011 г. премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган подтвердил намерение Турции построить Стамбульский канал к 2023 г. По словам турецкого премьера, «движение через Босфор будет уменьшено до нуля, а Пролив станет пригодным для водного спорта» [6]. Возможность реализации этого проекта, который сам Р. Т. Эрдоган назвал «безумным и блистательным», вызывает сомнение как у его политических противников, так и у турецких экспертов [6]. Однако такое заявление из уст нынешнего главы турецкого правительства свидетельствует, по меньшей мере, о том, что вслед за диверсификацией нефтяных потоков Турция ищет возможности диверсифицировать и судоходные пути.

За последнее время усилилось значение военного режима Черноморских проливов. Политика Анкары на Чёрном море

в августе—сентябре 2008 г. продемонстрировали возможности Турции в регулировании военно-морского баланса в Черноморском регионе [7, с. 171—184]. Внимание Турции к военным аспектам режима Проливов усилилось и в связи со стремлением США распространить средиземноморскую программу безопасности НАТО «Активные усилия». В результате в 2006 г. Турция при поддержке России наложила вето на распространение этой программы на Черноморский регион. Следует предположить, что значимость военной составляющей режима Босфора и Дарданелл будет усиливаться и в дальнейшем в связи с постоянно растущим военно-морским присутствием Турции в регионе, а также планами РФ по уже давно назревшей модернизации своих ВМС на Черном море [8]. В настоящий момент военные аспекты режима Проливов получили ещё большее значение в связи с появлением крымского фактора во внешней политике Турции. Сосредоточение вблизи Чёрного моря военно-морской группы США во главе с авианосцем «Джордж Буш» в марте 2014 г. и продолжительное пребывание в Чёрном море американского ракетного эсминца «Тракстон» было связано, прежде всего, с политическим кризисом на Украине [9; 10]. Однако, как и в период грузино-югоосетинского конфликта, Турция старается не допустить обострения ситуации в Черноморском регионе. В соответствии с предусмотренными в конвенции Монтрё сроками 21 марта 2014 г. «Тракстон» покинул Чёрное море [11]. Ещё ранее (25 февраля) из Чёрного моря ушло американское военное судно «Маунт Уитни», вошедшее одновременно с фрегатом США «Тейлор» 5 февраля 2014 г. Исключение было сделано лишь для «Тейлора», который ввиду аварии получил право находиться в ремонтных доках Самсуна до конца марта [12]. Таким образом, Турция по-прежнему исходит из необходимости регулировать баланс сил в регионе, используя свои контрольные функции в Проливах.

Что касается региональных черноморских организаций, то наиболее активным их участником на сегодняшний день является Турция. Ещё в 1990 г. турецкий президент Т. Озал выступил с инициативой создания «Черноморской зоны процветания и сотрудничества» с участием Турции, СССР, Болгарии и Румынии. В результате в июне 1992 г. было основано Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС), с 1997 г. — Организация

ЧЭС (ОЧЭС), объединяющая государства Причерноморья и Южных Балкан. Позднее в регионе были основаны ещё две турецкие инициативы, направленные на кооперацию в сфере безопасности, — «Блэксифор» и «Черноморская гармония».

«Блэксифор» — сотрудничество, инициированное Турцией в апреле 2001 г. Задачи данной организации состоят в укреплении мира и стабильности в Черноморском регионе, развитии сотрудничества между черноморскими странами и в усилении взаимодействия военно-морских сил государств региона. Участниками партнёрства являются Болгария, Россия, Румыния, Турция и Украина. До 2008 г. в него входила Грузия. «Черноморская гармония» была создана в 2004 г., к участию в ней были приглашены все черноморские государства, но пока присоединились лишь Россия, Украина и Румыния [13; см. также 5, с. 127–141].

Будучи одним из инициаторов сотрудничества стран Причерноморья, Турция стремится использовать фактор их взаимозависимости и исторической общности для урегулирования региональных конфликтов путём последовательного решения проблем и поиска компромиссных вариантов. Не случайно поэтому, что в отличие от многих экспертов, турецкие аналитики считают, что, по сравнению с другими черноморскими организациями, ОЧЭС является вполне «оперившейся» региональной организацией, которая охватывает территорию, включающую не просто побережье, а страны Черноморского региона, распространяя стабильность на территорию «широкого Причерноморья» [14]. Совместно с Россией, Грецией и рядом стран Причерноморья Турция прилагает активные усилия и к расширению регионального экономического сотрудничества. В определённой степени на это влияет некоторое разочарование Турции в процессах евроинтеграции, поскольку вопрос о приёме Турции в ЕС тормозится под различными предлогами. С другой стороны, Анкара желает приобрести значительный региональный вес, что стимулирует развитие её тесное сотрудничество с РФ и партнёрство со странами Черноморского региона. Следует в связи с этим отметить и то, что Турция выступает за укрепление многосторонних связей ОЧЭС с ЕС и другими западными инициативами. Так, Турция является активной сторонницей программы «Черноморская синергия», выдвинутой Европейской комиссией в рамках Политики европейского соседства в

2007 г., цель которой заключается в развитии сотрудничества в области торговли, экономики и безопасности со странами региона [13]. В целом же региональная политика Турции следует в русле её традиционной энергополитики, о чём свидетельствует заявление турецкой делегации на заседании Парламентской Ассамблеи стран ОЧЭС об объявлении Чёрного моря зоной экологического пространства (ноябрь 2009 г.). Заявление это является продолжением политики Турции по изменению путей транзита энергоресурсов.

Следует отметить и то, что на сегодняшний день черноморские организации нуждаются в более высокой степени сотрудничества, заключающегося в политической кооперации между ними (еще в 2002 г. на Стамбульском саммите была сделана попытка начать между черноморскими странами сотрудничество в сфере безопасности). В противном случае, по мнению экспертов, ОЧЭС в его современном виде полностью исчерпает свой потенциал и утратит перспективу для развития [15]. С точки зрения некоторых аналитиков, наиболее целесообразным являются двусторонние стратегические партнёрства или союзы, которые будут регулировать транспортные энергетические магистрали [13]. На сегодняшний день центрами влияния в Чёрном море являются Россия и Турция. Если учесть, что, по мнению экспертов, для Турции, по крайней мере, в отношении региональной торговли ОЧЭС уже во многом выполнила свою задачу, то можно ожидать, что Анкара попытается усилить свое влияние в регионе через выработку общих политических принципов для государств Черноморского бассейна.

Что касается военных аспектов черноморской политики Турции, то основу военной политики Анкары в Черноморском регионе составляет концепция энергетической безопасности, являющейся составной частью «Политического документа о национальной безопасности» — Milli Gevenlik Siyaset Belgesi [16]. В связи с этим основные политические задачи Турции в Чёрном море можно охарактеризовать как стремление к обеспечению политической и военной безопасности в регионе. Сама Турция, по мнению наблюдателей, на сегодня играет сложную партию, в которой преследует несколько целей:

1). Отойти от зависимости от США и проводить в регионе свою политику, не связанную с общей позицией НАТО.

2). Сыграть с максимальной выгодой для себя на энергетических интересах ЕС и энергетических амбициях России.

3). Добиться в итоге статуса признанного регионального лидера.

В настоящий момент очевиден и тот факт, что добиться поставленных целей Анкара может лишь при условии военно-морского превосходства над остальными странами Черноморского региона, чего планомерно и добивается. Последнее включает в себя взаимодействие Турции со странами региона в области безопасности и в военной сфере, а также политику Турции в области военного кораблестроения.

Оценивая шаги Турции в направлении создания системы военной безопасности, следует отметить, что Турция будет и далее использовать потенциал своего участия в различных международных организациях (ОЧЭС, НАТО, «Блэксифор», «Черноморская гармония») для усиления своего влияния в Черноморском регионе. Одной из главных задач при этом является организация товаропотоков, транспортного и торгового сообщения со странами Чёрного моря. При этом в плане создания эффективной системы военной безопасности Черноморского региона особенно важное значение приобретают отношения двух крупнейших черноморских стран – России и Турции. В связи с этим, необходимо учитывать:

1). Скрытую борьбу России и Турции за лидерство в регионе, наращивание ими своих ВМС.

2). Проблему Крыма, которая долгое время существовала как гипотетическая. Однако в настоящий момент в связи с вхождением Крыма в состав России и отказом правительства Турции признать итоги крымского референдума 16 марта 2014 г. крымский фактор может осложнить отношения между двумя странами. При этом многие эксперты сходятся во мнении, что наиболее прагматичной для Турции в данной ситуации стала бы равноудалённая от России и НАТО позиция, поскольку при любом развитии событий Анкара не утратит фактор влияния в лице крымских татар. Внутриполитические же вопросы в самой Турции требуют первоочередного к себе внимания, которое не оставляет места для втягивания Анкары в противостояние с Москвой [17]. Если учесть, что в настоящее время Турция заняла в украинском кризисе выжидательную позицию, то мож-

но ожидать, что Анкара будет придерживаться того курса, что и в 2008 г., когда поддержание территориальной целостности Грузии не нарушило положительной динамики российско-турецких отношений и не привело к конфронтации двух стран в Черноморском регионе.

В 2000-е гг. в турецких политических кругах произошла общая переоценка роли и перспектив России в регионе. Именно Россию турецкая сторона считает наиболее сильной державой в Чёрном море. При этом следует иметь в виду, что турецкий флот является крупнейшим военно-морским соединением в регионе, а суммарная огневая мощь ВМС РФ и Турции соотносится специалистами как 1 к 1,5 [18]. Таким образом, в своих оценках командование турецких ВМС исходит из того потенциала, которым располагает Россия и который в случае его реализации позволит России вернуть себе преобладание в регионе.

Это может объяснить решение, принятое Советом национальной безопасности Турции в октябре 2010 г. в связи с изменениями, внесенными в Стратегию национальной безопасности. Согласно новой редакции впервые после распада СССР Россия стала рассматриваться Турцией как потенциальный противник, притом, что из списка стран, которые представляют внешнюю угрозу для Турции, были исключены такие её «исторические» враги, как Сирия и Иран [19].

Данная поправка не изменила направления военно-морской политики Турции. Анкара по-прежнему весьма осторожно относится к стремлению НАТО активизировать свою деятельность в Черноморском регионе, усматривая в этом желание руководства альянса установить контроль над маршрутами транспортировки энергоносителей и стремление снизить значимость успешно развивающегося диалога между турецким и российским флотами [20]. Не исключает турецкое руководство и возможности ревизии конвенции Монрё в случае постоянного присутствия в Черноморском бассейне группировки ОБМС альянса. В Анкаре считают, что в Черноморском регионе действует достаточное количество структур и механизмов, которые в состоянии нейтрализовать возникающие вызовы и угрозы. Данную позицию Анкары полностью разделяют в Москве.

Не следует, впрочем, считать, что Турция намерена изолировать НАТО от участия в регулировании безопасности Чер-

номорского региона. Ряд экспертов полагают, что в Анкаре важнейшим фактором, способствующим укреплению стабильности в регионе, считают вступление Болгарии и Румынии в Североатлантический союз. Таким образом, как западное, так и южное побережье Чёрного моря как бы вошли в зону прямой ответственности блока. Инициирование Турцией «Черноморской гармонии» в 2004 г. в определённой степени была частью расширения НАТО в черноморском направлении [20]. При этом Турция выступает за приоритет национальных ВМС черноморских государств и стремится не форсировать процесс принятия в НАТО новых государств (Украины и Грузии). Таким образом, Турция позиционирует себя в Чёрном море как самостоятельного игрока, пытаясь выжать максимум возможного из системы созданных ею союзов и стремится не нарушать сложившийся баланс сил в регионе.

Что касается военного потенциала Турции, то следует отметить, что до развала СССР на турецкий флот ложилась задача блокирования Черноморских проливов. Поэтому в составе флота находилось так много тральщиков и заградителей, переданных Турции в рамках военной помощи от стран НАТО, частично модернизированных на турецких верфях. В настоящее время тяжесть выполнения судостроительных контрактов переносится на национальные верфи, что создаёт дополнительные рабочие места, стандартизирует морское вооружение и постепенно уменьшает зависимость Турции от американской и немецкой помощи в вопросах военного кораблестроения [21].

С 2009 г. турецкий флот начал расти и в численном составе (после развала СССР было проведено сокращение турецких ВМС). Его основу составляют фрегаты и легкие фрегаты УРО (с управляемым ракетным оружием), малые ракетные корабли и подводные лодки [21]. Таким образом, ВМС Турции уже не ограничиваются береговой обороной. Кроме того, у турецкого руководства большие планы в отношении строительства новых военных кораблей, рассчитанные до 2015 г. Их реализация позволит значительно усилить и обновить турецкий военный флот. Анализ соотношения военно-морских сил Турции, России и других стран Черноморского региона показывает, что на сегодняшний день бесспорным военным лидером является Турция [20; см. также 22, с. 134–136].

Исходя из данных о состоянии ВМС Турции на 2009–2011 гг. [см. выше], следует также сделать два вывода:

1). Пополнение корабельного состава Турции идёт полным ходом, причём это обновление носит качественный характер. Турция вводит в строй не просто модернизированные военные корабли, её корабли строятся на национальных верфях на основе современных технологий. Показательны в связи с этим планы турецкого правительству по строительству крупнейшего турецкого многоцелевого военно-десантного корабля (тендер на его строительство выиграла стамбульская верфь Седеф /Sedef/), способного бороздить воды Эгейского, Чёрного и Средиземного морей и при необходимости заходить в акватории Индийского и Атлантического океанов [23].

2). В своей военной политике Турция ориентируется прежде всего на Черноморское направление. При этом флот Турции не ограничивается Чёрным морем, а активно осваивает и средиземноморское пространство. В настоящее время «Группа турецкой морской миссии им. Барбароссы» в составе 4 кораблей впервые за 148 лет совершает трёхмесячное плавание к берегам Африки [24].

Таким образом, геополитические амбиции заставляют Турцию задумываться о своём положении в акватории Чёрного моря. Турция остаётся членом НАТО, но преследует, прежде всего, собственные цели и не является более флагманом натовской политики в Чёрном море. В основе военно-морской политики Турции лежит стремление оградить национальные и прежде всего энергетические интересы в Черноморском регионе. В этом смысле усиление военной составляющей в черноморской политике Турции показывает, что постепенно Анкара отдаёт приоритет военному потенциалу в отстаивании своих политических и экономических интересов в регионе.

В заключение следует отметить, что в начале республиканского периода в своей черноморской политике Турция, с трудом отстаивая право на существование, стремилась к расширению зоны национальной безопасности. Именно в этом турецкое руководство видело смысл и содержание конвенции Монтрё. Подобный подход исключал возможность совместного советско-турецкого контроля над Проливами, поскольку грозил Турции частичной потерей суверенитета, а также ставил вопрос о её компетентности как регулятора Проливов.

В силу этого сопротивление турецкой дипломатии советским требованиям в 1945–1946 гг. носило принципиальный характер, а отказ СССР от своих планов привёл в итоге к нормализации и установлению дружественных отношений между двумя странами, продолжающимися до сегодняшнего дня. В 1960–1980-е гг. действия Турции в Черноморском регионе не выходили за рамки политики «проливного» государства и состояли в обеспечении безопасности Босфора и Дарданелл, а также в установлении приемлемого консенсуса с СССР в плане пользования Проливами. Развал СССР позволил Турции начать проведение собственного внешнеполитического курса в Черноморском регионе, основу которого составила концепция энергетической безопасности. Она заключалась в том, чтобы, используя геополитическое положение Турции, сделать её главным транзитёром энергоресурсов между Европой и Азией. Благодаря реализации данной политики Турция из «проливного» государства превратилась в сильнейшую черноморскую державу, претендующую на активное присутствие в Средиземноморье и даже в Мировом океане. Дальнейшее усиление позиций Турции в Черноморском регионе объективно ведёт к активизации турецкой политики в Черноморско-Кавказском регионе, Балканах и на Ближнем Востоке. Это означает, что постепенно военная составляющая черноморской политики Турции может стать преобладающим элементом её региональной политики.

Литература

1. Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г. Монтрё (Швейцария). Приложение // Турция между Европой и Азией. — М.: Крафт+ / ИВ РАН, 2001.
2. *Болдырев А.В.* Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. — М.: Крафт+ / ИВ РАН, 2012.
3. *Киреев Н.Г.* История Турции XX века. — М., 2007.
4. *Сотниченко А.А.* Турецко-советское дипломатическое противостояние в 1945–1946 гг. и его итоги // Российско-турецкие отношения: от Атакюрка до начала холодной войны. — Анкара, 2011.
5. *Болдырев А.В.* Основные направления российской-турецких отношений в Черноморском регионе в 2002–2012 гг. // Российско-турецкие отношения:

- 2002–2012 гг. (Материалы Круглого стола, г. Москва, 4 апреля 2013 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2013.
6. URL: <http://imperiya.by/news.html?id=64311>
7. *Болдырев А.В.* Политика Турции на Чёрном море в период грузино-югоосетинского конфликта (август – сентябрь 2008 г.) // Турция в условия новых внутренних и внешних реалий. – М.: ИВ РАН / ИБВ, 2010.
8. URL: <http://imperiya.by/news.html?id=55809>
9. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1334749/>
10. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1339546/>
11. URL: http://www.kt.kz/rus/world_news/amerikanskij_esminec_voshel_v_chernoe_more_1153585627.html
12. URL: <http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=EwsivdOQzsAc%3D+CHIO8uxyw4c%3D&y=>
13. URL: <http://www.milli-firka.org/content/9408>.
14. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/12/19/regionalnoe-sotrudnichestvo-v-chernomorskom-regione.html>
15. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/05-06-09b.html/>
16. *Гурьев А.А.* Региональный аспект национальной безопасности Турции, 27.12.2005. URL: <http://iimes.ru>.
17. URL: <http://tta.am /крымский-рубж-в-отношениях-россии-и/«time to analyze» – politics, society, and ideas>
18. URL: <http://svpressa.ru/society/article/21715>
19. URL: <http://www.ardarutyun.org/?p=4173&lang=ru>
20. URL: <http://warships 2007.narod.ru/turkish1946-2009.htm>.
21. *Иринин М.* Турция создает флот будущего для господства в Черноморском бассейне и проливах. (Части 1–2), 29.10.10.
URL: <http://flot.2017.com>.
22. *Болдырев А.В.* Военные аспекты черноморской политики Турции в начале XXI в. // Турция в период правления Партии Справедливости и Развития. – М.: ИВ РАН / ИБВ, 2012.
23. URL: <http://mk-turkey.ru/politics/2014/01/15/krupnejshij-tureckij-voennyj-korabl.html>
24. URL: <http://www.trtrussian.com/ru/newsDetail.aspx?HaberKodu=7371e77d-a592-4d37-bd3e-cbd75ddda52c>

ВЕРТЯЕВ К.В.

ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ В КРЫМСКОМ КРИЗИСЕ

События вокруг Крыма стали основной международной новостью, освещаемой на протяжении всего марта турецкими СМИ. Эти новости, однако, не вышли на передний план в информационном пространстве страны, учитывая муниципальные выборы в стране и сосредоточенность всех турецких информационных ресурсов на политических дебатах и вопросах внутренней политики. В официальных турецких СМИ действия России в Крыму в дословном переводе именуется как «присоединение к России» (*Rusya'ya bağlanma*); при этом в большинстве СМИ воздерживаются от использования таких терминов, как «аннексия» или «аншлюс», чтобы не вызывать коннотаций.

Примечательно, что еще 25 февраля турецкая «Радикал» писала, что для России есть две «красные черты», которые могут сделать возможным её вмешательство в события на Украине: это Крым, возникновение угрозы для русского населения на Востоке страны и будущее Черноморского флота в Севастополе [1]. После 28 февраля практически все СМИ Турции привели слова главы МИД Ахмета Давутоглу о том, что крымский кризис должен разрешаться в рамках сохранения территориальной целостности Украины. При этом Давутоглу подчеркнул, что Крым находится в сфере интересов Турции, поскольку «является местом проживания крымско-татарских соплеменников и Анкара намерена внимательно следить за развитием ситуации в этом регионе». В результате состоявшейся встречи бывшего главы татарского меджлиса Джемилева с Давутоглу первый заявил, что «Турция дала крымским татарам важные гарантии.

В случае возникновения опасности или угроз для проживающих в Крыму татар Турция незамедлительно вмешается в ситуацию» [2]. Что же касается Давутоглу, то решение парламента Крыма о присоединении к России он назвал «поспешным и не способствующим стабильности в Крыму» [3]. При этом он подчеркнул, что Турция – как сосед обеих сторон – «учитывает давние братские связи между российским и украинским народами, но при этом нужно учитывать и исторические связи Турции в Крыму. Поэтому нужно приложить усилия для того, чтобы Крым остался полуостровом стабильности в черноморском регионе, чтобы совместное мирное проживание разных народов стало образцом и примером для остального мира. «Сторонам необходимо уйти от оценок, основанных на свершившихся фактах, и продолжать уважать территориальную целостность Украины на основании международных правовых соглашений. При этом Турция крайне не заинтересована в дестабилизации черноморского региона и возможного острого конфликта как между Украиной и Россией, так и между НАТО и Россией», – отметил Давутоглу [3]. Комментируя возможность разрешения Турцией прохождения через Босфор американских военных кораблей, Давутоглу заявил, что Турция в этом вопросе будет строго руководствоваться соглашениями Монтрё. Также позже Давутоглу заявил, что Турция не признаёт результаты референдума 16 марта, сославшись на положения Будапештского меморандума 1994 г. и отметив при этом необходимость содействия созданию эффективной власти в Киеве [4].

После референдума 16 марта турецкие СМИ осветили также позицию премьера Эрдогана о том, что Турция не признаёт результаты референдума и считает необходимым придерживаться принципов сохранения территориальной целостности Украины. При этом, как сообщает «Хьюриет», Эрдоган также провёл в Измире переговоры с бывшим председателем крымско-татарского меджлиса Мустафой Джемилевым (в турецких СМИ он называется по фамилии Крымоглу и в Турции считается неформальным лидером крымско-татарского народа) и заявил, что Турция не предпримет каких-либо самостоятельных шагов в отношении ситуации в Крыму и будет действовать совместно с европейскими странами с целью защиты территориальной целостности Украины, а также будет выполнять решения НАТО в

данной ситуации, поскольку является членом этой организации. В статье подчёркивается, что Эрдоган в телефонном разговоре довёл до сведения президента Путина, что Турция испытывает беспокойство о судьбе крымских татар, всегда будет на их стороне и готова предпринять все требуемые шаги в случае угроз для крымско-татарского населения. При этом в статье подчёркивается, что, по словам Джемилева, «99 % крымских татар проигнорировали референдум о статусе» Крыма... Тогда же «Хюрриет» привела выдержки из интервью ВВС нынешнего председателя крымско-татарского меджлиса Рефата Чубарова о том, что «референдум противоречил законам Украины и проводился под контролем российских военных, однако задача крымчан – противодействовать провокациям и предотвратить межэтнические столкновения» [5].

С другой стороны, во многих СМИ Турции ещё до референдума нередко акцентировалась точка зрения, что Крым идёт по пути провозглашения независимости, а только потом – присоединения к России... При этом в турецких СМИ признается наличие у России стратегических и геополитических интересов в Крыму. Ещё до эскалации конфликта колумнист газеты «Джумхуриет» писал о том, что корабли РФ, базирующиеся в Крыму, – это часть постоянного соединения ВМФ России в Средиземном море, поэтому, если Россия потеряет базу в Севастополе, она утратит влияние в Средиземном море [6].

Также сразу после оглашения результатов референдума и провозглашения парламентом Крыма технической независимости 17 марта в газете «Хюрриет» была опубликована заметка, в которой автор ссылаясь на положения Кючюк-кайнаджирского мирного договора 1774 г., о том, что в договоре якобы присутствует пункт о том, что в случае провозглашения Крымским ханством независимости он автоматически переходит под юрисдикцию Османской империи. В этой связи стоит отметить, что подобная трактовка положений этого давнего и не имеющего никаких юридических оснований для современной Турции договора является выдумкой авторов статьи, поскольку положения указанного мирного договора, заключённого между Турцией и Россией как раз подразумевали формальную независимость Крымского ханства, которая просуществовала с 1774 по 1783 гг. Также следует отметить существование договора о добрососед-

стве и взаимном признании границ между РСФСР, частью которой являлся в то время Крым, и правительством кемалистской Турции, заключенным в 1921 г., и, что наиболее актуально, Национальным обетом Турции, подписанным Мустафой Кемалем в том же году, фиксировавшим отсутствие у Турции территориальных претензий к соседним государствам.

При этом в статьях колумнистов ведущих турецких газет нередко акцентируется, что Крым — это на самом деле исконно тюркская земля, а такие города, как Севастополь и Симферополь называются тюркскими названиями Акуаг и Акмесит, соответственно. В материале обозревателя «Хюрриет», находившегося в Крыму сразу после описываемых событий, акцентируется, что крымские татары, составляющие 13 % населения Крыма «испытывают обоснованную тревогу», учитывая печальный опыт их депортации в мае 1944 г. [7].

В аналитике газеты Star сразу после референдума акцентируется внимание на том, что в «российском медийном пространстве Крым рассматривается как часть, которая была всегда привязана к Российской империи, а до этого — к империи Османской во времена ханов Гиреев» [8].

Высказываются и другие точки зрения. Так, по мнению автора статьи, в газете «Джумхуриет» позиция Турции, направленная против присоединения Крыма к России, не может быть рациональной позицией, потому что «Анкара не обладает такой роскошью, чтобы не признавать крымский референдум», если к национальной независимости будут стремиться большинство крымчан. Протест Анкары может обернуться ухудшением отношений с Москвой и Симферополем» [9]. Важной для понимания в Турции внутренней ситуации в Крыму является статья в газете «Радикал», где автор, называя бывшего главу крымско-татарского меджлиса Джемилева «тататарским Ганди», ссылается на его слова о том, что среди крымских татар есть и салафиты, и ваххабиты, и представители организаций, воевавших в Сирии, таких как «Хизб ут-Тахрир», «Такфир ва аль-Хиджра», которые намерены защищать крымские территории. Автор отмечает, что «если кто-то захочет открыть крымский фронт, чтобы свести счёты с Россией, это нанесёт огромный урон в первую очередь крымским татарам, на долю которых могут вновь выпасть геноцид и депортация» [10].

Автор статьи в газете «Милли» подчёркивает, что «аннексия (ilhaki) Россией Крыма является не просто актом отделения Крыма от Украины, сколько звеном противостояния в самой Украине по поводу членства в ЕС и интересов России в этой стране». В той же газете приводится интервью председателя парламента Боснии и Герцоговины Бакира Иззетбеговича, в которой он назвал проведённый в Крыму референдум «опасной тенденцией, которая всколыхнёт рост сепаратизма в мире» [11].

По мнению автора, юридическая сторона присоединения Крыма к России «даже с точки зрения союзников Москвы, не говоря уже о странах Запада, видится крайне притянутой» [12]. В той же статье анализируется позиция крымских татар по вопросу референдума, в которой указывается, что «на протяжении долгого времени осуществлялась политика «руссизации крымских братьев, на всей истории их национального становления». В газете «Милли» автор колонки сетует на отсутствие у Турции внятной и недвусмысленной политики по отношению к крымско-татарскому меньшинству в Крыму.

В газете «Заман» приводится исторический экскурс того, как «исконно тюркская земля попала под влияние России, начиная с подписания Кючук-Кайнаджирского мирного договора 1774 г». В статье так же повторяется тезис об руссизации Крыма на протяжении последующей истории, в результате чего доля тюркского населения Крыма стала составлять лишь одну пятую часть» [13].

Внимание в турецких СМИ было уделено решению крымско-татарского меджлиса о создании национальной автономии татар в Крыму 29 марта 2014 г. Информационный ресурс «Аль-Джазира-Тюрк» сообщает, что в постановлении говорится, что «такая форма автономии не означает отделение какой-либо части Крыма, а подразумевает обеспечение национальных прав татар на основании гарантий международного сообщества. На основе этого решения представители крымских татар теперь будут участвовать во всех органах самоуправления Крыма. По мнению спикера Курултая, отказ татар от участия в местных органах управления, при том что они признают их до проведения выборов в Крыму незаконными, приведёт к отстранению крымско-татарского народа от управления Крымом. При этом Курултай не будет препятствовать получению татарами российского

гражданства. Предложение о том, чтобы именовать крымских татар «крымчанами» нашло поддержку только у 52 делегатов» [14].

Позиция Турции в связи с крымским кризисом в целом не лишена доли рационализма, а также пусть и не явно акцентированного желания выступить посредником в урегулировании этого сложного этнополитического кризиса. Основой формирования такого сотрудничества с Турцией является не только влияние Турции на крымских татар, а точнее, тех из них, кто находится под влиянием авторитета бывшего главы крымско-татарского меджлиса Джемилева, занимающего ярко выраженную проукраинскую позицию в виду того, что является членом Верховной Рады и активистом партии «Батькивщина». Будучи влиятельной региональной державой, Турция позиционирует себя в качестве миротворца в Черноморском регионе и в любом случае вынуждена будет принять во внимание интересы всех крымских татар, проживающих на полуострове, независимо от их политических ориентаций, учитывая тот факт, что в самой Турции по разным неофициальным оценкам проживает от 3 до 4 млн выходцев с Крыма. Однако тот факт, что среди политически активного крымско-татарского населения есть как сторонники воссоздания территориальной целостности Украины, так и сторонники сепаратизма и соединения с Россией, так и сторонники расширения национальной татарской автономии в Крыму независимо от геополитических интересов соседних держав, то позиция Турции в отношении по крымскому вопросу, не исключено, приобретет более взвешенный характер.

Литература

1. Radikal, 25.03.2013.
2. Dünya, 05.03. 2014.
3. Akşam, 06.03.2014.
4. Milli Gazete, 17.03.2014.
5. Hürriyet, 17.03.2014.
6. Cumhuriyet, 25.02.2014.
7. Hürriyet, 19.03.2014.
8. Star, 17.03.2014.
9. Cumhuriyet, 17.03.2014.
10. Radikal, 17.03.2014.
11. Milli Gazete, 20.03.2014.
12. Milli Gazete, 19.03.2014.
13. Zaman, 21.03.2014.
14. Al-Jazeera (Türk), 29.03.2014.

ГАДЖИЕВ А.Г.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ

3 июля 2013 г. министр обороны Египта Абдул-Фаттах аль-Сиси объявил о свержении президента Мухаммеда Мурси, «не оправдавшего чаяния египетского народа». Руководство страной перешло в руки временного коалиционного правительства, а исполняющим обязанности главы государства стал председатель Конституционного суда Адли Мансур [7]. В то же время М. Мурси помешался сначала под домашний арест, затем — под стражу [10]. Помимо М. Мурси, в Каире были также арестованы более 300 членов партии «Братья-мусульмане», которая в сентябре прошлого года была объявлена в Египте запрещённой, в декабре — террористической.

С большим вниманием и беспокойством за всеми этими событиями следили в Анкаре. Турецкие СМИ были переполнены различными сюжетами и комментариями по этому поводу. В Турции проводились многочисленные акции в поддержку М. Мурси и его сторонников. Такой интерес турецких властей и общественности к событиям в Египте заставил наблюдателей по-новому взглянуть на роль арабской страны в турецкой ближневосточной стратегии. В самой Турции стали проводиться форумы, Круглые столы и конференции, посвящённые данной тематике. По инициативе министра иностранных дел страны Ахмета Давутоглу в Анкаре было проведено заседание турецких послов, на котором особое внимание было уделено ситуации в Египте и турецко-египетским отношениям. В некоторых турецких аналитических центрах появились даже отдельные структурные подразделения по изучению Египта.

Столь большое внимание к изучению Египта для республиканской Турции – явление новое. Во многом это стало следствием смены внешнеполитических ориентиров Анкары и внешнеэкономической экспансии турецких инвестиций, чем в принципе и отличается ближневосточная стратегия правительства «Партии справедливости и развития» (ПСР). Египет представляется в качестве важных ворот в арабский мир и Африку. При этом, пока президентом Египта оставался Х. Мубарак, сам Каир относился скептически к попыткам Анкары проникнуть в данный регион, ограничивая рост её влияния и сохраняя регион под контролем Египта и Саудовской Аравии.

То, какое значение в турецкой внешней политике придавалось египетскому направлению до недавних пор, наглядно демонстрирует и известный справочный трёхтомник по внешней политике Турции, составленный преподавательским коллективом Анкарского государственного университета под редакцией Баскына Орана [3]. В нём, например, Египет рассматривается не отдельно, а в контексте событий «арабской весны», турецко-израильских отношений и палестинской проблемы.

Однако и недооценивать роль Египта во внешнеполитической активности Анкары на ближневосточном направлении до прихода к власти ПСР тоже нельзя. Это было обусловлено известными причинами. Одна из которых, безусловно, состоит в том, что и Турция, и Египет являются ключевыми партнёрами Соединённых Штатов в регионе. Анкара и Каир активно взаимодействуют друг с другом на таких важных международных площадках, как ООН, Организация исламского сотрудничества, «Исламская восьмёрка», «Союз для Средиземноморья», а также в рамках диалога НАТО со странами Южного Средиземноморья и т.д.

Интерес же Каира к развитию отношений с Турцией существенно возрос во второй половине 1990-х гг. Во многом этому способствовало подписание в феврале 1996 г. турецко-израильского соглашения о военном сотрудничестве, которое вызвало серьёзную обеспокоенность в Каире. Египтяне увидели в турецко-израильском сближении опасность создания регионального союза, угрожающего позициям Египта в регионе и безопасности всего арабского мира. Египет, выстраивая свои отношения с Турцией, учитывает её географическую близость к региону Арабского Востока, мощную армию, относительно развитую

экономику, членство в НАТО, а также тесные связи с ЕС, с которым Египет в 2004 г. подписал соглашение об ассоциации. Каир заинтересован в развитии сотрудничества с Турцией, в частности в вопросе экспорта египетского газа в Европу транзитом через её территорию [8]. В целях увеличения товарооборота между Турцией и Египтом в декабре 2005 г. было подписано соглашение о свободной торговле, в 2010 г. — соглашение о создании Турецко-египетской торгово-промышленной палаты. По состоянию на 2010 г., то есть, ещё до прихода к власти М. Мурси, товарооборот между странами составлял 3,3 млрд долл., в Египте функционировало 295 турецких компаний, объём турецких инвестиций достиг 1,5 млрд долл. [4]. А для укрепления двусторонних политических связей в 2007 г. был подписан Меморандум о турецко-египетском стратегическом диалоге [9].

Таким образом, отношения между Анкарой и Каиром активно развивались и до событий «арабской весны», с которыми Египет столкнулся в январе 2011 г. Примечательно, например, что после начала антиправительственных массовых акций протеста в Египте официальная Анкара почти неделю хранила молчание. Первые заявления премьер-министра Р. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу сводились к призыву развития демократии в регионе. Фактически Турция заняла нейтральную позицию, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства. Однако вскоре Р. Эрдоган стал призывать египетского президента Х. Мубарака немедленно уйти в отставку и принять волю народа.

Столь жёсткую позицию Р. Эрдогана в отношении Х. Мубарака эксперты объясняют тем, что египетский президент не оказал достаточной поддержки Анкаре в её противостоянии с Тель-Авивом после атаки, совершённой израильским спецназом в отношении турецкого судна «Мави Мармара» из «Флотилии свободы» в мае 2010 г. Не отвечало интересам Анкары и соглашение о создании исключительной экономической зоны в Средиземном море, подписанное между Каиром и Никосией в 2003 г. Однако надо полагать, что окончательно позиция Р. Эрдогана в отношении событий в Египте утвердилась после того, как уход Х. Мубарака стал очевидным, особенно по итогам разговора с президентом США Б. Обамой, в ходе которого турецкий премьер получил чёткие заверения о том, что

Вашингтон не намерен поддерживать уходящего египетского президента [4].

Однако вскоре США были разочарованы в М. Мурси. Можно предположить, что недоверие Вашингтона к «Братьям-мусульманам» усилилось на фоне акций протеста в связи с фильмом, снятым с помощью американских продюсеров, и в котором наносится оскорбление исламу и пророку Мухаммеду. Как известно, именно в Египте и Ливии они достигли своего пика. Тогда в результате массовых погромов погибли сотрудники американской дипломатической миссии, в том числе посол США в Ливии Кристофер Стивенс. Эти события побудили американцев пересмотреть своё отношение к странам, пережившим «арабскую весну». Именно после этих печальных событий Б. Обама в своем интервью телеканалу Telemundo заявил, что «отныне не считает Египет союзником США» [6].

Однако турецкие власти, обвинив Запад в применении «двойных стандартов», продолжали поддерживать «Братьев-мусульман». Во многом этому способствовала религиозно-идеологическая близость между сторонниками турецкого «национального взгляда» («милли гёрюш») и представителями политического ислама в Египте. Как известно, лидеры ПСР являются представителями ответвлённого умеренного крыла, своего рода «обновителями» данного движения.

Резкий тон заявлений турецких властей по поводу смены власти в арабской республике, по мнению некоторых экспертов, оказался понятным ещё и потому, что самой Турции не раз приходилось сталкиваться с проблемой вмешательства военных и бороться с последствиями государственных переворотов. С этой точки зрения реакция Анкары вызвана не столько беспокойством за дальнейшую судьбу египетской демократии, сколько опасениями применения египетского сценария в самой Турции. На тот момент внутривнутриполитическую ситуацию в стране, где одновременно в нескольких городах проходили протестные акции в связи с реконструкцией парка Гези, вряд ли можно было назвать спокойной. И турецкая армия имеет весьма богатый опыт урегулирования внутривнутриполитических беспорядков.

Однако, как нам представляется, это не совсем удачное сравнение. Поскольку нынешняя внутривнутриполитическая расстановка сил в Турции не позволяет говорить о каком-либо военном

вмешательстве. Внешнеполитические демарши правительства ПСР в поддержку умеренных исламистов осуществляются скорее с целью укрепления своих позиций внутри страны. С другой стороны, локомотивом социальных протестных акций в Турции стал «новый средний класс». Это относительно новое явление, которое сегодня наблюдать не только в Турции, но и в таких странах, как Бразилия, Израиль и т.д. Представители этой группы протестующих — материально богатейший средний класс, выступающий за расширение своих свобод. Если в Египте народ выходил на улицу, главным образом, в целях решения своих материальных проблем, то в фокусе внимания турецких демонстраций находились споры вокруг распределения ресурсов растущей экономики.

Разумеется, и в Турции есть сторонники военного переворота. Они полагают, что против правительства, уход которого в настоящее время с помощью выборов практически невозможен (что подтверждается, в том числе, результатами последних всеобщих выборов в местные органы власти), необходимо совершить военный переворот. В этом смысле события в Египте показали турецким властям, что «быть избранным — это не гарантия сохранения у власти». Переворот в Египте — это наглядная демонстрация того, что при определённых обстоятельствах военное вмешательство может считаться допустимым и даже приветствоваться международным сообществом. Среди протестовавших в Турции всё больше укоренялось мнение о том, что продолжительные массовые акции способны сформировать некое новое легитимное общественное давление для принуждения правительства к отставке.

Немаловажным отличием является и то, что бюрократия в Египте, в том числе в военных и полицейских структурах, политизирована и выступила против М. Мурси. В Александрии, например, митинги проводила египетская полиция. В Турции же полиция не является сторонницей той или иной идеологии. Точно также и турецкая армия отстранена от политики. Во многом, это стало результатом широко распространённого в стране мнения о том, что военный переворот — это зло, которое тормозит и отбрасывает назад поступательное развитие страны. Поэтому попытки провести параллель между событиями в Турции и Египте — идея ошибочная и неудачная.

Следует отметить, что многие эксперты совершенно спокойно отнеслись к эмоциональным заявлениям лидеров ПСР. Видимо, ещё не забыты высказывания турецкого политического руководства в адрес израильских властей, на фоне которых торгово-экономические и даже военные связи между странами сохранялись. И, тем не менее, разногласия между Турцией и Египтом всё же отразились на достигнутых ранее договорённостях. Сегодня, например, Анкара недовольна тем, что нынешнее египетское руководство проводит новую линию в сирийском вопросе. Турция, как известно, продолжает оказывать поддержку сирийской вооружённой оппозиции, Египет же свою помощь свернул.

Усугубляет ситуацию и то, что в ответ на чрезмерность официальной Анкары Каир вынес на повестку дня вопрос о признании «армянского геноцида». Одновременно египетские власти активизировали свои переговоры с представителями Греции и греческой общины Кипра по поводу распределения исключительных экономических зон в акватории восточного средиземноморья. Ряд наблюдателей заговорил даже о формировании некоего «антитурецкого восточно-средиземноморского блока» в составе Египта, Греции и Республики Кипр. Таким образом, из-за враждебной позиции Анкары по отношению к новым властям арабской республики не только усложняются турецко-египетские отношения, но и слабеют позиции Турции в рамках восточно-средиземноморского региона.

Своё возмущение по поводу резких высказываний Анкары выразила и египетская общественность. Министр иностранных дел арабской республики Набиль Фахми в своем выступлении на «полях» 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что общественность в Египте «в большинстве своём склоняется к тому, чтобы разорвать все отношения с Турцией» [5].

Помимо имиджевых потерь в арабском мире, Анкара понесла и экономические убытки. Как известно, после жёстких заявлений турецких властей инвестиционные потоки, поступающие в Турцию из арабских стран Персидского залива, заметно снизились.

При этом необходимо признать, что и в период правления М. Мурси турецко-египетские отношения были не такими уж и гладкими. Хоть лидеры обеих стран и придерживались

единых религиозно-политических взглядов, однако политико-стратегическое соперничество между государствами в регионе продолжалось. Концепция «неоосманизма» всегда настораживала египтян, которые помнят об имперском прошлом Турции. Окончательно Турция не отказалась и от конкуренции с Египтом за роль посредника в урегулировании палестино-израильского конфликта.

Поэтому в целом в турецком экспертном сообществе настроения таковы, что — да, безусловно, с приходом в Египте нового правительства в турецко-египетских отношениях кое-что изменилось и продолжает меняться. Однако перемены эти носят поверхностный характер. Поскольку торгово-экономические отношения между двумя странами развивались как во времена Х. Мубарака, так и в период правления М. Мурси. Следовательно, они будут развиваться и при новом правительстве. Да и Египет сегодня не в том положении, чтобы отказываться от турецких инвестиций. Поэтому взаимная перепалка между Анкарой и Каиром не сильно отразится на двусторонних экономических отношениях. Как отметил бывший турецкий министр экономики Зафер Чаглаян, Анкара и Каир настолько тесно взаимосвязаны друг с другом в экономическом плане, что дальнейшего ухудшения двусторонних связей быть просто не может [2].

Что касается политических и военных контактов между Турцией и Египтом, то они и раньше были достаточно сдержанными [5]. Между тем отношение Анкары к смене власти в Египте в очередной раз продемонстрировало, насколько сильны элементы «идеализма» в турецкой внешней политике. Стало очевидным то заблуждение, в которое впали лидеры ПСР, упорно продолжавшие переоценивать уровень своей популярности в арабском мире. Безусловно, в разгар «арабской весны» Турция пользовалась на Ближнем Востоке большой популярностью. Она считалась одной из возможных моделей демократизации общества и государственной власти в республиканских странах арабского мира. Однако на фоне заката «арабской весны» стремительно стал падать и имидж Анкары. Если раньше турецких лидеров встречали как героев, то сегодня их зачастую воспринимают в качестве источника внешнего давления. В Египте, например, если в 2011–2012 гг. Турция симпатизировало порядка 85 % населения, то в 2013 г. этот показатель снизился до 38 % [1, с. 2].

Попытки Турции задействовать международные механизмы в целях недопущения формирования в Египте синтеза, в котором, помимо прочих, одновременно оказались и противники М. Мурси, и оппоненты Х. Мубарака, оказались безуспешными. Международное сообщество предпочло не вмешиваться во внутренние дела арабской республики. Таким образом, Анкара оказалась фактически одинокой в своём резком осуждении нового египетского правительства, что не могло не ударить по её имиджу в арабском мире.

В результате Каир квалифицировал поведение Анкары как «вмешательство во внутренние дела Египта», объявил турецкого посла «персоной нон грата» и понизил статус двусторонних дипотношений до уровня поверенных в делах. Большинство египтян поддержало эти действия. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что в заявлениях турецких лидеров неоднократно звучали упреки в адрес той части египетского народа, которая поддержала переворот в стране. Чрезмерная активность и эмоциональный тон турецкого правительства в египетском вопросе вызывают недовольство со стороны обычных граждан арабской республики, которое продолжает неуклонно расти и в настоящее время.

Литература

1. *Akgün M., Gündoğar S.S.* Mısır-Türkiye ilişkilerinde daha iyi bir geleceğe doğru..., İstanbul: TESEV Dış Politika Programı, Ocak 2014.
URL: <http://www.tesev.org.tr/misir-turkiye-iliskilerinde-daha-iyi-bir-gelecege-dogru---/icerik/1615.html>.
2. *Bakan Çağlayan:* «Mısır'la ticarete sorun yok», *Hürriyet*, 16 Ağustos 2013.
URL: <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/24532898.asp>.
3. *Oran B.* Türk Dış Politikası, İstanbul: İletişim Yayıncılık, 3 cilt, 2013.
4. *Волович А.* Турция и «арабские революции» 2011 года, 26.05.2011.
URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-05-11a.htm>.
5. *Гаджиев А.* Египетская боль Турции // *Голос России*, 16.07.2013.
URL: http://rus.ruvr.ru/2013_07_16/Egipetskaja-bol-Turcii-0175/
6. Обама вычеркнул Египет из списка американских союзников, *NEWSru.co.il* // *Ближний Восток*, 13.09.2012.
URL: http://www.newsru.co.il/arch/mideast/13sep2012/cairo_a202.html.

7. *Пятницкая С.* США отзывают из Египта своих дипломатов // Комсомольская правда, 04.07.2013.
URL: <http://www.kp.ru/online/news/1478170/>
8. *Свищунова И.* Поездка президента Турции А. Гюля в Египет, 12.03.2011.
URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/12-03-11c.htm>.
9. Турецко-египетские военные учения проходят на востоке Средиземного моря // Вестник Кавказа, 09.10.2012.
URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Turetsko-egipetskie-voennye-ucheniya-prokhodyat-na-vostoke-Sredizemnogo-morya.html>.
10. Экс-президент Египта Мурси арестован на 15 суток – его официально обвинили во многих преступлениях, NEWSru.com // Новости в мире, 26.07.2013.
URL: <http://www.newsru.com/world/26jul2013/mursi2.html>.

ДРУЖИЛОВСКИЙ С.Б.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Наша конференция проходит в судьбоносные для Турецкой Республики дни, когда в очередной раз правящей «Партии справедливости и развития», несмотря на усиление в стране оппозиционного движения, удалось одержать внушительную победу на муниципальных выборах, хотя и потеряв при этом около 5 % голосов, по сравнению с парламентскими выборами 2011 г.

Очевидно, что после нового подтверждения со стороны электората своего мандата на управление страной ПСР в лице своего руководства продолжит курс на реформирование турецкого общества и государства в соответствии со своими программными установками. Правда, для уверенности в своих силах им ещё предстоит выиграть президентские выборы в нынешнем году и парламентские — в следующем. Однако, учитывая наблюдающийся раскол и уныние в лагере политической оппозиции, можно достаточно смело прогнозировать победу ПСР и на этих выборах. Сложнее с прогнозированием дальнейшей политики правящей партии, учитывая те изменения, которые произошли в политической жизни страны в последние месяцы.

Очевидно, что ПСР, да и вся Турецкая Республика вступают в новый этап, на котором будет осуществляться коррекция вектора социально-политического развития Турции. На наш взгляд, за 12 лет правления ПСР в Турции уже дважды поменялись политические установки, определяемые правящей в стране партией.

Успешным для этой партии оказался первый срок её пребывания у власти в период 2002—2007 гг., когда она, позиционируя себя как консервативно-демократическая партия, осу-

шестьвила ряд прорывов на важных направлениях внутренней и внешней политики турецкого государства. В частности, Турция стала выходить из глубокого экономического кризиса, в который её повергла политика предшествовавших коалиционных правительств, существенно снизилась инфляция, в страну устремились иностранные капиталы, особенно в текстильную и автомобилестроительную отрасли, что привело к оживлению производства товаров экспортной группы, а это, в свою очередь, позволило увеличить золотовалютные резервы и приступить к обслуживанию иностранных займов. В стране стабилизировались трудовые отношения в результате начавшегося роста заработной платы и нормализации пенсионного обеспечения. Произошли подвижки в курдском вопросе. В стране начались политические реформы, призванные ускорить приём Турции в ЕС, что было одним из главных предвыборных обещаний ПСР, и в результате в 2005 г. между Турцией и ЕС начались официальные переговоры о присоединении Турции к этой организации. Турция провозгласила многовекторность во внешнеполитическом курсе страны и впервые за многие годы предприняла попытку урегулирования турецко-армянских разногласий, заявив о готовности восстановить с Арменией дипломатические отношения. Именно при ПСР на новый уровень поднялись экономические и политические отношения между Россией и Турецкой Республикой.

Однако после победы на досрочных парламентских выборах в 2007 г., когда ПСР заручилась поддержкой более чем 46 % электората, а особенно после выборов 2011 г., когда ПСР достигла 50 %-го электорального барьера, у лидеров партии и, прежде всего, у премьер-министра Эрдогана началось своеобразное головокружение от успехов. Политика Эрдогана и всей его партии явно начала наполняться авторитарным содержанием. Не исключено, что это стало реакцией на тот испуг, который пережила ПСР в 2008 г. во время разбирательства в Конституционном суде иска Генпрокуратуры страны с требованием запретить деятельность партии и лишить политических прав 71 её активного члена за проведение антиаицистской политики. Известно, что от политического коллапса ПСР спасла лишь позиция председателя КС Хашима Кылыча, голос которого и перевесил чашу весов на сторону ПСР. Уже в 2010 г. во время всенародного референ-

дума по поправкам к конституции ПСР взяла реванш, осуществив ревизию состава и полномочий КС, по сути, подчинив его контролируемому ПСР парламенту и президенту и отказав ему в праве окончательно запрещать деятельность какой-либо партии, что в старой редакции конституции было зафиксировано в ст.68, части 4. Отныне судьи КС в составе 17 членов (в прежнем составе их было 11) назначаются на 12 лет, при этом никто не может быть назначен членом Конституционного суда дважды.

На этом же референдуме ПСР обеспечила подчинение армии гражданской власти и создала законные рамки контроля над армией. Так, отныне судебные дела в отношении военных, касающиеся безопасности государства, конституционного строя и правонарушений в функционировании этого строя будут рассматриваться не военными трибуналами, как ранее, а гражданским Верховным судом. Ещё до этого начались громкие судебные процессы «Эргенекон» и «Кувалда» над высокопоставленными турецкими военными и секуляристски настроенными представителями интеллигенции, на которых после принятых на референдуме поправок было вынесено несколько десятков приговоров высокопоставленным военным, в том числе к пожизненному заключению был приговорён бывший начальник генерального штаба генерал Илькер Башбуг.

На этом фоне разворачивалась популистская внешнеполитическая кампания «Ноль проблем с соседями», которая обернулась осложнением отношений со всеми соседними государствами, с которыми у Турции такие проблемы имеются, в том числе к стагнации российско-турецких отношений, связанной с обострением сирийского кризиса, а теперь и кризиса крымского.

В явном тупике находится вопрос о дальнейшей интеграции Турции в Евросоюз. И самое главное это крах мифа о коррупционной непорочности ПСР, который в течение долгого времени поддерживал имидж, заложенный в аббревиатуру названия партии «АК-парти» («Белая партия»), и в этом смысле выгодно отличал её от политических конкурентов, уже прославившихся своими коррупционными скандалами. Причём оппозиция (в данном случае неважно действует ли так эффективно группировка Ф. Гюлена единолично или сговор против ПСР объединяет и другие силы) очень точно высчитала время вброса компромата после того, как недовольные авторитарными методами

руководства ПСР турки вышли на улицы и заявили о своём решительном несогласии с политикой правительства Р. Эрдогана.

Правда, надо отдать должное Эрдогану, его реакция на возникший в декабре 2013 г. коррупционный скандал, связанный с именами нескольких министров его кабинета, была мгновенной. С одной стороны, он отправил в отставку тех представителей прокуратуры и МВД, которые участвовали в аресте коррупционеров, а с другой — практически полностью обновил кабинет министров, лишив своих постов десятерых членов правительства. После этого вплоть до начала муниципальных выборов Эрдоган продолжал политику угроз в отношении своих оппонентов, одновременно лишая их ресурсов для вбрасывания компромата против ПСР и его лично. Так, была парализована работа интернет ресурсов Twitter и YouTube, с которых в основном и велись нападки на руководство ПСР и призывы к населению выступить против авторитарной и антинародной политики Эрдогана.

В то же время буквально в последние недели перед муниципальными выборами руководство ПСР, видимо, почувствовав, что продолжение политики давления и угроз против своих оппонентов может привести к усилению протестных настроений, в том числе и со стороны армии и других силовых структур, пошло на попятный, в том числе в отношении уже осуждённых турецких военных. Из тюрем было выпущено несколько десятков заключённых, в том числе отбывавший пожизненное заключение генерал Башбуг.

Произошли позитивные подвижки и во внешнеполитической позиции Турции. В январе 2014 г. Эрдоган посетил Тегеран и подписал с Ираном совместное заявление о создании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня, при этом стороны подчеркнули свою заинтересованность в совместной борьбе против террористических организаций в регионе*. В феврале 2014 г. Эрдоган провел незапланированную встречу с президентом Путиным в Сочи, воспользовавшись посещением Олимпийских игр. Одновременно президент Турции Абдулла Гюль на встрече с турецкими дипломатами призвал правитель-

---

* www.newtimes.az./ru/politics/2518#UOJmtvl_tiQ

ство «перекалибровать» свою политику в отношении Сирии и высказал мнение о том, что Анкара, вероятнее всего, неверно оценила значение недавних событий в регионе в целом**.

Видимо, все эти экстренные меры позволили ПСР сохранить доверие значительной части электората, который так же, как и в России, часто голосует сердцем, определяя свою позицию в последнюю минуту перед голосованием. По крайней мере ещё за неделю до выборов каждый третий турок заявлял, что пока ещё не определился со своим выбором.

Как бы там ни было, важнейшая для судьбы правящей партии победа одержана. Что дальше? Похоже, что будет происходить корректировка проводимого ПСР курса. Что-то надо делать с вскрывшейся в рядах ПСР коррупцией, и вполне логично, что места сидельцев Эргенекона, которых начинают выпускать из тюрем, могут занять некоторые члены правящей партии. До президентских выборов надо каким-то образом повлиять на участников протестного голосования, которые, как бы то ни было, составляют сегодня более 50 % турецкого электората. Очевидно, что выступивший против Эрдогана недосягаемый для него в США Фетхуллах Гюлен продолжит свою разоблачительную кампанию и будет со своей стороны влиять на антиправительственные настроения этой части населения. Тем более что у него есть для этого возможности и средства.

Очевидно, произойдет какая-то корректировка внешнеполитического курса. Программа «ноль проблем с соседями» в её нынешнем формате явно выдохлась, а дальнейшая вовлечённость Турции в сирийский конфликт может привести к большим и не только политическим издержкам. ПСР придётся внести ясность и в дальнейшее продолжение своего курса на вступление в ЕС, который на сегодня явно зашёл в бесперспективный тупик. Поэтому в ближайшее время можно ожидать новых инициатив со стороны руководства ПСР, которое явно намеревается и дальше стоять у руля управления Турецкой Республикой.

** www.inosmi.ru/world/20140127/216893905.html

ЕРМАКОВ В.В.

ЧЕРНОМОРСКИЙ АВАНПОСТ РОССИИ

Российская Федерация и Турецкая Республика, не имея общих сухопутных границ в настоящее время, разделённые черноморской преградой, являются государствами, обладающими колоссальным опытом взаимодействия как непосредственно, так и в рамках государственных коалиции. Такой опыт является во многом определяющим в процессе построения взаимоотношений между этими странами. С одной стороны, Турецкая Республика не отказывалась и не откажется от территориальных притязаний в отношении противоположных ей прибрежных территорий Чёрного моря. С другой стороны, Российская Федерация, как и Советский Союз в прошлом, и Российская империя ещё раньше, могли сдерживать турецкие желания на уровне желаний убедительным военно-морским предложением. С екатерининских времён военный характер такого предложения претерпел серьёзные изменения, отчего они стали ещё убедительнее. Но, как показал непродолжительный исторический опыт двух последних десятилетий, стоило Российской Федерации потерять контроль над территорией Крымского полуострова, как тут же желания турецкой стороны стали реализовываться через различные формы и способы поддержки крымских татар. На этом фоне Украина не проводила политику по развитию Крымского полуострова, поставив данный регион и его население в число зависимых от дотаций и субвенций социального характера в большей степени. Как бы развивалась ситуация на Крымском полуострове в ближайшие десятилетия, учитывая активность крымско-татарского меньшинства и невмешательства

украинской власти во внутренние процессы, происходящие в Крыму? Полагаю, что события могли развиваться не в пользу Российской Федерации и большинства граждан Крымского полуострова. Каков военный потенциал украинской армии и военно-морского флота стало понятно по итогам последних событий в Крыму. А вот каким было русско-турецкое противостояние на Чёрном море до событий в Крыму?

В Черноморском регионе только Турция обладает флотом, способным эффективно противостоять России. Анализ военно-политической обстановки позволял сделать вывод, что существовало два варианта втягивания России в войну, в которой Черноморскому флоту пришлось бы решать задачи по отражению внешней военной агрессии. Это возможное противоборство с отдельно взятой турецкой стороной или с блоком НАТО в целом.

Вероятность военного столкновения России с Турцией без подключения к нему Североатлантического союза гипотетически вполне существует. Это могло произойти на фоне эскалации военного конфликта в одной из горячих точек на Кавказе, в Крыму или Ближнем Востоке. Уже сегодня Москва и Анкара имеют серьёзные различия в позициях относительно методов разрешения сирийского противостояния. Есть у российской стороны свои интересы на Кипре, которые не вполне соответствуют турецкой позиции относительно разрешения кипрской проблемы. Россия и Турция придерживаются разных мнений по карабахскому вопросу. При этом участие блока НАТО в этих конфликтах неочевидно. Ко всему сказанному можно добавить теперь и крымский вопрос, который не сейчас, но когда-нибудь, может быть использован турецкой стороной в военном противостоянии.

Поэтому противником Черноморского флота могут быть только турецкие ВМС, которые насчитывают 16 подводных лодок, 20 фрегатов УРО, до 26 тральщиков и около 21 ракетных катеров. Эти силы вероятнее всего будут поддержаны тактической авиацией. Из 443 ударных самолётов ВВС Турции для действий против кораблей и объектов ВМФ России на Чёрном море может быть задействовано 107 и более машин [1, с. 38].

Сопоставляя возможности флотов, можно предположить, что в ходе военных действий турки потеряли бы до 18–20 % своих

надводных кораблей и катеров, а также до 12–15 % подводных лодок.

При этом убыль российской стороны составила бы по кораблям основных классов и катерам – до 25–30 %, подводным лодкам – до 40–50 %, авиации – до 30–40 % и береговым войскам – до 30–50 %. То есть уже к концу первой недели боевых действий потери Черноморского флота могли бы достигнуть критической величины, тогда как турецкие ВМС свою боеспособность сохранили бы. Задача завоевания превосходства даже в прибрежной зоне для России стала бы трудноразрешимой.

В случае же привлечения к конфликту НАТО вероятнее всего в Чёрное море вошли бы корабельная группировка (более трёх ударных групп кораблей класса крейсер УРО/эсминец УРО), которая была бы поддержана силами палубной авиации американских ВМС (две авианосные ударные группы) из района Восточного Средиземноморья. Черноморский флот не смог бы нанести серьёзный урон противнику, сам понёс бы потери, при которых утратил бы своё значение как оперативное объединение.

После этого противоборствующая сторона смогла бы без помех решать задачи высадки тактических и даже оперативных десантов на черноморское побережье России или её союзников, наносить удары с морского направления по объектам Вооружённых Сил и экономики нашей страны.

Проведённый анализ показывает, что до последних территориальных преобразований в существовавшем составе Черноморский флот неспособен был решать задачи защиты интересов России и отражения военной агрессии на южном направлении.

Изменение ситуации в Крыму, поддержка Россией волеизъявления большинства жителей Крымского полуострова (Автономной Республики Крым), стали весомыми предпосылками для переоценки сил в Черноморском регионе в скором будущем.

Во всем мире понятны правила, по которым будут разрешаться территориальные притязания государств. Убедительность причины, приведшей к удовлетворению территориальных притязаний, будет зависеть от военного потенциала государства и его союзников.

Пока же такие причины не найдены, а точнее: имеющиеся противоречия не достигли своих критических точек перехода

количества внутренних противоречий в качество новой власти. Важно использовать мирное время для социально-экономического развития соседствующих регионов. Направленное социально-экономическое развитие регионов является базовым фактором развития военного потенциала, не позволяя расширять внутривнутриполитическую ситуацию в регионе известными внешними инъекциями.

Сопоставление ряда важнейших макроэкономических показателей позволяют характеризовать Турецкую Республику как динамично развивающуюся страну. Экспортноориентированная индустриализация Турецкой Республики, начавшаяся в 1980-е гг., продолжается и по сей день. Имеет место ограниченное распространение высокотехнологичных производств, представленных в турецком промышленном комплексе, по сравнению со средне- и низкотехнологичными. В любом случае можно говорить о довольно сильных экспортных позициях высокотехнологичных товаров. Турция специализируется на производстве продукции с низкой добавленной стоимостью, что объясняется незначительной долей промышленности в ВВП. Турецкую экономику характеризует не лучшим образом и архаичная структура сектора услуг. Особенностью турецкой экономики является то, что её характеризует более поздний, по сравнению с новыми индустриальными странами, переход от импортозамещения к экспортноориентированной модели. В основе такого долговременного перехода была значительная ёмкость национального рынка и его способность в течение длительного периода поддерживать промышленное производство, ориентированное на внутреннего потребителя. Кроме того, выбор в пользу развития экспорта не сразу получил окончательный и необратимый характер. Достигнутая финансовая стабилизация играет важную роль в экономическом развитии. Проводимая политика высоких процентных ставок и низкого курса иностранной валюты привела к поиску национальными инвесторами внешних финансовых рынков, что способствовало росту займов частного сектора. Частный и государственный сектора остаются чувствительными к конъюнктурным колебаниям мирового рынка [2, с. 102].

Вероятно, что существующие противоречия в политической сфере Турецкой Республики приведут к серьёзным изменениям проводимой экономической политики. В этой связи возмож-

ны варианты, когда Турция постарается занять более значимую экономическую позицию среди стран НИС за счёт расширения сектора услуг (например, как в Гонконге), развития, основанного на сельском хозяйстве, создания постиндустриального общества. Однако данные новации невозможны без развития промышленного производства и наращивания промышленного экспорта. В этой связи, учитывая закрытие доступа на рынки сбыта для Турции со стороны Евросоюза, именно Россия и Казахстан могли бы стать союзниками для Турецкой Республики, и это было бы правильно использовать. Примером для сотрудничества могут стать отношения, складывающиеся между Азербайджаном и Турцией. Например, Азербайджанская SOCAR намерена до 2018 г. инвестировать в нефтянку Турции 17 млрд долл. По объёму вложений Турция занимает первое место среди стран, в которые инвестирует Азербайджан. В настоящее время инвестиции турецких компаний в основной капитал в Азербайджане составляют 2,1 млрд долларов, из которых 1,5 млрд были вложены в нефтяной сектор. Реализация таких проектов, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум и железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, развивает отношения между странами до уровня стратегического партнерства [3, с. 2].

Крым сегодня обладает архаичной структурой экономики, волны промышленной модернизации проходили мимо этого региона. Крым не производит ни новых, ни старых технологий. Существующее разделение труда примитивно. Но Крым может стать сектором с новым технологическим разделением труда. Крыму на протяжении нескольких лет прививалась привычка выживать за счёт дотаций и субвенций из государственного бюджета Украины. Причём такая политика украинских властей проводилась без учёта того, что по налоговым поступлениям, являющимся базой для определения объёмов межбюджетных трансфертов, Крым занимал 4–5 места, уступая только Донецкой, Днепропетровской и Киевской областям и г. Киеву, а Севастополь из 26 субъектов не опускался ниже 15 места [4].

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что Россия, выполнив предначертанную миссию, обязана проводить экономическую политику развития Крымского федерального округа. Идейным источником качественных преобразований должны стать мотивы, определившие возвеличивание российского Крыма в екатерининскую эпоху. Какими должны быть направления такого развития? Полагаю, что китайский опыт экономических зон не может быть использован в Крыму в полной мере, учитывая отсутствие прямого выхода в океан у России. Однако не использовать возможного сотрудничества с Турецкой Республикой, имеющей такие выходы, было бы ошибкой. В любом случае Крымский полуостров обустроивался ещё во времена Екатерины как аванпост южных рубежей. Поэтому это и должно стать главной задачей. Если наряду с этой главной задачей будут решены вопросы экономической интеграции, экономического развития и сотрудничества в данном регионе, то Крымский федеральный округ способен превратиться и в южную экономическую мекку Черноморского региона.

Литература

1. Журнал ОАО «ОСК». 2012. № 4.
2. Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6.
3. Нефтегаз.РУ, 27 мая 2013 г.
4. URL: <http://www.minfin.gov.ua/>

ЗЕЗЮЛЯ Р.А.

ПРОБЛЕМА НОРМАЛИЗАЦИИ ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Еще совсем недавно, а именно 9 февраля 2014 г. в процессе двусторонних отношений между Турцией и Израилем появилась надежда на сближение. Так, в одном из интервью министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что его страна и Израиль стали «ещё на один шаг ближе, чем были, к нормализации двусторонних отношений после инцидента на борту парома «Мави Мармара». Следует напомнить, что это было гражданское судно, которое 31 мая 2010 г. перевозило в составе «Флотилии свободы» гуманитарный груз в сектор Газа, и в результате его задержания израильскими военнослужащими армии обороны ЦАХАЛ было убито 9 граждан Турции. Сообщая об этом, глава турецкого МИД подчеркнул, что в диалоге между странами есть продвижение в вопросе выплаты компенсаций семьям погибших во время данного инцидента. Он смело предположил, что большинство разногласий между двумя странами уже улажено в ходе обсуждений этого вопроса. Подчеркнув «позитивные сдвиги» в компенсационных переговорах и «достижение серьёзного прогресса», Давутоглу, однако, воздержался от того, чтобы указать точные сроки завершения переговоров. Не назвал он и точную сумму компенсаций, на которые рассчитывает турецкая сторона, точнее, семь жертв инцидента на борту «Мави Мармара», сказав только то, что «разница между требованиями Турции и предложениями Израиля несколько сократилась» [6].

Израиль официально никак не прокомментировал заявления Давутоглу. При этом источники в руководстве Израиля подтвердили факт интенсивных переговоров с Анкарой. По их мнению,

готовность руководства государства Израиль удовлетворить требования турецкой стороны продиктована заботой о стратегических интересах Израиля в непростом Ближневосточном регионе.

Ранее турецкая сторона неоднократно обращалась к Израилю с требованиями о выполнении трёх обязательных условий: извинений за гибель турецких граждан, выплаты материальных компенсаций семьям погибших и полного снятия морской блокады с сектора Газа.

Со стороны Израиля также исходило несколько требований в адрес Турции. Во-первых, в Тель-Авиве настаивали на принятии турецким парламентом закона об отказе от судебных исков к солдатам и офицерам израильской армии, участвовавшим в штурме «Флотилии свободы». Во-вторых, Турция должна отказаться от антиизраильских мер на международной арене, в частности перестать обострять вопрос сотрудничества израильского государства с блоком НАТО [2].

В середине марта 2013 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху фактически выполнил первое требование Анкары. В телефонном разговоре с турецким премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом Нетаньяху выразил сожаление по поводу затянувшегося кризиса в отношениях между Израилем и Турцией, а также извинился за инцидент с «Мави Мармара» и гибель людей, находившихся на борту судна во время операции по его перехвату. Следует сказать, что это был первый прямой контакт между Нетаньяху и Эрдоганом после событий 2010 г. [13].

Инициатором звонка Эрдогану стал президент США Барак Обама. Израильская пресса отмечала, что телефонная беседа между Нетаньяху и Эрдоганом являлась результатом визита Барака Обамы в Израиль. Сам Нетаньяху эту версию отрицал, утверждая, что главной причиной для принесения извинений послужила ситуация в Сирии. Он даже опубликовал на своей страничке в Facebook обращение к гражданам, в котором аргументировал своё решение обостряющейся с каждым днем обстановкой в Сирии, нахождением на территории Сирии различных террористических группировок с гигантскими запасами современного химического оружия, а также личным беспокойством по поводу того, что данное оружие может представлять угрозу для безопасности Израиля [3].

Этот факт подтверждает мнение о том, что среди вопросов повестки дня в ходе визита Обамы в Израиль была также ситуация в Сирии и ядерная программа Ирана. Известно, что уже в течение

нескольких лет Израиль планирует нанести удары по иранским объектам. Однако американцы не намерены продолжать политику военного вмешательства. Эта ситуация неизбежно вызвала беспокойство Израиля. Небрежное использование военной силы в Ираке послужило поводом для переоценки американцами собственных национальных интересов и более пристального внимания к еврейскому лобби в США. Например, американские учёные Стивен Уолт и Джон Миршаймер в книге под названием «Израильское лобби и внешняя политика США» («The Israel Lobby and the US Foreign Policy») изучили механизмы, которыми израильские лоббисты управляют внешней политикой США [4]. Однако этот визит, хотя и был осуществлен под влиянием израильского лобби, был ознаменован переговорами, повестку дня и условия которых определили американцы.

В израильском обществе между тем поступок премьер-министра восприняли неоднозначно. Многих возмутило то, что родственникам погибших на захваченном судне турок была обещана выплата компенсаций, в то время как израильским военнослужащим, участвовавшим в операции и получившим ранения, никаких дополнительных компенсаций гарантировано не было.

Как показал опрос, проведённый в июле 2013 г. израильским Институтом стратегических исследований имени Бегина и Садата, 71% израильтян считали, что извинения Израиля перед Турцией были ошибочны, 29% опрошенных считали извинения оправданными. 28% респондентов сказали, что отношения между Турцией и Израилем в ближайшее время улучшатся, 42% полагали, что они останутся прежними, а 30% – что со временем они будут лишь ухудшаться. 85% опрошенных сказали, что вряд ли пока поедут в Турцию отдохнуть, 10% сказали, что, вероятно, всё же поедут на отдых в Турцию, а 5% ответили, что точно собираются отправиться в отпуск в эту страну [10].

Так или иначе, в Израиле рассчитывали, что, принеся Турции извинения за гибель её граждан на судне «Мави Мармара», будет положен конец взаимному отчуждению и будет открыта новая страница в отношениях с этой страной. Однако реакция турецкого премьер-министра оказалась неожиданной для израильского МИД. Получив извинения от Израиля, Реджеп Тайип Эрдоган заявил об изменении соотношений сил на Ближнем Востоке. «Благодаря нашей вовлечённости в ближневосточный конфликт,

мы в возрастающей степени несём ответственность за положение наших палестинских братьев и других народов региона», «именно Турция должна играть ключевую роль в переговорах с палестинцами», — заявил турецкий премьер [14].

Секретариат израильского правительства незамедлительно отреагировал на заявление Эрдогана, подчеркнув, что Турции не следует выражать бурное ликование после принесённых Тель-Авивом извинений, и дал следующий комментарий: «Главное, чтобы наши страны взаимодействовали перед лицом драматических изменений, переживаемых Ближним Востоком. Особую тревогу вызывает ситуация в Сирии. Нет сомнений в том, что Израиль и Турция обязаны поддерживать хорошие отношения. Это не только отвечает интересам обеих стран, в этом заинтересована и Америка» [7].

Было решено создать специальную переговорную группу, в задачу которой вошло устранение принципиальных разногласий в результате инцидента с флотилией. В начале апреля 2013 г. в Анкару отправилась первая делегация из Израиля для обсуждения размера и порядка выплат компенсаций семьям погибших во время захвата судна «Мави Мармара». В состав делегации вошли министр юстиции Израиля Ципи Ливни, советник премьер-министра по вопросам национальной безопасности Яаков Амидрор и специальный посланник по государственным миссиям, адвокат Ицхак Молко.

22 апреля 2013 г. в Турции состоялся первый этап переговоров по вопросу выплат компенсаций родственникам погибших турецких граждан при перехвате «Флотилии свободы». На данном этапе переговоров стороны не обсуждали размер компенсации, а рассматривали лишь принципы и параметры вычисления этих сумм [1].

В течение последних месяцев 2013 г. переговорная группа провела ещё несколько встреч, по результатам которых в итоге удалось достичь некоторого взаимопонимания. Как отмечает израильский ежедневник «Гаарец», ссылаясь на «западных дипломатов», Израиль предложил Турции 20 млн долларов в качестве компенсации за нападение на судно «Мави Мармара» [8]. По словам дипломатов, турки изначально требовали 30 млн долларов, что вдвое превышало сумму, которую готов был заплатить Израиль. Когда переговорщики вернулись из Турции домой, премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху провёл с ними несколько совещаний и решил увеличить сумму компенсации до 20 млн долларов. Он даже дал разрешение добавить еще 3 млн, «если

это будет необходимо для того, чтобы гарантировать подписание соглашения».

По словам главы Центра стратегических исследований имени Бегина и Саддата, профессора Эфраима Инбара, «пока ещё сложно сказать, есть ли конкретная договорённость по сумме компенсаций, будь то 15, 20 или 30 миллионов долларов».

Вместе с тем с большой долей вероятности можно утверждать, что деньги в данном вопросе играют далеко не главную роль. Для полного восстановления дружественных отношений между странами необходим «письменный документ», но турецкая сторона не будет подписывать подобный документ до тех пор, пока не будет снята блокада сектора Газа. Об этом открыто заявил премьер-министр Турции Эрдоган своему испанскому коллеге 12 февраля 2014 г. в ходе совместной пресс-конференции. По мнению турецкого премьер-министра, Израиль должен снять блокаду сектора Газа, так как это является одним из трёх обязательных условий, которые выдвинула Турция по вопросу восстановления отношений с Израилем. «Не будет снята блокада, не будет и протокола. Блокада должна быть снята, и это должно быть отражено в письменном протоколе», — подчеркнул Эрдоган [5].

Спустя неделю после этого заявления, а именно 19 февраля 2014 г., произошло ещё одно знаковое событие: президент США Барак Обама провёл телефонные переговоры с премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом. Стороны обсудили ситуацию на Ближнем Востоке, в частности ход урегулирования отношений между Турцией и Израилем. Разговор стал неожиданностью для главы турецкого правительства. «В беседе президента и премьер-министра был затронут вопрос о важности скорейшей нормализации отношений между Турцией и Израилем», — заявили в пресс-службе Белого дома. Израильские СМИ отметили, что эта дипломатичная формулировка маскирует реальное положение дел. Как сообщила израильская газета «Маарив», определение, которое приводится в сообщении, означает, что американский президент потребовал от турецкого премьер-министра положить конец кризису в отношениях между Тель-Авивом и Анкарой, вызванному перехватом «Мави Мармара» в 2010 г. [11].

Тем не менее газета «Гаарец» возложила всю ответственность за кризис в переговорах на главу правительства Израиля Биньямина Нетаньяху. Газета утверждала, что он отказался подписы-

вать уже согласованный с турецкой стороной договор, опасаясь критики со стороны правого крыла парламента.

В ходе телефонного разговора между Обамой и Эрдоганом также были затронуты пути совместного противостояния исходящей из Сирии террористической угрозе и необходимость найти политический выход из сирийского кризиса. Стороны коснулись ситуации в Ираке и экономической ситуации в мире.

Между тем стороны так и не смогли определить сроки восстановления отношений между Турцией и Израилем в полном объёме. И дело тут вовсе не в том, что стороны не могут договориться об условиях восстановления отношений. А суть проблемы такова, что внешняя политика Турции, особенно взаимоотношения с Израилем, является одним из серьёзных элементов, влияющих на развитие внутривнутриполитической ситуации в стране. Учитывая антиссионистские настроения в определённой части турецкого общества, премьер-министр Турции пытался нейтрализовать наступление лидера религиозного движения «Хизмет» Фетхуллы Гюлена, выставив его произраильски настроенным мусульманским деятелем [15]. Восстановление отношений с Израилем в полном объёме накануне муниципальных и президентских выборов лишает Эрдогана этого важного аргумента в информационной войне, которая полным ходом идёт вокруг коррупционного скандала в Турции, в котором фигурируют фамилии высоких государственных чиновников и самого Эрдогана.

Официально турецкий премьер утверждал, что коррупционный скандал являлся делом рук движения «Хизмет» в союзе с его внешними недоброжелателями, в том числе и Израилем. Эрдоган пытался убедить всех в том, что евреи не могут ему простить жесткой позиции в урегулировании как палестино-израильского конфликта, так и инцидента вокруг «Мави Мармара». Помимо этого, ответственность за волну беспорядков, которая прошла в крупных городах Турции в 2013 г., с требованиями отставки действующего правительства, Эрдоган также возложил на израильтян. А вице-премьер Турции Бешир Аталай, открыто выступил с обвинениями в адрес еврейской диаспоры, заявив: «Есть те, кто завидуют росту Турции. Все они связаны с еврейской диаспорой. Вы видели отношение зарубежных СМИ во время забастовок из-за парка Гези. Еврейская диаспора купила СМИ, которые и начали вещание сразу, не делая адекватной

оценки происходящего» [9]. На уровне консервативного турецкого электората, который не в курсе об истинном положении дел в турецко-израильских отношениях, эти аргументы вполне эффективны. Таким образом, официальная Анкара просит повременить с восстановлением турецко-израильских отношений хотя бы до президентских выборов, которые должны состояться в августе 2014 г.

Стоит при этом отметить, что, не смотря на существующую проблему в отношениях между двумя странами, торговые отношения между Турцией и Израилем никогда не прекращались. В первом квартале 2013 г. объём экспорта израильской продукции в Турцию, не включая экспорт обработанных алмазов, вырос на 44 % по сравнению с первым кварталом 2012 г., составив 560 млн долларов. Согласно данным израильского института экспорта, основной статьёй экспорта в Турцию являются химикаты и продукты переработки нефти, на которые приходится 75 % экспорта (420 млн долларов). Также Турция закупила у Израиля металлолом на 30 млн, станки и оборудование – на 26 млн, двигатели и электроприборы – на 19 млн, минеральные удобрения – на 17 млн, бумагу и дерево – на 9 млн, медикаменты и медицинское оборудование – на 8 млн, резиновые и пластиковые изделия – на 5 млн, продовольственные продукты – на 4 млн долларов, соответственно. Рост объёма продаж был зафиксирован во всех сферах, кроме металлолома, медикаментов и бумаги [12].

С точки зрения регионального расклада сил в Ближневосточном регионе принесенные Израилем извинения перед турецким народом стали событием, внешне повышающим значимость Турции в регионе. Однако всё же не стоит рассматривать данный факт с позиции «дипломатического успеха Турции». История международных отношений доказывает, что Израиль никогда никому не уступал и не приносил извинений, даже если действовал вопреки международным правилам и нормам. В случае с Турцией ситуация получилась обратная. Совершенно определённо, что в процессе отношений между двумя странами присутствовала и третья сторона – США. В телефонном разговоре между двумя премьер-министрами была заинтересованность Белого дома.

Есть мнение, что из кандидатов на новую региональную силу на Ближнем Востоке (Россия, Турция и Иран) выбор США пришёлся на союзника периода «холодной войны» и члена НАТО, Тур-

цию. При этом у другого важного союзника, Израиля, снизился потенциал продвижения в регионе американских национальных интересов, и это стало беспокоить США при осуществлении региональной политики. Во избежание региональных противоречий США были вынуждены примирить двух своих союзников – Турцию и Израиль. В связи с возрастающим желанием Турции видеть себя центральной силой в регионе это перемирие должно было быть обеспечено за счёт уступок Израиля. Поэтому Обама убедил Израиль в необходимости нормализации отношений с Турцией.

Между тем существенными препятствиями для Турции на пути к статусу региональной силы до сих пор являются «Рабочая партия Курдистана» (РПК) и проблема курдов. В Турции считают, что влияние и сила их государства в регионе непременно возрастут с обезвреживанием РПК и решением курдского вопроса. В этой связи интересным представляется момент, на который пришлось извинения Израиля и призыв к разоружению РПК. Их совпадение может свидетельствовать о том, что Израиль, стремящийся к изоляции, не желает терять потенциального союзника в лице Турции, поскольку это может породить тяжёлые последствия для его безопасности. К тому же нормализация отношений с Тель-Авивом способна стать преимуществом и для Анкары, поскольку Турция также испытывает потребность в сотрудничестве с Израилем, особенно в области военных технологий.

Хоть в краткосрочной перспективе не следует ожидать стремительного потепления в отношениях между странами, существует ряд положительных моментов. Так, например, в апреле 2014 г. между Турцией и Израилем ожидается подписание итогового соглашения об урегулировании разногласий по вопросу захвата израильскими военными судна «Мави Мармара», а также выплата компенсации в 20 млн долларов родственникам погибших на борту граждан Турции. Турция в свою очередь дала согласие на восстановление дипломатических отношений в полном объеме, то есть планируется поднять дипломатическое присутствие в странах (сейчас дипломатические отношения между странами находятся на уровне временных поверенных в делах вторых секретарей). Также Турция выразила готовность внести изменения в свою юридическую базу таким образом, чтобы израильских военных и политиков, имеющих отношение к произошедшему на судне инциденту, нельзя было привлекать к уголовной ответ-

ственности в Турции.

В качестве жеста доброй воли в преддверии подписания соглашения министр обороны Израиля Моше Яалон распорядился пропускать в Газу строительные материалы, предназначенные для строительства больницы в южной части сектора. Больница, рассчитанная на 150 коек, будет полностью построена за счёт турецкого государства. Предварительная стоимость проекта оценивается в 35 млн долларов. К реализации данного проекта Турция приступила ещё в апреле 2011 г. без согласования с Израилем.

Литература

1. URL: www.9tv.co.il/news/2013/07/15/154386.html
2. URL: www.9tv.co.il/news/2013/10/27/161587.html
3. URL: www.analitika.az/articles.php?item_id=20140205123112409&sec_id=9
4. URL: www.baltinfo.ru/2013/03/22/Ankara-i-Tel-Aviv-dogovorilis-o-vozvrashchenii-poslov-v-obe-stolitsy-343788
5. URL: www.facebook.com/Netanyahu?ref=stream&hc_location=stream
6. URL: www.haaretz.co.il/news/politics/.premium-1.2233495#commentsForm-2233495
7. URL: www.hurarsiv.hurriyet.com.tr/goster/haber.aspx?id=23638516&tarih=2013-07-02
8. URL: www.hurriyet.com.tr/gundem/22905994.asp
9. URL: www.israel7.ru/News/News.aspx/166544#.UzAwL6h_spQ
10. URL: www.jewish.ru/israel/hot/2013/03/news994316514.php
11. URL: www.meast.ru/article/izrailskoe-lobbi-i-vneshnyaya-politika-ssha
12. URL: www.mk-turkey.ru/politics/2014/02/14/vosstanovlenie-druzheskih-otnoshenij.html
13. URL: www.newsru.co.il/arch/finance/01jun2013/is_tur307.html
14. URL: www.todayszaman.com/news-335701-no-progress-yet-on-turkey-israel-compensation-talks.html
15. URL: www.vestikavkaza.ru/analytics/Izrail-Turtsiya-SSHA-reshili-vmeshatsya.html

ИВАНОВА И.И.

КИПРСКАЯ ПРОБЛЕМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кипрская проблема является одной из наиболее сложных конфликтов XX – начала XXI вв., в разрешении которого стараются принимать участие (естественно, в разных аспектах) не только греческая и турецкая общины острова, но и Турция, Греция, ООН, а в последние годы ЕС и Россия.

В чём же суть столь запутанного на первый взгляд кипрского вопроса? Дело в том, что с XVI в. Кипр находился под властью Османской империи. В 1878 г. после поражения в очередной русско-турецкой войне турецкий султан Абдул-Хамид II заключает оборонительный союз с Великобританией, по которому Кипр переходит под её протекторат, формально оставаясь частью Османской империи. В начале 1914 г., когда Турция выступила на стороне Германии в Первой мировой войне, Кипр был официально аннексирован Великобританией. В 1925 г. остров получил статус колонии. С момента перехода Кипра под управление Великобритании на острове началось движение греков-киприотов за эносис, то есть присоединение Кипра к Греции. Английское правительство, использовавшее остров в качестве «непотопляемого авианосца», не хотело выпускать его из своих рук, но под давлением кипрской общественности было вынуждено постепенно сдавать власть. Так в 1943 г. на острове были проведены муниципальные выборы.

После окончания Второй мировой войны требования о предоставлении Кипру самоуправления продолжились с новой силой. В 1954 г. к решению вопроса подключилась Греция, подав на рассмотрение ООН требование о предоставлении права са-

моопределения для Кипра. Великобритания, понимая, что потери острова не избежать, созвала в августе 1955 г. конференцию по этому вопросу, на которую для того, чтобы создать противовес Греции, была приглашена и Турция. Турция на начальных этапах развития кипрского вопроса на переговорах занимала пробританскую позицию [1].

В итоге длительного переговорного процесса в феврале 1959 г. было подписано соглашение между Грецией, Турцией, Великобританией и представителями греческой и турецкой общин Кипра. Оно предусматривало предоставление Кипру независимости, исключало передачу острова Греции, а также предусматривало предоставление Великобритании двух военных баз на острове. Греция, Турция и Англия выступили в качестве стран – гарантов нового государства.

Кипр был провозглашён независимым государством 16 августа 1960 г. [2, с. 58]. Для того чтобы соблюсти права обеих общин Кипра, вся властная структура на острове была построена так, чтобы по идее обе общины были представлены в ней пропорционально. Однако этот строй, при котором соотношение турок-киприотов и греков-киприотов в органах власти на острове должно было составлять в соотношении 30:70, соответственно, не разрешил имевшихся противоречий между общинами, а скорее, наоборот, усилил их. Деятельность органов власти фактически зашла в тупик.

Первым шагом к разделению острова стали беспорядки и обострение межобщинных отношений, начавшиеся в 1963 г. Для недопущения обострения обстановки на остров были введены английские войска, и остров разделила так называемая «зелёная линия». Кипр был разделён на северную часть, большинство населения которой составляли турки, и южную, население которой состояло в основном из греко-киприотов. В 1964 г. было принято решение о введении на остров миротворческого контингента ООН [2, с. 63].

Разделение Кипра «зеленой линией» стало серьёзной предпосылкой для размежевания общин и создания самостоятельных анклавов. В создавшейся обстановке Турция заняла позицию по одобрению территориального размежевания общин.

В 1967 г. размежевание пошло ещё дальше: турецкая община Кипра объявила о создании «временной администрации республики Кипр» [2, с. 67].

В 1974 г. на Кипре произошло новое обострение обстановки. Президент Кипра Макариос был свергнут национальной гвардией греков-киприотов по приказу военной диктатуры, правившей в Греции. Турция, опасаясь того, что в результате переворота Кипр будет присоединен к Греции, начала планировать проведение военной операции. Первоначально Турция предложила Англии как одной из стран-гарантов провести военную операцию для наведения порядка на Кипре совместно. Англия ответила отказом, и Турция 20 июля 1974 г. в одностороннем порядке ввела свои войска на Кипр [3]. Операция продлилась два дня, турецкие войска закрепились на Кипре. В августе турецкие войска снова были задействованы на острове. В результате двух операций турецкие войска заняли 37 % территории Кипра. Линия, на которой они остановились, стала границей между двумя общинами. 13 февраля 1975 г. было объявлено о создании «Турецкой федеративной республики Кипр». В этой республике было создано своё выборное правительство. Таким образом, произошло окончательное размежевание общин.

Введение турецких войск на Кипр вызвало резко отрицательную реакцию мировой общественности. ООН отреагировала резолюцией, призывавшей уважать суверенитет, независимость, территориальную целостность и политику неприсоединения Кипра. Однако Турция проигнорировала эту резолюцию.

Негативная реакция последовала не только со стороны ООН. Западные союзники Турции также осудили операцию, причём США ввели против Турции санкции.

Вплоть до 1983 г. положение на Кипре не претерпело серьёзных изменений. Был проведён ряд переговоров в попытке урегулировать статус кипрских общин, однако все они оказались безрезультатными. В 1981 г. на Кипре прошли выборы в парламент — сначала в греческой части, а затем и в турецкой. В турецкой части также прошли выборы президента. Раздел острова закреплялся всё сильнее.

15 ноября 1983 г. руководство турецкой общины Кипра заявило о создании «Турецкой республики Северного Кипра». Турецкое руководство не было готово к такому шагу турок-киприотов, но признало это государство [2, с. 79]. В то же время ООН отреагировала резолюцией от 18 ноября 1983 г., в которой потребовала отмены одностороннего решения турок-киприотов.

Реакцией греческой части Кипра стало обращение в ООН с просьбой принять на себя ответственность за мир и спокойствие на острове. ООН призвала все государства не признавать ТРСК.

В то же время в самопровозглашённой республике налаживалась самостоятельная политическая жизнь. Был проведён референдум, одобдивший конституцию, состоялись президентские и парламентские выборы. Турция же в свою очередь способствовала укреплению ТРСК путём отправки на остров турецких переселенцев. По данным западных источников, к середине 1980-х гг. на Кипр перебрались 50 тыс. человек [1]. Требования греческой стороны по их отправке назад не были удовлетворены.

С начала 1990-х гг. в процессе урегулирования кипрского вопроса всё активнее принимает участие ООН. Теперь ООН уже не ограничивалась просто посредничеством в организации переговоров со сторонами. С 1992 г. основой для переговоров становится пакет предложений, разработанных лично Генеральным секретарем ООН. Однако дальнейшие переговоры не принесли желаемых результатов из-за непримиримости обеих сторон.

В свою очередь в марте 1995 г. ЕС принимает программу политики по развитию отношений с Кипром. Причём, поскольку признанным мировым сообществом был только греческий Кипр, во всех контактах с ЕС от имени всего кипрского народа выступали именно власти южного Кипра. С середины 1990-х гг. активно начинается процесс диалога между Кипром и ЕС. В июне 1995 г. Ассоциативным советом ЕС были проведены переговоры по вопросу перспективы вступления Кипра в ЕС. А в июле 1995 г. было принято решение начать конструктивный диалог по вопросу сближения Кипра с ЕС [4, р. 158].

Активное участие ЕС в переговорном процессе начинается на рубеже 1997–1998 гг. 13 декабря 1997 г. в Люксембурге прошла конференция стран ЕС, на которой было принято решение о возможном вступлении Кипра в ЕС. Однако Европейский Союз под правительством Кипра признавал только правительство его греческой части, а представителям турецко-греческой общины Кипра предлагал войти в состав делегации от этого правительства. Логическим продолжением подхода ЕС к решению кипрской проблемы стала резолюция от 10 марта 1998 г., в которой говорилось, что Турецкая республика Северного Кипра является «фактом, который невозможно признать» [3], и что её при-

знание как государства является препятствием к достижению мирного решения вопроса. Кроме того, было принято решение о том, что переговоры между представителями обеих общин могут проходить только на территории Южного Кипра.

Ответом на это стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой они заявили, что такое решение ЕС подрывает все усилия по мирному разрешению вопроса, а существование Турецкой республики Северного Кипра является необходимым.

31 августа 1998 г. турецко-кипрская сторона выступила с предложением по урегулированию вопроса. Это было предложение о создании конфедерации. Оно основывалось на равенстве двух сторон, призывало провести конструктивные переговоры, нацеленные на достижение окончательного решения вопроса. Однако греческо-кипрская сторона, обладающая перспективой вступления в Евросоюз, сразу отвергла этот план [3]. Возобновить переговоры удалось только в 1999 г.

Новой попыткой решения вопроса стал план Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Он предполагал создание единого государства Кипр, включая весь остров Кипр (за исключением британских военных баз). Объединённый Кипр по своему государственному устройству должен был напоминать модель конфедерации Швейцарии, то есть стать свободной конфедерацией двух государств – греков-киприотов и турок-киприотов, – соединённых вместе минимальным аппаратом федерального правительства. Представители греческой и турецкой общин поочередно становились бы президентами страны.

План включал федеральную конституцию, конституции для каждого государства, ряд конституционных и федеральных законов и предложений о флаге Объединённой республики Кипр и национальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения споров прошлого. План устанавливал ограниченное право возврата беженцев между территориями обеих общин, а также позволял бы Греции и Турции сохранить постоянное военное присутствие на острове, правда, при значительном снижении числа войск.

План Аннана был представлен сторонам в ноябре 2002 г. и являлся основой переговоров до 2004 г. За это время он неодно-

кратно претерпевал изменения, в него включались всевозможные поправки.

Последние переговоры по нему начались 19 февраля 2004 г. Все противоречия надо было уладить до 1 мая, поскольку на этот день была назначена дата официального вступления Кипра в ЕС. 24–31 марта в Швейцарии прошли новые переговоры, по результатам которых было принято решение о дате референдума на острове – 24 апреля 2004 г. [3]. В апреле 2004 г. «план Аннана» был представлен на референдум. Его итоги оказались достаточно неожиданными: более трёх четвертей греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по плану Аннана («за» – 24 %, «против» – 75,8 % при 88 %-й явке). Турки-киприоты проголосовали «за» – 64,9 %, «против» – 35,1 % при 87 % участвовавших в голосовании [5].

Греко-киприотов в данном документе не устроили следующие пункты: 1) недостаточные гарантии безопасности общин; 2) отсутствие чёткого механизма применения плана; 3) сохранение турецкого военного присутствия на острове; 4) предоставление права проживания на острове всем переселенцам из Турции; 5) квоты, ограничивающие количество греко-киприотов, которым позволено вернуться на север острова и вернуть собственность, потерянную после ввода турецких войск [6].

Как и планировалось, 1 мая, Кипр вошёл в состав ЕС. Однако, поскольку руководство Европейского Союза не сменило своих позиций относительно ТРСК, сложилась весьма деликатная ситуация. Так как ЕС отрицало существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендует на то, чтобы представлять всё население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако, так как турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра, и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС не распространяются на эту территорию. С 1 мая 2004 г. Турция фактически оккупирует часть территории ЕС.

В то же время попытки прийти к окончательному решению вопроса не прекращаются. В конце мая 2004 г. Генеральный секретарь ООН сделал доклад о результатах переговоров по Кипру и его миссии доброй воли. В своем докладе он заявил, что вина за столь медленный прогресс в переговорном процессе лежит

на представителях Южного Кипра, которые должны проявлять свою приверженность принципам партнёрства и равенства не только на словах, но и на деле [7].

На данный момент разделение острова сохраняется. Попытки воссоединения общин остаются безрезультатными. Турецкая сторона настаивает на том, что решение вопроса достаточно проработано в плане Аннана, и если Южный Кипр не устраивают какие-либо пункты плана, то надо разрабатывать поправки к ним, а не отклонять весь документ.

Греческая сторона в целом готова принять замечания турок-киприотов. Кроме того, наметилось некоторое смягчение позиций Кипра по отношению к ТРСК и Турции. Однако на переговорах о вступлении Турции в ЕС Кипр планирует выдвинуть пять условий, без выполнения которых, он не поддержит её кандидатуру:

1. Турция должна признать Республику Кипр как суверенное государство.

2. Турция должна прекратить практику наложения вето на членство Кипра в различных международных организациях.

3. Анкара должна прекратить расселение турецких граждан на оккупированных территориях острова.

4. Кипр требует от Турции компенсации за незаконно используемое имущество греко-киприотов на оккупированных территориях, захваченных в 1794 г.

5. Никосия категорически возражает против присутствия на острове турецкого оккупационного корпуса [6].

На момент вступления в Евросоюз (1 мая 2004 г.) Кипр по-прежнему оставался разделённым на две части. Все законы ЕС и льготы от членства в союзе распространились лишь на греческий сектор, а слабо развитая турецкая часть Кипра осталась за пределами ЕС. Генеральный секретарь ООН опубликовал доклад (S/ 2004/ 437), в котором подчеркнул, что «в результате голосования положение турок-киприотов требует внимания со стороны мирового сообщества в целом, включая Совет Безопасности», и указал, что «голосование турок-киприотов переречеркнуло все основания для давления на них и их изоляции». Исходя из этого, К. Аннан настоятельно рекомендовал всем государствам сотрудничать как на двусторонней основе, так и в международных организациях в деле устранения ненужных

барьеров, которые ведут к изоляции киприотов-турок и препятствуют их развитию.

Вскоре после референдума ЕС, учитывая положительное голосование турок-киприотов, пообещало выделить Северному Кипру 260 млн евро в качестве экономической помощи, а также ослабить эмбарго на импорт товаров из непризнанной ТРСК. Переговоры по этим вопросам продолжались несколько лет, а желаемые результаты так и не достигнуты. На встрече министров иностранных дел Евросоюза в Брюсселе в ноябре 2005 г. некоторые из его участников подчеркивали: «Мы дали слово снять изоляцию, но ничего не смогли сделать. Подобную ситуацию надо менять» [8].

Турецкие дипломатические источники указывают, что обещанные туркам-киприотам евро так и не были даны, что оценивается как «бессилие ЕС перед лицом греков-киприотов». А что касается прямой торговли с Северным Кипром, то «Европейское сообщество демонстрирует свою решимость «пока забыть эту проблему»». [8]

Таким образом, ЕС, обещавший приложить усилия для снятия изоляции турок-киприотов, не держит своих обещаний, в том числе в первую очередь в связи с оказываемым давлением греков-киприотов, и, как представляется, роль Евросоюза в решении кипрской проблемы весьма ограничена.

По мнению многих политических кругов вопрос Кипра должен решаться в рамках ООН. В этой связи заслуживает внимания статья, появившаяся в английской газете «Файнэншиел Таймс» в конце 2006 г., посвящённая Кипру и озаглавленная «Раскол представляется всё более стойким». Специалист по Кипру, грек по национальности Филлипос Саввидис пишет, что «зелёная линия» на Кипре практически превратилась в международную границу, а обе общины острова проживают самостоятельно, отдельно друг от друга. Он подчёркивает следующее: «ЕС – это не организация для разрешения конфликта, необходимо снова передать кипрский вопрос для решения в ООН. Между тем греки-киприоты потеряли доверие в глазах европейских партнеров» [9]. Комментируя это заявление, известный турецкий политолог Сами Кохен указывает, что оно отражает точку зрения, всё более распространяющуюся в мировом сообществе. Конечно, по его мнению, под воздействием лидера греков-киприотов Папа-

допулоса ЕС может выдвигать всё новые условия на пути членства Турции в этой организации. Так, например, пока Турция не откроет свои порты для Кипра, вопросы членства не будут обсуждаться. И так может продолжаться до 2009 г. при сохранении прежних проблем и напряжённости. И даже если предположить, по мнению Кохена, что порты будут открыты, греки-киприоты могут поставить на повестку дня новые вопросы, связанные с признанием ТРСК [10].

Основная цель турецкой дипломатии, указывает Кохен, вновь вывести кипрскую проблему на рассмотрение ООН. Даже греческий эксперт (вышеупомянутый) Ф. Саввидис разделяет эту точку зрения.

Однако включение кипрского вопроса в повестку дня ООН пока осложнено некоторыми моментами. Во-первых, архитектор плана кипрского урегулирования, отдавший ему столько труда, Кофи Аннан больше не Генеральный секретарь ООН. И требуется время, чтобы его южнокорейский преемник вошел в данный процесс.

Во-вторых, греки-киприоты считают план Аннана «слабым». И таким образом, будет обсуждаться вопрос, на какой основе будут проводиться переговоры. Кроме того, Пападопулос в пику туркам-киприотам намерен «тянуть к себе план Аннана и получать все более компенсаций».

И в-третьих, процедуры в ООН проходят не всегда, как того ожидают. Так, доклад Аннана по Кипру, который должен был быть вынесен на обсуждение Совета Безопасности ООН, из-за противодействия Франции и России, так и не был обсужден. Хотя у греков-киприотов и нет права вето в ООН (как и в ЕС), они могут обеспечить поддержку других стран, обладающих таким вето [10].

Вместе с тем, когда Республика Кипр стала членом ЕС, стало ясно, что для Анкары процесс урегулирования кипрской проблемы будет вписываться уже в широкий контекст её отношений с Брюсселем.

В 11 ежегодном докладе Европейской комиссии, опубликованном 11 октября 2009 г., оценивается выполнение Анкарой своих обязательств по вступлению в Евросоюз. Здесь подчёркивается, что правительство Турции должно создать «приемлемый климат на переговорах» путём начала вывода войск с северной

части Кипра. Основная критика авторов доклада направлена на то, что Турция уже четвёртый год отказывается соблюдать положения дополнительного протокола о таможенном союзе с ЕС, в соответствии с которым обязалась открыть свои воздушные и морские порты для судов всех стран Евросоюза, включая Республику Кипр. В резолюции подчёркивается, что нежелание выполнять условия протокола в полном объеме «может иметь серьёзные последствия для переговоров о вступлении Турции в ЕС» [11].

В начале 2008 г. на Кипре произошли важные события, создавшие возможности для начала конструктивного диалога между общинами острова. 24 февраля президентом Республики Кипр был избран генеральный секретарь «Прогрессивной партии трудового народа Кипра» (АКЭЛ) Д. Христофиас. Его предшественник на посту президента Пападопулос, отличавшийся крайней неуступчивостью в отношении кипрского урегулирования, «плана Аннана», потерпел поражение ещё на первом туре голосования. Опытный политик Христофиас, отвечая на вопрос, почему именно с его именем связывается надежда на новые подходы к решению кипрского вопроса, дал следующий ответ: «Возглавляемая мною партия АКЭЛ всегда выступала за воссоединение острова и гармоничное сосуществование двух общин. Мы ни при каких обстоятельствах не принимали участия в кровавых столкновениях прошлых лет. Напротив, мы всегда разясняли, что интересы обеих общин требуют взаимопонимания и сотрудничества, а не шовинистских подходов низколобых националистов [12].

21 марта 2008 г. состоялась встреча Христофиаса и лидера турок-кипритов М. Талата, и, таким образом, после четырёхлетнего перерыва начались переговоры лидеров двух общин острова.

Всего с сентября 2008 г. по март 2010 г. было проведено 71 раунд переговоров. Процесс выработки общей составляющей шёл достаточно трудно, и основное расхождение заключалось в том, что Талат отстаивал идею равноправной федерации двух общин Кипра с единым суверенитетом, представительством и гражданством, а Христофиас выступал за Кипр как единое государство, исключая конфедерацию.

18 апреля 2010 г. в самопровозглашенной Турецкой Республике Северного Кипра были проведены президентские выбо-

ры, на которых победу одержал лидер «Партии национального единства» Д. Эроглу, занимавший пост премьер-министра. Набрав более половины голосов в первом туре, новый лидер турецко-кипрской общины, таким образом, опередил действующего президента ТРСК М. Талата, получившего менее 43 % голосов. Проигрыш Талата на этих выборах турецкие эксперты связывают с безрезультатными длительными переговорами с греческой общиной [13].

Д. Эроглу, в отличие от своего предшественника, предлагает решить кипрскую проблему путём создания двух отдельных независимых государств. Ранее в своих выступлениях он заявлял, что неурегулированность кипрской проблемы фактически является её решением. Однако вскоре после выборов Эроглу заявил, что «продолжит переговорный процесс Талата – Христофиаса» и что первым он не встанет из-за «стола» (имеется в виду, что он не прервёт этот процесс в одностороннем порядке). Однако он будет настаивать на новых положениях переговоров [14].

Реакция мировой общественности на результаты выборов в признанной только Анкарой ТРСК была неоднозначной. Так, в английском журнале «Экономист» указывалось, что с избранием Эроглу Кипрская проблема стала ещё более сложной. По мнению автора статьи, «ЕС и Греция могли бы оказать давление на администрацию южной части острова по вопросу урегулирования Кипрской проблемы. Однако приход к власти Д. Эроглу сделал эту задачу трудновыполнимой» [15].

Французская газета «Ле Монд» подчёркивала, что существует вероятность того, что переговорный процесс, начавшийся в 2008 г., не будет продолжен, и это отрицательно скажется на отношениях Турции с Евросоюзом [16].

В заявлении 22 апреля 2010 г. официального представителя МИД России А. Нестеренко в связи с выборами на Кипре указывается следующее: «Рассматриваем результаты голосования в турко-кипрской общине острова в качестве вотума доверия новому руководству общины». Нестеренко отметил, что пока непонятно, на каком основании новый турко-кипрский лидер будет строить свою переговорную стратегию с властями Республики Кипр. «Главное, чтобы она вписывалась в рамки, установленные соответствующими резолюциями Совета безопасно-

сти ООН по Кипру, и развивала договорённости, достигнутые ранее. Представитель МИД также выразил надежду, что действия нового лидера турко-кипрской общины будут способствовать скорейшему возобновлению переговорного процесса» [17].

Вместе с тем в приветственных посланиях президента Турции А. Гюля, министра иностранных дел Давутоглу, направленных Эроглу, подчеркивается необходимость «продолжения переговорного процесса и продолжения линии Талата» [14].

Влиятельный турецкий политолог С. Кохен указывает следующее: «Опытный политик Эроглу очень хорошо понимает, что, не получив поддержку Турции, невозможно предпринимать каких-либо коренных перемен. И, собственно, уже в качестве президента он подчеркнул, что будет проводить тесное сотрудничество «с родиной-матерью»» [14]. В целом российская позиция по кипрскому вопросу была сформулирована 31 января 2006 г. В. Путиным на пресс-конференции в Кремле, когда он дал развернутые ответы на многие вопросы российской политики. Раскрывая подход России к кипрской проблеме, российский президент сказал следующее: «Что касается нашей политики на кипрском направлении, она не изменилась. Но нам бы очень хотелось, чтобы наша политика была сбалансированной и чтобы все участники процесса: и Турецкая Республика, и северная часть Кипра, и Греция, и Кипрская республика — с доверием относились к тому, что делает Россия на международной арене в целом и по кипрскому урегулированию, в частности. Мы будем и дальше работать с Генеральным Секретарём ООН. Мы считаем, что только сами люди, проживающие на острове, могут определить свою собственную судьбу. И мы надеемся, что могут быть найдены приемлемые для севера и для юга Кипра компромиссы. Мы полагаем, что северная часть Кипра тоже демонстрирует — демонстрирует достаточно ясно — своё стремление к урегулированию. Это заслуживает поощрения» [18].

Таким образом, в кипрском вопросе, сложном не только своим внутривнутриполитическим, этно-культурным содержанием, но и сплетением разновекторных внешнеполитических интересов и цивилизационных различий вовлечённых в него сторон и государств, отразились глобальные международные столкновения XX в. На примере кипрского конфликта просматриваются новые культурно-цивилизационные проблемы, встающие на пути

интеграционных и миротворческих усилий, предпринимаемых международным сообществом.

Киприотам предстоит сложный путь для достижения единства их родины. Здесь не обойдётся без взаимных уступок, терпения и такта, прорыва на новый уровень политического мышления, выхода на новые рубежи политической практики.

Литература

1. Fuat Aksu, Kibrisorunu. URL: www.turkishgreek.org.
2. Республика Кипр. Справочник, Москва 1992 г.
3. URL: <http://www.trncpresidency.org>.
4. The status of the two peoples in Cyprus. Legal opinions. 2nd edition. Tyrkish Republic of Northern Cyprus Ministry of foreign affairs and defense, Public relations department.
5. Фонд стратегической культуры. 3.10.2005. URL: <http://fsk.rustrana.ru>
6. URL: <http://greek.ru>
7. Fuat Aksu, Kibris Konusundaki son gelismeler. URL: www.turkishgreek.org.
8. Milliyet, 05.12.2005.
9. Financial Times, 19.12.2006.
10. Milliyet, 20.12.2006.
11. URL: www.echo-az.com/zarubej/04_shtml.
12. Время новостей, 25.03.2008.
13. URL: www.usakqudem.com/yazar/1533_kktc'de_eroglu.html
14. Milliyet, 20.04.2010.
15. The Economist, 22.04.2010.
16. Bilgesam Bilge Adamlar, Stratejik Arastirmalar Merkezi. 22.04.2010.
17. URL: www.rian.ru/politics/201000422
18. URL: www.rian.ru/politics/2006003

МИХЕЕВА Н.М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЦИИ КАК РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ БОЛЬШОГО
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Республика Турция традиционно рассматривается как один из лидеров на Ближнем и Среднем Востоке. С появлением в 2000-е гг. американской концепции Большого Ближнего Востока ситуация принципиально не изменилась. Во взаимоотношениях со странами Кавказа, Центральной Азии и Северной Африки Турция довольно быстро заявила о своих лидирующих позициях, подкрепляя их традиционной риторикой о связующем звене между Западом и Востоком (только в расширенном масштабе). Изменения во внутривосточной жизни Турции, утверждение концепции неоосмизма подтолкнули Турцию в стремлении укрепить позиции лидера в регионе. На данный момент наблюдаются очевидные трансформации роли и положения Турции в регионе Большого Ближнего Востока, связанные как с причинами геополитического характера, так и со спецификой правящего режима в стране.

Трансформация геополитических сил в регионе Большого Ближнего Востока объясняется рядом причин, которые, на наш взгляд, можно разбить на две группы. К первой группе относятся причины, объясняющие повышенное внимание к ситуации в регионе внерегиональных государств. Ко второй — причины, связанные со стремлением ряда государств региона изменить свой геополитический статус.

К наиболее важным причинам первой группы относится нестабильная экономическая ситуация в экономике США и как следствие этого нестабильная геэкономическая ситуация в мире. Это предопределяет стремление США сохранить и укрепить

пить свои позиции в одном из ключевых регионах мира, применяя новые технологии вмешательства, в том числе и фактор дестабилизации региональной политической ситуации («арабская весна», военные перевороты и т.д.). К этой же группе причин относится возрастающее влияние энергетического фактора на приоритеты во взаимоотношениях как между ведущими мировыми экономическими лидерами (США, ЕС, Китай) и государствами региона, так и на систему взаимоотношений внутри региона. В-третьих, усиливающееся влияние Китая, всё более чётко заявляющего о стремлении к глобальному лидерству, где Большой Ближний Восток стоит на одном из первых мест. Китай не только развивает отношения с государствами Центральной Азии, занимает активную позицию в деятельности ШОС, но и стремится к дружественным и партнёрским отношениям с нефте- и газодобывающими государствами Ближнего Востока. В-четвертых, это стремление России возратить утраченные в 1990–2000 гг. внешнеполитические позиции в регионе Ближнего и Среднего Востока и безапелляционная российская позиция по сохранению лидерства в отношениях с постсоветскими странами Центральной Азии.

Ко второй группе причин, связанных с внутрирегиональными системами взаимоотношений, относится довольно большое количество причин-факторов. В свете оценки лидерских позиций Турции в регионе хотелось бы остановиться на наиболее важных. Выделим ведущие из них. Во-первых, революционные и мало прогнозируемые изменения политических режимов в ряде стран региона (Египет, Ливия, Тунис), которые принципиально изменили политическую расстановку сил в регионе. Во-вторых, стремление государств Центральной Азии, испытывающих повышенное внимание со стороны стран ЕС, Китая, США сформировать более выгодную для себя систему внешнеэкономических и политических отношений в регионе, тем самым снизив степень зависимости от России как в экономическом, так и политическом плане. В-третьих, стремление Турции в рамках «доктрины нулевых проблем» с соседними странами занять более самостоятельную позицию в регионе, независимо строить взаимоотношения с внерегиональными лидерами. В-четвертых, это традиционный геоэкономический фактор, связанный с поставками углеводородов в Европу, Китай, США, Турцию.

В последнее время к списку традиционных импортеров нефти и газа (государства Персидского залива, республики Центральной Азии, Азербайджан) прибавились новые игроки (Израиль). Нестабильная внутривнутриполитическая ситуация у традиционных поставщиков (Египет, Ливия) требует пересмотра прежде всего европейскими странами приоритетов в закупках углеводородов. При этом традиционные факторы, влияющие на систему отношений в регионе, такие как арабо-израильский конфликт, иранская ядерная программа, курдский вопрос, борьба за лидерство в регионе Турции, Саудовской Аравии, не утратили своего влияния и зачастую используются в интересах как региональных, так и внерегиональных акторов. Хотелось бы ещё отметить, что значимым фактором, влияющим на развитие отношений в регионе на данный момент является ситуация вокруг Сирии, которая показывает, что в современной системе взаимоотношений в регионе есть реальные возможности для противостояния политики государств Запада и игре на интересах между ними, Россией и Китаем, что в итоге позволяет сохранить суверенитет государства. Хотя на данный момент довольно сложно предсказать, на сколько долго удастся режиму Б. Асада сохранять достигнутый «статус-кво», а в дальнейшем развивать ситуацию в положительном ключе. Последние изменения, связанные с ситуацией на Украине, вхождение Крыма в состав России, безусловно, повлияют на изменения в системе взаимоотношений в регионе Большого Ближнего Востока.

В последние десятилетия внешнеполитический курс Республики Турция претерпел очевидные изменения. Традиционно Турция воспринималась как в региональных, так и глобальных системах международных отношений как своеобразный «мост между Западом и Востоком». Для Запада — это, прежде всего, верный союзник в мире ислама. Для арабских государств Турция — это государство, преемник Османской империи, способное на равных разговаривать с немусульманскими силами. Начало нового века стало поворотным моментом в развитии Турции, что, безусловно, нашло отражение в изменении приоритетов её внешнеполитического развития. Значительные экономические успехи экономики Турции в последние десятилетия, позволили говорить руководителям страны о возможном превращении её к 2023 г. в ведущую мировую экономику [1]. Трансформации в

жизни страны, связанные с приходом к власти исламской «Партии справедливости и развития», выразились, прежде всего, в стремлении правящей элиты страны определить более самостоятельный путь развития, в необходимости поиска новой концепции внешней политики. Расширение сфер влияния стало одним из её основополагающих принципов.

Концепция «стратегической глубины», базирующейся на идеи возрождения великой Османской империи – неоосмизма стала основой для активизации самостоятельной внешней политике Турции в начале XXI в. [4]. При этом приоритет в развитии отношений делается не на страны Запада, он основывается на многовекторном подходе к развитию отношений. Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу, являющийся собственнно идеологом этой концепции, традиционно отмечает, что проводимая страной внешняя политика, традиционно делавшая ставку на США, ЕС и НАТО при игнорировании других возможных вариантов, неоднократно приводила к ситуации, когда страна пред лицом возникающих внешнеполитических проблем и угроз оказывалась на мировой арене в одиночестве [1]. Турции приходится наверстывать упущенное, ища новые центры силы в Азии. Одними из приоритетов данной концепции является стремление к сокращению проблем во взаимоотношениях с непосредственными соседями («ноль проблем с соседями») и многовекторность в развитии отношений с внерегиональными акторами. В первое десятилетие века данный подход дал явные положительные результаты. Глава Центра стратегических исследований при МИД Турции профессор Бюлент Арас (Bülent Aras) считает, что возможно выделить три структурные сферы внешней политики Турции. Первая – это государства – непосредственные ближневосточные соседи; вторая – соседние с Турцией регионы, такие как Кавказ, Центральная Азия, Ближний Восток, Балканы; третий – дальнее зарубежье, включающее как традиционных и наиболее влиятельных игроков: США, ЕС, Россию, – так и относительно новых: Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия [3]. Во всех сферах у Турции в 2000-е гг. были явные положительные подвиги. Стабилизировались отношения Турции практически со всеми соседними государствами, даже наметились улучшения в отношениях с Арменией. Так, в 2009 г. с Арменией были подписаны «Протокол

об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений». Хотя они не были ратифицированы – это значительный шаг вперед [2]. В этот период активно развивались отношения с режимом Х. Муракара, позже смещённого с политической арены. Многие исследователи отмечают, что в ряде стран Ближнего Востока повышение активности правительства Т. Эрдогана было воспринято положительно, а акцент на исламские ценности не воспринимался в штыки. Так, в 2010 г. премьер-министр Ливана С. Харири во время дружественного визита в страну публично обратился Р. Эрдогану с призывом помочь ливанским политикам и партиям преодолеть взаимные разногласия» и предпринять усилия для налаживания «прочного регионально-единоверного сотрудничества». В это же время Турция сделала значимые шаги по развитию контактов с арабскими странами: были отменены визовые режимы с Сирией, Иорданией, Ливаном, Ливией, Тунисом, Марокко. СМИ сразу же окрестили это проектом по созданию «ближневосточного регионального “Шенгена”». Довольно активно развивалось гуманитарное сотрудничество с тюркоязычными общинами Центральной Азии, активно открывались посольства Турции в Африке (это 25 посольств на континенте). Несмотря на стремление к большей самостоятельности внешнеполитического курса правительства, Т. Эрдоган поддерживал высокий уровень отношений с США. Хоть идея евроинтеграции в отношениях с Европой отошла на второй план, становясь все менее популярной в турецком обществе, характер дружественных отношений сохранился. С Россией наметился явно позитивный сдвиг не только в торгово-экономических отношениях, но и в схожести общеполитической риторики по ряду проблем мирового развития. Именно в 2000-х гг. появилось соглашение между Китаем и Турцией о поддержании международного мира и стабильности и обеспечении устойчивого экономического развития в мире. «Турция – страна-центр» как подход к внешней политике воспринимался в академических и политических кругах Китая положительно, как политика, «обращенная к Востоку (к Азии)» [6]. В октябре 2010 г. было объявлено о желании обеих сторон вести турецко-китайские отношения до уровня стратегического партнёрства; были достигнуты соглашения о переходе в двусторонней торговле не в долларах, а в национальной валюте.

При этом Китай стал третьей страной (после России и Ирана), с которой было заключено подобное соглашение

Начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось ухудшением отношений Турции с соседями по региону. В рамках самостоятельной внешней политики Турция за последние годы значительно испортила отношения с традиционным своим союзником в регионе — Израилем. Поддержка палестинского ХАМАС, инцидент с турецким судном при прорыве израильской блокады в мае 2010 г. значительно охладил отношения между странами. Ряд исследователей считают это не слишком удачной и необдуманной попыткой самоутверждения Турции.

Изменения ситуации на Ближнем Востоке в 2010-е гг., прежде всего так называемая «арабская весна», стали переломным моментом для внешней политике Турции. Бурное и неоднозначное развитие событий в странах, которых захлестнули революции — Ливия, Египет, Тунис, — приведшие к свержению режимов, хорошо знакомых и в целом дружественных Анкаре, создали ситуацию. В тоже время у неоосманистов появилась реальная возможность не только проявить свою традиционную евроатлантическую приверженность, поддержав политику НАТО и США, но и использовать ситуацию в своих интересах. За короткий период времени турецкие лидеры радикально поменяли своё отношение к некоторым бывшим союзникам, отвернувшись от давнего союзника Х. Мубаракка; поддержав оппозиционные силы, свергнувшие М. Каддафи. Сделав ставку на поддержку «Братья Мусульман» в Египте, власти Турции явно просчитались. Военный переворот, сместивший президента Мухаммеда Мурси в 2013г., практически перечеркнул все расчёты Анкары на использование последствий арабской весны в собственных интересах. При этом между государствами возник ряд претензий по неконституционному свержению правительства (со стороны Турции), вмешательству во внутренние дела (со стороны Египта), которые явно негативно отразились на взаимоотношениях государств. При этом, не поддержав переворот в Египте, Анкара явно испортила отношения и с Саудовской Аравией, а с этим государством у неё сложные и значимые отношения в энергетической сфере. По мнению турецких экспертов, это один из наиболее весомых ударов по внешнеполитическим позициям страны. Вторым, более значимым ударом для турецкого руководства

была трансформация «Братьев мусульман» в Сирии в боевую региональную ячейку «Аль-Каеды». Постепенно Турция фактически утратила контроль над ситуацией в приграничных районах. Президент Турции Абдуллах Гюль ещё осенью 2013 г. заявил, что «действующие в Сирии экстремистские группировки стали источником большого беспокойства для наших сил безопасности», потому что «мы, к сожалению, не в состоянии полностью блокировать границу и препятствовать их проникновению на нашу территорию, несмотря на все усилия» [5, с. 159–162]. Главное же в данной ситуации, что процесс урегулирования проблем по Сирии прошёл фактически без участия турецких властей, традиционных посредников. Жёсткая позиция России и Китая, понимание США о невозможности эскалации конфликта привели стороны к столу переговоров. Турция осталась за бортом этих процессов, что сильно ударило по её репутации основного переговорщика в ближневосточном регионе, так и по статусу представителя Запада в мусульманском мире.

Хотелось бы обратить внимание на энергетический фактор, который традиционно в отношении Турции рассматривается как фактор усиления влияния государства в регионе по вполне объективным причинам. Во-первых, экономика Турции растёт довольно большими темпами даже для современной экономической ситуации, степень же энергозависимости её довольно высока, 90 %. При этом Турция является своеобразным транзитным мостом для энергоресурсов из Центральной Азии и Персидского залива в страны Европы, хотя и далеко не единственным. На протяжении нескольких десятилетий правительство Турции прилагает немалые усилия по увеличению своих транзитных возможностей. Совместные турецко-европейские проекты позволили запустить нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, Южно-Кавказский газопровод; ожидает реализации проект Набуко и ряд других, которые наглядно свидетельствуют о возможности Турции претендовать на лидирующие позиции в нефтегазовом транзите. Заинтересованность Туркмении, Казахстана, Азербайджана в развитии энергетического сотрудничества с Европой, потенциальные возможности и определённая заинтересованность нефтедобывающих государств Персидского залива явно способствуют этому. Перспективы лидерства Турции в этой сфере отношений очевидны.

В тоже время ряд экспертов отмечает, что за последние годы и в этом направлении у Турции наметился ряд проблем с традиционными ближневосточными партнёрами. Причины их связывают с излишне амбициозной внешней политикой кабинета Т. Эрдогана. Наиболее очевидные изменения в отношениях с Ираком и в энергостратегическом треугольнике Саудовская Аравия — Катар — Турция. Расхождение позиций Анкары и Багдада по ситуации в Сирии значительно осложнили турецко-иракские отношения. Багдад не принимает вмешательство Турции в дела Сирии. На этом фоне турецкие власти стремятся к активным непосредственным политическим и экономическим контактам с Курдским автономным округом в Ираке. Основная цель этих контактов — ускорение поставок нефти и газа на территорию Турции, в обход центральных властей (это быстрее и дешевле — утверждают эксперты). На фоне значительного ухудшения отношений с Саудовской Аравией по ряду внешнеполитических вопросов, упомянутых выше, Анкара сделала ставку на развитие отношений с Катаром в газовом секторе. Это бумерангом отразилось на ухудшении отношений с Б. Асадом, который является союзником шиитского Ирана, вследствие чего раздражает суннитских монархов Персидского залива. За сравнительно короткий срок правящие круги Турции испортили отношения с бывшими союзниками (Израиль, Ирак, Ливия, Сирия, Египет), в тоже время надёжных союзников в регионе не приобрели (Катар вряд ли можно считать таковым). Приходится признать, что кардинальные изменения геополитической ситуации на традиционном Ближнем Востоке и в Северной Африке не позволяют правящим кругам Турции реализовать значимую часть новой внешнеполитической концепции — «ноль проблем с соседями». Руководство страны допустило ряд просчётов, которые негативно отразились на статусе Турции в регионе. На данный момент для развития сотрудничества Арабский Восток для Турции практически закрыт. Страна теряет ряд позиций лидера в регионе. В сложившейся ситуации ей просто необходимо укреплять свои позиции по другим направлениям. Во-первых, это возвращение к углубленному сотрудничеству с Западом. Возможно это и повышение интереса к вступлению Турции в Евросоюз. Во-вторых, развитие и углубление отношений со странами Центральной Азии и даже Китаем позволят

стране укрепить свои позиции в регионе Большого Ближнего Востока. Есть ещё один аспект, который не рассматривается в данной статье, но имеет большое значение, — это усиление авторитарности правящего режима Турции, который связывают в первую очередь с личностью Т. Эрдогана. Потенциально это может стать причиной излишнего внимания западных стран к внутривнутриполитической ситуации в стране, возможно даже предупредить их желание непосредственного влияния на неё.

Хотелось бы отметить, что присоединение Крыма к России и политическая ситуация на Украине потенциально представляют Турции возможности укрепить статус лидера в регионе. Тем более что последние годы Турция значительно укрепила как политические, так и торгово-экономические отношения с Украиной, но это было ещё до государственного переворота. Современная ситуация создаёт широкие возможности Турции для формирования новой системы взаимоотношений с Украиной — государством, не входящим в границы Большого Ближнего Востока, но играющим значимую роль в отношениях с ЕС, Россией и являющимся крупным транзитным коридором в Евразии.

Литература

1. К 2023 г. Турция войдет в десятку ведущих мировых экономик // MEAST. RU: Санкт-Петербургский центр изучения современного Ближнего Востока. URL: <http://www.meast.ru/news/k-2023-g-turtsiya-voidet-v-desyatku-vedushchikh-mirovykh-ekonomik> (дата обращения: 21.03.2014).
2. Подписание протоколов о нормализации отношений Турции и Армении // РИА Новости. URL: http://ria.ru/trend/Turkey_Armenia_10102009/ (дата обращения: 22.03.2014).
3. *Рукомеда Р.* Внешняя политика Турции: взгляд изнутри. URL: <http://www.unian.net/common/825493-vneshnyaya-politika-turtsii-vzglyad-iznutri.html> (дата обращения: 22.03.2014).
4. *Стародубцев И.И.* Трансформирующаяся Турция. — М.: ИБВ; МГИМО, 2011.
5. *Тарасов С.* Большой Ближний Восток: начало новой «игры» — эпицентр потрясений перемещается в Иран и на Кавказ // Информационное агентство REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/41575.html> (дата обращения: 22.03.2014).
6. *Чолаколу С.* Как китайцы относятся к Турции (USAК, Турция). URL: <http://inosmi.ru/world/20120912/199018688.html>

МКРТЫЧЯН А.А.

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Прежде всего, выражаю благодарность организаторам настоящей конференции, поскольку тема Турции всегда сохраняет свою научную и политическую актуальность с учетом ее важного стратегического положения и той роли, которую исполняет данное государство на Ближнем и Среднем Востоке, а также в других прилегающих к ним регионах.

Научно-практическое осмысление внешнеполитической стратегии Турции, на мой взгляд, является актуальным направлением развития прикладных исследований в сфере международных отношений, политологии и обеспечения национальной безопасности. Актуальность рассматриваемой темы подтверждается практикой активизации турецкой геополитики в стратегически значимых регионах Ближнего Востока, Балканского полуострова, Крыма, Кавказа и Центральной Азии на рубеже XX–XXI вв.

В последние годы Турция выдвинулась на передовые роли в мировой и региональной политике. Роль Анкары в международных делах стала неуклонно возрастать в связи с системными геополитическими изменениями в системе международных отношений. В частности, с распадом (точнее развалом) СССР и Югославии, расширением НАТО в акватории Черного моря, активизацией ближневосточной стратегии США, событиями «арабской весны» и сменой правящих режимов в соседних с Турцией государствах, эскалацией военной напряженности в Сирии, стратегией новой транспортно-энергетической политики Запада на юго-восточном направлении постсоветского пространства и т.д.

Турция подключилась к действиям Вашингтона по военному окружению Ирана, позволив американцам разместить на своей территории РЛС, входящую в систему противоракетной обороны (ПРО) США и НАТО. С началом же «арабской весны» Анкара присоединилась к западным усилиям по смене режимов в странах Северной Африки и Ближнего Востока. При этом Турция старается проводить многоуровневую внешнюю политику с учетом региональных особенностей, исторических и национальных традиций.

Естественно, внешняя политика любого государства есть концентрированное выражение внутренней политики, поскольку на определение внешнеполитических интересов и приоритетов прямо пропорционально влияют такие факторы, как состояние экономики и вооруженных сил, национальная культура и политическая история, демографическая политика и география государства, внутренние природно-сырьевые и транзитные возможности, уровень развитости образования и науки.

Сегодня мы становимся свидетелями стремительных перемен во внутривнутриполитической жизни Турции, что связано с политикой правящей Партии справедливости и развития (ПСР) по трансформации политической системы государства от парламентско-президентского управления к президентско-парламентскому.

Некоторые эксперты полагают, что в данном вопросе Р.Т. Эрдоган фактически подвергает исторической переоценке один из шести фундаментальных принципов («стрел») кемализма — республиканизм. Мне же представляется, что политика кемализма не есть догма и с развитием турецкой государственности она подвергается эволюции. Что же касается принципа республиканизма, то в данном случае Эрдоган никак не посягает на кемализм, поскольку и парламентская и президентская системы управления всего лишь разновидности форм республиканизма. Не создает же Эрдоган и его партия новую турецкую монархию.

В 1920–1930-х гг. при Атаатюрке власть парламента — ВНСТ была властью однопартийной системы, то есть лишь Народно-республиканская партия (НРП) управляла государством при лидерстве самого Атаатюрка. Но с тех пор многое изменилось и в мире, и в самой Турции. В послевоенный период Турция под давлением западных стран (прежде всего, США и Великобри-

тании) вынуждена была пойти на модернизацию политической системы и отказаться от однопартийной системы в пользу демократической многопартийной модели. Этот процесс демократизации политической системы, с одной стороны, фактически был условием приема Турции в только созданный НАТО (фактически после смены власти и ее перехода от НРП к Демократической партии), с другой же стороны, данная трансформация позволяла тем же США более эффективно контролировать политическую элиту и режим в Турции с целью исключения каких-либо отклонений Анкары от американского вектора.

Развитие политической демократии в Турции на протяжении второй половины XX в. показало, что, как правило, раз в 10 лет в Турции обострялся внутривнутриполитический кризис, связанный со сменой власти и правящей партии. Военные государственные перевороты в 1960, 1971 и 1980 гг. демонстрировали раскол в политическом обществе Турции, сложный процесс смены власти, когда одна политическая партия должна была уступить власть другой. В странах с неразвитой демократией, где нет устоявшихся традиций цивилизованной смены правящей элиты, как правило, происходит политический кризис. Вместе с тем в Турции достаточно высока роль и ответственность Генерального штаба, то есть военных в плане контроля светских устоев общества и безальтернативного следования курсу США и НАТО. И всякий раз в XX в., когда внутренний кризис в Турции переходил рамки дозволенного, Запад поддерживал усилия военной элиты по смещению неугодного руководства, проведению необходимых репрессий в отношении радикальных группировок, роспуску парламента на год, обеспечению стабильности и восстановлению прав института парламента.

В 1996 г., в связи с победой на очередных парламентских выборах и приходом к власти исламистского блока Рефах во главе с Неджаметтином Эрбаканом, США не решились на очередной военный переворот. Но спустя год, в 1997 г., Эрбакан вынужден был уйти с поста премьер-министра, а его дело продолжил Р. Эрдоган. Создав ПСР, через пять лет он пришел к власти.

Можно долго обсуждать тему — насколько самостоятельна Турция в своей внешней и внутренней политике от диктата США, приводить пример блестящего турецкого политика и технократа Тургутта Озала, который старался снизить роль военных

в политической жизни Турции, ориентировался на исламский и тюркский мир, но в конечном итоге безвременно ушел из жизни.

Естественно, Турция есть самостоятельное суверенное государство, которому, может, кто и завидует в мире. Турция занимает выгодное стратегическое положение на Ближнем и Среднем Востоке, на стыке Европы и Азии, в акватории Черного, Средиземного, Эгейского и Мраморного морей, контролирует Черноморские проливы. Турция – это страна с преуспевающей экономикой. Турция – это 77 млн населения. Турция – это мощные вооруженные силы в системе НАТО. Турция – это страна с богатейшим имперским прошлым и, возможно, с не менее заманчивым будущим. Турция – это главная страна тюркского мира. Все это так.

Однако верно и другое, что в условиях взаимозависимого мира Турция не может не быть зависимой от ряда обстоятельств международной жизни. В частности, стратегическая безопасность и современные границы Турции во многом базируются на союзе с англосаксонским миром во главе с США. Без системной американской помощи и европейской поддержки (при попустительстве Израиля и влиятельного еврейского лобби) Турция может быть подвержена системным геополитическим трансформациям, более глубокому экономическому кризису, краху технологической модернизации производства и в конечном итоге превратится в маргинального субъекта ближневосточной региональной мозаики. Достаточно показательно, что в годы «холодной войны» те же США в качестве помощи выделили Турции порядка 7 млрд долл. на военные расходы и лишь чуть более 4 млрд долл. на развитие экономики.

В этих условиях «независимый от США» дрейф Турции достаточно динамично просчитывается в Вашингтоне и Анкаре, быть может, не исключается некая американо-турецкая договоренность «независимого позиционирования» Анкары в делах исламского и тюркского мира, представляющегося как некая модель светского государства с умеренным исламом. В конечном итоге ни одно ведущее государство мира не желает появления аналогичного конкурента – сильный старается управлять более слабыми по отношению к нему субъектами. Политика «разделяй и властвуй», как показывает далекая и относительно близкая история, не теряет своей актуальности и остроты даже,

увы, в условиях XXI в., века информационного общества и глобализации.

Можно ли в этой связи утверждать, что Турция обречена быть зависимой от США и далее? Несомненно, Турция и ее политика во многом коррелируются США, будет и далее учитывать американский фактор в своей стратегии. Но верно и то, что в условиях формирования многополюсного мира, где помимо США появляются и другие центры силы, Турция будет стремиться к определенной самостоятельности, заигрывать с другими внешними акторами, дабы укрепить собственное влияние и силу с учетом глобальной и региональной конъюнктуры. Дело в том, что сегодня, помимо США и Европы, Турция не может рассматривать, скажем, Китай и Россию в качестве своих стратегических союзников, не говоря о теократическом Иране. В этих условиях Турция постепенно будет стараться реализовать собственную доктрину возрождения глобального турецкого полюса со ставкой на тюркский и постосманский мир.

Поэтому победа партии Эрдогана на местных выборах в марте 2014 г. в преддверии августовских всеобщих, тайных и прямых президентских выборов 2014 г., а также в условиях политического расхождения с «джамаатом» Феттулаха Гюлена есть новая победа турецкой самостоятельности. Будущий президент Турции от ПСР (скорее всего, Эрдоган, чем Гюль) получает 44 % поддержки местных властей, а при коалиции с националистами из ПНД, получившими 18 %, эта поддержка становится безоговорочной и придает новому лидеру больше возможностей на более решительную и независимую политику.

Анализируя внешнеполитические стратегические императивы современной Турции на рубеже XX–XXI вв., можно утверждать, что независимо от партийной принадлежности турецкие государственные руководители данного времени проводили последовательную политику, при этом совершенствовали идеологический концепт внешней доктрины, логично связывая их друг с другом. В частности, и Тургут Озал, и Сулейман Демирель, и Неджаметтин Эрбакан, и Реджеп Эрдоган, естественно, выступали за сильную Турцию, за «золотой век Турции и тюрков», за турецкий глобализм в XXI в.

Если в 1990-х гг. Турция претендовала на роль регионально-го государства, то в 2000-х гг. этот статус в понимании турецких

политиков повышался до уровня регионального лидера, а сейчас и вовсе турки мечтают о возрождении былого имперского могущества. И это естественно, поскольку всего лишь чуть менее века назад Турция являлась имперской страной, в политическом сознании современной турецкой национальной элиты сохраняются традиции имперского мышления.

Стратегия «турецкого глобализма». Во внешнеполитической стратегии Турции на Ближнем Востоке, Балканах и постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв. можно выделить новую концепцию «турецкого глобализма». Основная идея данной концептуальной политики сводится к созданию *«турецкого глобального государства»* с элементами Запада и Востока, а также с опорой на «тюркский мир» (политика **неопантюркизма**), то есть на тюркоязычные страны и народы постсоветского пространства, и бывший «османский мир» (политика **неосманизма**), то есть на страны и народы, которые ранее входили в состав или политическую орбиту влияния бывшей Османской империи, правопреемником которой выступает современная Турция.

Их суть достаточно четко отражается в выступлениях прежних и нынешних руководителей Турции. Так, бывшие президенты Турции Тургут Озал и Сулейман Демирель называли XXI в. «золотым веком тюрков», что распад СССР предоставил тюркам мира исторический шанс для объединения и формирования турецкого фактора международной политики, «турецкого глобального государства».

Основным разработчиком доктрины «турецкого глобализма» принято считать бывшего главу внешнеполитического ведомства Турции Исмаила Джема. Он обосновал стратегию «турецкого глобализма» как государства Запада и Востока, интегрирующего тюркские народы в мощный экономический и политический союз.

Так, 19 июня 1997 г. в своей программной речи И. Джем заявил, что целью Анкары является превращение Турции в «глобальное государство» в XXI в., при этом Турция должна заниматься не выбором между Европой и Азией, а будучи евразийской страной, она может стать «некой моделью» для других государств мира, прежде всего для тюркоязычных республик СНГ. «Глобальное государство, — как заявил министр И. Джем, — это... Турция, которая развивает дружественные отношения с

регионами, имеющими с ней общую историю и культуру... Турция, которая станет центром притяжения благодаря своей аккумуляции истории, культурному богатству, демократии, экономике и модернизму» [1].

Иными словами, в концепции «турецкого глобализма» Исмаила Джема просматриваются элементы неопантюркизма и неосманизма, то есть распространение влияния и широкая интеграция Турции как с тюркоязычными странами и народами мира, так и теми странами и народами, которые ранее входили в состав или под влияние Османской империи, отсюда идея «общей истории и культуры».

В 2000-х гг. политика неосманизма применительно к стратегически важным регионам Балкан, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Крыма была развита в теоретических трудах и политической платформе нынешнего министра иностранных дел Турции Ахмеда Давутоглу и правящей ПСР.

Политика неопантюркизма. Сторонники пантюркизма (в том числе, и в России) нередко отмечают, что пантюркизм не представляет никакой политической угрозы и культурной ущербности для новой демократической России. Пантюркизм, по их мнению, это всего лишь объективная культурно-языковая тяга и близость этнически и духовно родственных к анатолийским туркам и Турции тюркоязычных народов мира и России (СНГ), в частности. Дело доходит до смешного: пантюркизм действительно был угрозой для имперской и советской России, а вот для современной демократической России нет никакой угрозы.

Другие же скептики успехов пантюркистской стратегии Турции почему-то соизмеряют удачи и провалы данной доктрины финансовыми показателями. Мол, пантюркизм оказался не приемлемым для тюркоязычных государств Центральной Азии и Азербайджана, годовые показатели инвестиционных проектов и экономической помощи Турции данным странам существенно сократились, по сравнению с 1990-ми и 2000-ми гг. Например, по сравнению с ростом торгового оборота и российских инвестиций в экономику тюркоязычных стран СНГ или же ростом турецких инвестиций и торгового оборота со странами Арабского Востока. Данная версия дополняется наличием сложных межтюркских противоречий на уровне политических лидеров (типа Турция и Узбекистан), нежеланием местных элит постсо-

ветских государств терять независимость и попадать под власть старшего турецкого брата.

Однако подобные экспертные оценки почему-то не учитывают то обстоятельство, что Турция и анатолийские турки — прежде всего родственный народ для Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана. В 1990-х гг. Турцией предпринята была эффективная деятельность по формированию основ духовной и культурной (включая языковой, образовательной, гуманитарной) интеграции на тюркском пространстве при лидирующем участии Турции как государства, анатолийского диалекта тюркского языка как языка межтюркского общения, турецкой истории и литературы, турецкой графики латиницы. За минувшие годы Турция обучила и воспитала новое поколение тюркских политиков, рассматривающих Турцию в качестве братской и дружественной страны. Турция инвестировала либо соинвестировала вместе с западным капиталом немало важных проектов в экономику новообразованных тюркских государств. Выстраивается маршрут нового «шелкового пути» не в Китай и Индию, а из Европы, через Турцию, Кавказ — в Туркестан, то есть Центральную Азию. А это не просто тропа для вьючного и гужевого транспорта, а сеть современных транспортных коммуникаций протяженностью до 3 тыс. км (включая шоссейных и железных дорог, морских и речных переправ, энергетических трубопроводов). И этот путь есть стратегия будущего, сочетающегося с признаками политики неопантюркизма, которая закладывается на долгосрочную перспективу. Что же касается денежных вливаний Турции, то следует согласиться, что современная Турция не обладает большими финансовыми и экономическими возможностями, не может стать донором для всех новообразований. Но вопрос не в том, кто и сколько дал, Турция сама заинтересована в материальных богатствах Азербайджана и республик Центральной Азии. Вопрос в том, что Турция выступает инициатором, модератором и координатором межтюркской интеграции; Турция оказывает активную помощь своим братьям в военном строительстве и обладает самой сильной армией и спецслужбами, по сравнению с новыми тюркскими государствами СНГ; Турция регулярно проводит общетюркские саммиты (курултаи), выработывает повестку этих форумов, инициирует новые органы

межтюркской интеграции экономического, финансового, военного, специального и политического характера.

Промежуточным итогом такой стратегии стало образование в 2009 г. на общетюркском саммите в Нахичевани Совета сотрудничества тюркских государств. На первом саммите данного Совета в Алмате в 2010 г. по инициативе президента Казахстана Н. Назарбаева созданы Тюркская парламентская ассамблея и Тюркская академия, целью последнего органа является научное изучение общности этнических, языковых, культурных и исторических связей тюркских народов, а также развитие новых проектов и программ общетюркского характера.

Следует признать, что несмотря на рост российских инвестиций в экономику и социальную сферу тюркских стран СНГ в течение 2000-х гг. (по сравнению с турецкими), все же количество русских общин и уровень русского языка и культуры в данных независимых государствах значительно сокращается при условии роста турецкого языкового и культурного влияния.

Пантюркизм включает в себя внутреннюю и внешнюю политику Турции, которая нацелена на создание мощного, моноэтнического и базового турецкого государства, откуда начнется реализация масштабной стратегии по интеграции тюркских и туранских народов под властью Турции и против интересов ведущих государств Евразии — России, Ирана и Китая. В этом и заключается сущность пантюркизма, в этом и его потенциальная опасность для интересов России, как равно и ее партнеров.

В XX в. происходила эволюция пантюркизма с учетом конъюнктуры международных глобальных и региональных отношений, соотношения сил и возможностей Турции, укрепления или ослабления российского государства, а также развития турецкого государства и турецкой политической мысли. Но неизменным оставалась сама сущность пантюркизма. Распад Советского Союза и появление новых независимых тюркоязычных государств — при условии системного ослабления России — привнес новое оживление во внешней политике Турции и в мировом пантюркистском движении. Исчезновение с политической карты СССР означает, что вновь существует «цепь тюркских государств от Босфора до Бухары».

За долгие годы турецко-греческого противостояния Турция смогла лишь оккупировать северную часть Кипра и провозгла-

сильно там Турецкую Республику — Северный Кипр. Других относительных успехов турецкие радикалы не смогли добиться, в том числе они не стали главной причиной провозглашения независимости пяти тюркских государств постсоветского пространства.

Тем не менее Турция с 1990-х гг. стала проводить активную политику на Кавказе, в Крыму, Центральной Азии и России. Анкара реанимировала и модернизировала идеологию и политику неопантюркизма, нацеленную на обеспечение внешнеполитических интересов современной Турции, превращение ее в крупную региональную державу с особой ролью в странах тюркского мира.

Пантюркизм, корни которого уходят в период разрушения Османской империи и формирования новой турецкой нации, всегда рассматривается как мощный и непреходящий политический ресурс во внешней политике Турции, и, независимо от неудач и успехов в этом направлении, доктрина пантюркизма будет сохранять свою политическую актуальность. Пока эта политика Анкары характеризуется «синусоидными» процессами или «волнами», которые возникают под воздействием внутренних и внешних факторов. В Анкаре поняли, что «штурмовые» способы утверждения позиций Турции в Евразии не работают и предпочитают последовательное усиление своего политического и экономического присутствия.

Пантюркизм давно перешел рамки секуляристской доктрины и подвергается новизне и модернизации. При этом под модернизацией или обновлением пантюркизма понимаются не только некие новации в геополитических взглядах, а в синтезе этой доктрины и ислама в сочетании с социальными лозунгами.

Нынешний премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган прямо заявил: «Я выступаю с инициативой создания Содружества тюркоязычных государств, которое подготовит условия для их экономической интеграции и позволит им выступать на международной арене с единой позиции. История предоставляет нам уникальный шанс для объединения усилий наших стран, имеющих общие культуру и исторические корни. Население региона не может позволить себе такой роскоши — просто сидеть и ждать, наблюдая за событиями на мировой арене... Либо мы станем субъектом мировой политики, либо объектом» [2].

Официальный орган «Всероссийского азербайджанского конгресса» — газета «Азербайджанский конгресс», касаясь характеристики цветов азербайджанского флага, отмечает, что «голубой цвет символизирует тюркизм», «синий — или, точнее, голубой — всегда (включая и советское время) отражал осознание азербайджанцами своей общности с другими тюркскими народами», «именно голубой флаг стал в этом году официальным флагом Совета сотрудничества тюркоязычных государств» [3].

Иными словами, и в советские годы Азербайджан продолжал осознавать свою политическую связь с Турцией и идеологией тюркизма — пантюркизма.

Неопантюркизм сегодня пытается учесть ошибки и неудачи прошлых десятилетий и современные особенности международных отношений. Модернизм пантюркизма заключается в том, что Турция, стратегически ориентируясь на тюркский мир, пытается возвысить собственный статус региональной державы, воспользоваться слабостью России и изоляционизмом соседнего Ирана для расширения собственного влияния на стратегически важные и богатейшие регионы Кавказа и Центральной Азии.

Неопантюркизм сегодня — это максимум прагматизма для экономики и энергетики Турции, получение доступа к сырьевым ресурсам дружественных Азербайджана и республик Центральной Азии, превращение территории Турции в стратегический транзит по вывозу энергетических ресурсов (нефти и газа) Каспийского бассейна в обход России на Запад. Обострение украино-российских отношений и давление США на страны ЕС по вопросу экономических санкций против России могут стимулировать помощь стран Запада Турции в плане реализации новых трансграничных нефтегазовых трубопроводных проектов (например, газопровода «Набукко»).

Неопантюркизм сегодня — это многоступенчатая и эшелонированная программа обеспечения системной интеграции Турции и тюркских стран СНГ (в том числе, тюркских народов России) в области языка, культуры и образования с опорой на турецкий алфавит, язык, историю, литературу и культуру.

Неопантюркизм сегодня — это активная дипломатическая деятельность Анкары по обеспечению интересов дружественных тюркоязычных стран и народов СНГ в отношениях с Западом,

в случае конфликтных ситуаций (например, армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха), содействие исламской консолидации с горцами Северного Кавказа.

Неопантюркизм сегодня – это формирование интегрированных общетюркских государственных и негосударственных институтов (типа Совета сотрудничества тюркских государств, Тюркской парламентской ассамблеи, Тюркской академии, Тюркского Интерпола или Конференции по сотрудничеству спецслужб тюркских государств, международной пантюркистской организации «Дюньяви боз курт» – «Серые волки мира», общетюркского культурного Фонда «Тюркской» и т.д.).

Политика неоосманизма. С приходом к власти в Турции исламистской Партии справедливости и развития турецкая политическая стратегия на Ближнем Востоке и Балканах приобрела новые доктринальные формы и содержание.

В частности, нынешний глава МИД Турции Ахмед Давутоглу, как уже отмечалось, является автором новой внешнеполитической стратегии неоосманизма. Суть политики неоосманизма сводится к тому, что Турция как правопреемник бывшей Османской империи (в состав и политическую орбиту влияния которой входили ряд современных государств и народов стратегически важных регионов Северной Африки, Балкан, Черноморского бассейна, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока) должна играть более активную геополитическую роль в названных пространствах и оказывать влияние на региональные процессы.

Ахмед Давутоглу, будучи заведующим кафедрой международных отношений в Университете Бейкент, в 2001 г., то есть в год основания Партии справедливости и развития, опубликовал книгу под названием «Стратегическая глубина – международное положение Турции», в которой обосновал необходимость возврата Турцией утраченного влияния на «бывший османский мир». Разработчик стратегии неоосманизма фактически выдвигает новые амбициозные геополитические претензии на возрождение имперского статуса Турции.

Нацеленность Турции усилить свои позиции на территории бывшей Османской империи (а это, по мнению турецких аналитиков, порядка 70-ти современных государств) через посредство реанимации неоосманской политики, естественно, не могут

остаться незамеченными в мировой и региональной политике (в том числе, и на Ближнем Востоке).

Турция пытается включить в политику неоосманизма достаточно гибкую линию, сочетая элементы панисламизма с прагматичной политикой продвижения национальных интересов Анкары на европейском направлении с опорой на турецкую диаспору и мусульманские общины, а также инициирование внутриевропейских противоречий, способных привести Европу к системной дестабилизации.

Неслучайно в названной книге Ахмед Давутоглу отмечает, что понятие «объединенная Европа» в политическом смысле виртуально. «Как перед Османской империей не было единого Запада, так и перед Турцией не будет единой Европы, — пишет А. Давутоглу. — Имеется лишь сильная традиция европейской дипломатии, которая всегда подкрепляется сильными национальными стратегиями, обладающими потенциалом подготавливать почву и прокладывать путь для международных конфликтов и столкновений интересов в Европе. Подобное положение требует от Турции тонкой дипломатической настройки в отношениях как с ЕС в целом, так и с его членами» [4].

Фактически основными региональными направлениями неоосманской стратегии Турции выступают Балканы, Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Крым и Кавказ. На фоне «арабской весны» неоосманистские усилия Турции умножились. Так, в феврале 2011 г. в проводимых турецкими агентствами социологических опросах граждан стран Ближнего Востока и Северной Африки (Египта, Ирака, Ирана, Иордании, Саудовской Аравии, Сирии и Палестины) отмечалось, что Турция может служить примером для всего Ближнего Востока, поскольку Турция является успешной моделью совмещения ислама и демократии.

На волне возрождаемого панисламизма в рамках стратегии неоосманизма Турция активизирует антиизраильскую пропагандистскую риторику и связи со всеми мусульманскими странами, включая арабские и неарабские. Анкара делает акцент на «исламском братстве», пытается навязать тому же Ирану новую линию в отношениях с Арменией и Азербайджаном.

Для более эффективного проведения политики неоосманизма Турция пошла на некое обострение отношений с Израилем,

разыграв спектакль с так называемый «флотилией свободы», призванной сломать существующий в арабских странах стереотип о Турции как союзнике Израиля. Чуть позже Анкара подержала Запад в деле свержения неугодного режима ливийского лидера Муамара Каддафи. А в современный период Турция превратилась в главную опору вооруженной оппозиции Сирии, ведущей борьбу против режима Башара Асада.

Понятно, что в османскую эпоху Турция с первой четверти XVI в. и до 1923 г. являлась халифатом, а политика панисламизма укрепились в политической жизни оттоманского государства вплоть до 1908 г., то есть до младотурецкого переворота, когда на смену панисламизму пришел пантюркизм.

Ислам играл чрезвычайно важную роль во внутренней и внешней политике Османской Турции, и новая исламистская политическая администрация современной Турции, пришедшая в 2002 г. к власти, старается использовать ислам в качестве продвижения турецких национальных интересов как на Балканах и Ближнем Востоке, так и в мусульманонаселенных странах и регионах постсоветского пространства. Приведет ли эта стратегия к лидерству Турции в исламском мире – большой вопрос. Во всяком случае, в странах Арабского Востока и Иране Турцию вряд ли будут воспринимать в качестве лидера, что же касается Балкан и постсоветского пространства, то здесь Турция способна добиться желаемых целей (прежде всего, в отношении тюркоязычных стран и народов, исповедующих ислам).

Турецкий фактор на Ближнем и Среднем Востоке. Турция традиционно старается проводить более активную политику в данном регионе.

Основные причины активизации ближневосточной политики Турции. Данное направление внешней политики, естественно, имеет стратегически важное значение для Турции, поскольку турецкое государство:

во-первых, является частью Ближнего Востока;

во-вторых, единственным членом НАТО в этом регионе;

в-третьих, исторически значительная часть Ближнего и Среднего Востока входила в состав Османской империи;

в-четвертых, современная Турция имеет ряд противоречий и общих интересов с приграничными государствами региона (территориальные споры, энергетические проблемы, курдский вопрос);

в-пятых, Турция пытается выступить политической моделью сочетания светского общества и мягкого ислама для стран Арабского Востока, где происходят революционные потрясения;

в-шестых, Турция не может не учитывать региональную геополитическую и военно-стратегическую активность США и ведущих стран Западной Европы (особенно в Ираке и Сирии), что значительно подрывает прежнее приоритетное значение Турции для Запада на Ближнем Востоке;

в-седьмых, Турция опасается возможного осложнения военнополитической ситуации в Иране, а также ракетно-ядерной программы Тегерана;

в-восьмых, Турция, будучи преимущественно исламской страной суннитского толка, старается учитывать возрастающие суннитско-шиитские геополитические противоречия в регионе и получить максимум дивидендов от инспирируемого извне внутривосточного конфликта в соседней Сирии.

Все это в совокупности повышает значимость ближневосточного направления турецкой региональной политики.

Турция и США. Ближневосточная политика Турции не может рассматриваться в отрыве от региональной стратегии США. В период «холодной войны» американо-турецкие отношения приобрели характер стратегического партнерства, Турция выступала южным якорем сил НАТО против СССР и имела большое значение в региональной политике Вашингтона.

Во второй половине XX в. американо-турецкие отношения развивались по нарастающей, однако «турецкое общество и политический истеблишмент, — как отмечает политолог Игорь Мурадян, — всегда преподносили США немало сюрпризов» [5].

Американским разведывательным службам и аналитическим структурам не всегда удавалось своевременно прогнозировать явления, происходившие в общественно-политической жизни Турции. Турция для США не всегда представлялась удобным партнером в контексте курдской проблемы, турецко-греческих отношений, кипрского и армянского вопросов, амбиций в отношении ряда стран Ближнего Востока (например, Сирии, Ирана и Ирана).

С разрушением Советского Союза и Организации Варшавского Договора США и НАТО стали претендовать на монопольное господство в стратегически значимом Ближнем Востоке.

В этом регионе главным союзником США остается Израиль. Турция же — как член НАТО и традиционный союзник Запада — претерпела определенные изменения. Прежде всего, утрата советской ядерной угрозы в определенном смысле изменила роль Турции в ближневосточных делах Пентагона.

США, пытаясь установить масштабный контроль над энергетическими ресурсами (нефти и газа) региона, провели целенаправленную операцию в Ираке, что одновременно позволило расширить геостратегический маневр американских сил на Ближнем Востоке. Знаковым событием возможных перемен в отношениях между США и Турцией стала иракская война 2003 г., когда Вашингтон испытал шок при отказе Анкары разрешить 4-й дивизии США пройти к иракской границе по турецкой территории. Эта ситуация побудило США принципиально пересмотреть отношения с Турцией. Вместе с тем США особо и не старались оказывать давления на власти Турции в плане пересмотра решения о пропуске 4-й дивизии (турецкий парламент тогда проводил голосование по данному вопросу всего один раз).

С деятельностью посла США в Турции Эрика С. Эдельмана связывается откровенный «провал» американской политики в 2003 г. Однако в 2005 г. карьерный дипломат Эрик Эдельман получил новое повышение — назначение в Пентагон. Он, как известно, стал тогда заместителем министра обороны по политическим вопросам, а до своего назначения послом в Турцию с 2001 г. по 2003 г. являлся помощником вице-президента США Роберта Чейни по вопросам национальной безопасности.

Из этого кадрового примера можно сделать вывод, что посол Эдельман вовсе не провалил надежды американской политики в Турции. Просто США не были заинтересованы вовлекать Турцию в столь многосложный и масштабный проект, каким представляется Ирак (нефть Мосула и курдский вопрос), так как Анкара могла потребовать неприемлемо многое и стать важным игроком в развитии событий. Курдская же проблематика становится наряду с проблемой Кипра одним из инструментариев ограничения региональной активности Турции.

В 2011 г. наблюдалось определенное снижение конфронтации в отношениях Турции с США, что подтверждается отдельными договоренностями по ряду вопросов безопасности (прежде всего, в сфере региональной политики). В частности, в обмен на

определенную поддержку США и поставки некоторых видов вооружений (в том числе, комплектующих изделий), Турция пошла на уступки по ограничению региональной экспансии. Сближение Турции и США обусловлено также угрозами возможного близкого экономического кризиса.

Быть может выход Крыма из состава Украины и его воссоединение с Россией также станут темой турецко-американского сближения, поскольку Анкара вряд ли согласится на переход полуострова в состав Российской Федерации, что, безусловно, укрепляет военно-стратегические и транзитно-экономические возможности России. Тот же министр по делам ЕС Мевлют Чавушоглу назвал крымский референдум безрассудством России, да и премьер-министр Раджип Эрдоган выступил против воссоединения Крыма с Россией.

Усиление военно-морской базы Черноморского флота России в Крыму создает только очередные проблемы для турецкого реванша. Если сегодня турецкие военно-морские силы в Черном море представлены 17-тью субмаринами, то российский флот (включая подводный) в скором времени изменит этот дисбаланс в свою пользу. Контролируя Крым и укрепляя военно-морскую группировку здесь и в Абхазии, фактически Россия сможет вносить серьезный вклад и в средиземноморскую безопасность. Некоторые заявления о возможности закрытия Турцией Черноморских проливов для российских судов несут в себя не более чем популистские лозунги, так как Турция сегодня весьма зависима в экономическом плане от России (73 % российского газа, русский туризм, проект АЭС «Аккую», экспорт турецкого бизнеса в России и т.д.). Однако Турция интересна для США в крымско-украинских делах с учетом фактора влияния Анкары на крымско-татарские массы.

Современная Турция крайне заинтересована в количественном и качественном росте крымско-татарского населения на Крымском полуострове. Из истории известно, что в 1475 г. Крым стал вассалом Османской империи, когда султан Мехмед II Фатих (Завоеватель) направил армию Гедик Ахмед-паши в Кафу и подчинил себе крымских татар, бывший улус монголо-татарской Золотой Орды. Здесь постоянно пребывал будущий султан (шах-заде) оттоманского государства, а крымские ханы ревностно исполняли волю турецкого султана (в том числе, против эко-

номических и политических интересов России), неоднократно совершали грабительские набеги на русские земли. По итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и Кючук-Кайнарджийского мира турки вынуждены были признать независимость Крымского ханства, а 19 апреля 1783 г. Крым стал частью Российской империи. С тех пор Крымский полуостров был в орбите русского влияния, турки с завистью смотрели на факт утраты Крыма, но при каждой исторической возможности старались оторвать Крым от России. Так было в период русско-турецкой войны 1853–1856 гг., получившей название Крымской войны, когда объединенные англо-франко-сардино-турецкие силы нанесли поражение русским и высадили здесь первый морской десант. Печальные события 1944 г., связанные с массовыми репрессиями и высылкой крымских татар в Узбекистан, отчасти также были связаны с турецкими провокациями, их подрывным содействием нацистской Германии с опорой на тюркское и мусульманское население Крыма и Кавказа.

В соответствии с новой доктриной неопантюркизма и неосманизма турецкая политическая элита рассчитывает на возрождение статуса великого государства, распространение власти и влияния Турции на тюркоязычные народы бывшего СССР и государства, которые ранее входили в состав, либо были в орбите влияния Османской империи.

Естественно, в этой политической стратегии Турции просматриваются не только этнокультурные и исторические связи и интересы анатолийских турак, но и весьма прагматичные задачи Анкары по укреплению регионального статуса Турции, расширению экономического сотрудничества и возрождению былой военной мощи в том же черноморском бассейне. Турецкий фактор и влияние в Крыму имеют прогрессирующее значение и развитие. Конечно, туркам было бы предпочтительнее сохранение Крыма в составе слабой украинской государственности, подпадающей под зависимость НАТО, нежели в составе России.

Несмотря на 1,5 млн русских, татарское население по началу выступило против выхода Крыма из состава Украины. Об этом свидетельствуют те массовые антиросийские митинги, которые были организованы крымскими татарами (видимо, при поддержке правых сил Украины, но и не без участия Турции). Как известно, 8 марта 2014 г. в Анталии состоялся митинг татар-

ской общины и турецкой общественности под лозунгом «Путин! Руки прочь от Украины!», а в Симферополе одновременно татары, ведомые национальными общественными институтами (а точнее исполняющие установки Вашингтона, Анкары и Киева), организовали массовый митинг-протест под лозунгом «Крым — не Россия!», в давке даже погибли два человека. После присоединения Крыма к Российской Федерации татарский меджлис потребовал национальную автономию, а бывший спикер татарского меджлиса Крыма Мустафа Джамиль выступил на неофициальном заседании СБ ООН 31 марта 2014 г. и назвал действия России в Крыму оккупацией, после чего выехал в Анкару для консультаций с Эрдоганом. Таким образом, подходы Турции и США в Крымском вопросе сочетаются.

Курдский вопрос. Естественно, одним из проблемных вопросов для Турции на Ближнем Востоке выступает курдская проблематика. Многомиллионный курдский народ исторически проживает на территории Турции и сопредельных с ней государств — Ирана, Ирака и Сирии (соответственно, 16 млн, 11 млн, 7 млн и 1,5 млн человек).

Традиционно Анкара при всех противоречиях с правящими кругами данных стран находила поддержку Тегерана, Багдада и Дамаска по вопросу недопущения образования самостоятельного курдского государства в регионе. Однако на территории Северного Ирака сегодня фактически уже функционирует курдская автономия с национальными органами самоуправления и собственными вооруженными формированиями. Курдистан пока де-юре автономен в составе Ирака, но де-факто обладает всеми атрибутами независимого национального государства.

Достижения курдского движения в Ираке, безусловно, связываются с региональной политикой США, Великобритании и частично Израиля. Политические круги США и Великобритании, то есть англосаксонского мира, склоняются к решению не препятствовать обретению в обозримой перспективе независимости Иракским Курдистаном, призванным стать государством прозападной ориентации, своего рода «вторым Израилем» на Ближнем Востоке. В этой связи бывший советник генерального секретаря НАТО, ведущий военно-политический эксперт Великобритании Кристофер Доннолли отмечает: «Для мира и международной безопасности гораздо разумнее признать сувере-

нитет фактически образовавшихся государств, чем продолжать отстаивать отжившие принципы» [6]. По его мнению, курдский народ де-факто уже создал в Иракском Курдистане свою государственность.

США и Великобритания крайне негативно относятся к возможности турецкого спецназа проводить несанкционированные рейды на территорию Иракского Курдистана, к попыткам Турции политизировать проблему туркмен на северо-западе Ирака. Американцы не собираются делиться с турками Мосульской нефтью. В список новых военных баз Пентагона следует отнести и базу на севере Ирака, строительство которой уже оговорено с местными курдскими властями. Это позволит Вашингтону усилить военный контроль над Ближним и Средним Востоком, прежде всего, контроль над нефтяными и газовыми потоками.

Энергетический фактор. Учитывая потребности мировой экономики в нефти и газе, а также растущие энергетические запросы самой турецкой экономики, Турция пытается увеличить собственные транзитные возможности. В этой связи новым аспектом турецкой региональной стратегии является активизация экономических связей с Ираном. Несмотря на исторические и современные геополитические противоречия между Турцией и Ираном, Анкара все же старается актуализировать перед Европой транзитные возможности своей страны в плане поставок иранского газа на европейский рынок и реализацию транспортно-энергетического проекта «Набукко».

Известно, что без иранского газа идея газопровода «Набукко» теряет всякий экономический смысл, поскольку реальными запасами «голубого топлива» для наполнения «Набукко» располагает только Иран (доказанные запасы – около 28 трлн куб. м, то есть 15,5 % мировых запасов газа [6]). Мнение о том, что проект «Набукко» сохраняет свою привлекательность и без участия Ирана, поскольку основным экспортером может стать Туркменистан [7], в целом оправданы. Но в условиях жесткой конкуренции со стороны России и наличия неурегулированных локальных конфликтов на Южном Кавказе (например, Нагорный Карабах) азербайджано-грузинское направление транзита туркменского газа в обход Ирана может оказаться крайне проблематичным.

Турция пытается убедить Евросоюз, стремящийся снизить энергозависимость от России, в необходимости реализации проекта «Набукко» и закупок иранского газа. Исходя из этого, Турция и Иран не раз заявляли о готовности строительства совместного трубопровода с пропускной способностью 30–35 млн куб. м в сутки для транспортировки природного газа из Ирана до границы с Турцией и от ирано-турецкой границы до Греции. Стороны намерены провести совместную разработку нескольких участков на месторождении «Южный Парс». Турция получает иранский газ по трубопроводу Тебриз – Эрзерум. К перечню турецких транзитных маршрутов мирового уровня на ближневосточном направлении следует добавить нефтепровод из иракского Киркука в средиземноморский Джейхан, который становится одним из ключевых нефтяных портов в мире, учитывая и нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Иранская ядерная и ракетная программа. Турция и Иран сохраняют региональное геополитическое соперничество как на Ближнем Востоке, так и на постсоветском Юге. Из истории мы знаем, что Османская империя и Персия были постоянными соперниками, их борьба не раз приводила к военным конфликтам на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. И в современных условиях турецко-иранское соперничество за региональное лидерство продолжается. С распадом СССР эта борьба приняла особую остроту на кавказском и центрально-азиатском направлениях.

Турция, развивая неопантюркистскую внешнеполитическую стратегию по установлению регионального лидерства над Азербайджаном и тюркскими республиками Центральной Азии, создает определенную напряженность в отношениях с Ираном. Турецкие радикальные силы достаточно активно поддерживают территориальные претензии Азербайджана на Иранский Азербайджан и сепаратистские устремления азербайджанских националистов в северо-западных провинциях Ирана. Турция вместе со странами Запада и Израилем участвует в проекте блокирования Ирана в каспийских нефтегазовых проектах.

Наконец, Турция не может не опасаться развития ракетной и ядерной программы Ирана, реализация которой позволит Тегерану повысить статус своей страны в регионе. Турецкие и международные эксперты понимают, что ядерная и ракетная про-

грамма Ирана вряд ли преследуют цель сокрушения Израиля, поскольку теократический Иран не станет применять оружие массового поражения по землям, где располагаются исламские святыни. Такая ситуация вынуждает Турцию искать новые возможности для обеспечения баланса сил в регионе. А это означает необходимость развития собственной национальной атомной энергетики, позволяющей со временем трансформировать ее в ядерную программу. Турция, как и многие другие государства Ближнего Востока, заинтересована в военно-политическом и экономическом ослаблении Ирана.

То обстоятельство, что экономические успехи современной Турции и растущие потребности в энергетике мотивируют развитие атомной энергетике — это, безусловно, объективно. Однако истинной причиной намерения Агентства по атомной энергетике Турции построить в ближайшие годы три АЭС, на мой взгляд, является желание противостоять иранской ядерной угрозе. Не случайно американский эксперт из Фонда наследия Ариэль Коэн полагает, что иранская ядерная угроза вынудит Турцию создать свой атомный проект. В этих условиях Турция, словно повторяя опыт Бушерской АЭС в Иране, согласилась на российское участие в строительстве первой в стране АЭС «Аккую». Однако турецкая сторона должна вести себя более аккуратно в процессе разворачивания Западом антироссийской истории и экономических санкций в связи с событиями на Украине и крымским референдумом.

Турецко-израильские отношения. В последние годы в официальных турецко-израильских отношениях наметились определенные противоречия, что связано с политикой исламиста Эрдогана, позволившего себе ряд ярких критических выпадов против Израиля с целью приобретения веса в исламском мире. Турция опасается активного участия Израиля в развитии проекта образования независимого курдского государства на Ближнем Востоке.

Однако реальный формат двусторонних отношений и региональной политики, определенная политическая и экономическая зависимость Турции от влиятельных сионистских структур на Западе (например, в США по вопросу блокирования резолюции о Геноциде армян, оказанию экономической и военной помощи Турции), энергетический проект «Средиземноморский

поток» по поставкам российского газа, нефти и водных ресурсов через территорию Турции в Израиль, а также экспертная оценка ряда крупных еврейских экспертов современного состояния турецко-израильских отношений (например, профессора Мирского) позволяет отметить, что Израиль особо не опасается внешней риторики турецкого руководства. Авторитетные еврейские эксперты полагают, что прагматичный Эрдоган в отличие от экс-президента Ирана Ахмадинежада знает предел антиизраильских увлечений.

США также не заинтересованы в прогрессировании турецко-израильского разлада, но они еще более не заинтересованы в продолжении турецкого внешнеполитического курса на международную и региональную дискредитацию Израиля. В этой связи США не исключают определенную солидарность еврейских и армянских лоббирующих структур в Конгрессе для оказания очередного давления на Турцию по вопросу того же признания геноцида армян.

Не случайно профессор политологии Университета Бильги в Стамбуле И. Туран, затрагивая вопрос американо-турецких отношений, указывает: «Наличие многочисленных центров силы и влияния в американской политической системе чревато возникновением неожиданных проблем во взаимоотношениях. Деятельность этнических лобби в Конгрессе США, особенно в Палате представителей, привела к принятию эмбарго на поставки вооружений в Турцию, которое длилось с 1974 по 1977 гг. Совсем недавно возникла напряженность в связи с принятием резолюции о геноциде армян. Хотя этот документ не дал конкретных результатов, подобные шаги крайне эмоционально воспринимаются турецкой общественностью, и она, в свою очередь, может заставить правительство предпринять радикальные шаги, которые станут настоящим испытанием для «образцового партнерства». До недавнего времени Анкара могла рассчитывать на поддержку еврейского лобби... Однако постепенное ухудшение отношений между Израилем и Турцией, начавшееся с жестких израильских бомбардировок сектора Газа, достигло кульминации, когда израильские убили девять турецких граждан на борту корабля, перевозившего гуманитарную помощь для жителей Газы. Американо-израильский комитет по общественным связям (АИРАС) осудил действия Турции как провокацию, так

что Анкара больше не может рассчитывать на поддержку еврейского лобби в американском Конгрессе» [8].

Сирийская проблема. Турция весьма активно пытается включиться в урегулирование сирийской внутривосточной проблемы. При этом правительство Р.Т. Эрдогана вместе с членами Лиги арабских государств поддерживает сирийскую оппозицию, выступающую за немедленную отставку Башара Асада и свержение его режима. Чем мотивируется турецкая активность в сирийских делах?

События вокруг Сирии все больше принимают характер необратимого движения к региональной конфронтации, с вовлечением крупных и влиятельных игроков по обе стороны противостояния. Локализация конфликта внутри Сирии не удастся. Но самое интересное и показательное в нынешней ситуации вокруг Сирии заключается в том, что проявляется некая стратегия заинтересованных внерегиональных акторов в переформатировании сложившихся межгосударственных конфигураций, слоев влияния и альянсов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, следуя общему методологическому принципу – «от простого к сложному». В рамках указанного принципа на пути реализации стратегии «простым» можно назвать Ливию, наиболее «сложным» – Иран, а между двумя этими точками лежит Сирия.

Из этого следует заключить, что развитие ситуации в Сирии, активность региональных и внерегиональных сил вокруг сирийской проблематики содержит в себе иранский фактор и ставит дальнейшую цель по «завалу» Ирана после того, как в ближневосточном регионе будет устранен последний государственный режим, дружественно настроенный к Ирану. В рамках данной стратегии (а в том, что она есть, как минимум в Вашингтоне, не приходится сомневаться) задействованы ресурсы нейтрализации всех проиранских факторов на Ближнем Востоке – от ливанской партии «Хизбалла» до нынешнего руководства в Сирии.

Разработчики стратегии выбрали оптимальный на текущий расклад сил и влияния общий модус решения задач по сдерживанию, а в дальнейшем и трансформации Ирана. В сирийской проблематике центр инициативности по свержению руководства в Дамаске концентрируется в арабском мире, в рамках Лиги арабских государств, что дает внерегиональным акторам многие преимущества по аргументации своих позиций и проведению

удобного им курса в регионе. В отношении же непосредственно иранской темы главный тон и ритм развития задают сами внешне-региональные акторы через тему ядерного досье Тегерана.

Стратегия уже приносит свои плоды, но ее успешность, как это было достигнуто в Ливии, во многом носит проблематичный характер. Это связано не только с особой позицией России и Китая в отношении Сирии и ядерной программы Ирана, но и с повышенной амбициозностью такого крупного регионального игрока, как Турция.

Заявления России об исчерпании санкционных мер в отношении Ирана совпали с введением США, Великобританией и некоторыми другими странами новых антииранских санкций. Россия имеет продвинутое военно-технические связи с Сирией, которые ставятся под вопрос нынешними усилиями стран Запада. Россия имеет отношения, близкие к продвинутым с Ираном в нефтегазовой сфере, но вводимые санкции Запада все больше ставят эти отношения под вопрос.

Военно-политический кризис в турецко-сирийских отношениях набирает обороты. Турция с 2012 г. периодически инициирует новые провокации на турецко-сирийской границе с целью интернационализировать военный конфликт с участием НАТО.

Так, Турция выступила с инициативой создания «зон безопасности» на территории Сирии, где под прикрытием подконтрольных НАТО международных сил могла бы спокойно существовать и наращивать свой потенциал сирийская вооруженная оппозиция. В ответ на инцидент в турецком г. Акчакале, где 3 октября 2012 г. разорвались выпущенные с территории Сирии минометные снаряды и погибли 5 человек, Турция нанесла удары по сирийской территории. Однако так и неизвестно кто именно выпустил снаряды с сирийской территории. Не исключено, что это провокация стала результатом умело продуманной подрывной операции турецких спецслужб и сирийских повстанцев.

В марте 2014 г. Турция способствовала вторжению на территорию приграничного сирийского г. Кесаб (преимущественно населенного армянами и алавитами) радикальных исламских боевиков из числа афганцев, ливийцев и чеченцев, которые организовали резню армянского населения. Воздушной атаке с территории Турции подвергся и другой сирийский город Ла-

такая, куда вынуждено бежали армяне из Кесаба. Пользуясь ситуацией нагнетания военной напряженности против Сирии, Турция на глазах всего мира позволяет себе рецидив геноцида армян и показывает преемственность антиармянской политики от своих предшественников.

Анкара не может не понимать, что ее поддержка сирийской вооруженной оппозиции, в результате чего ежедневно в Сирии погибают люди, так или иначе, будет сказываться и на ситуации в приграничных районах самой Турции. Турецкие власти фактически занимаются пропагандистской подготовкой военного вторжения в Сирию, стремятся, переложив ответственность на власти Сирии, обмануть общественное мнение своей страны. В результате 4 октября 2012 г. парламент Турции предоставил мандат правительству сроком на один год на проведение «трансграничных военных операций». За это решение проголосовало 320 депутатов, против – 120.

Военная риторика турецкого премьера Эрдогана и начальника Генштаба генерала Озеля говорят о том, что Турция не исключает военное вторжение в пределы Сирии. В этом контексте вполне логичным выглядит и демонстративный вызов Турции против России, когда турецкие истребители заставили приземлиться в Анкаре самолет сирийской авиакомпании, выполнявший рейс Москва – Дамаск из аэропорта Внуково. Самолет был задержан по подозрению в перевозке военного снаряжения для правительства Сирии, а комментарии российского министра иностранных дел С.В. Лаврова оказались для турок неубедительными.

Провокация турецко-сирийской войны предполагает вступление в данный конфликт Ирана, который имеет перед Дамаском соответствующие обязательства, а это в свою очередь позволит НАТО поддержать своего союзника Турцию. Однако перенос боевых действий на территорию Турции может спровоцировать серьезный конфликт против самой Турции, если иметь в виду курдский и армянский вопросы. Например, курды могут воспользоваться ситуацией и попытаются образовать национальное государство в восточных вилайетах Турции, армяне же будут требовать возвращения как минимум Карской области и Арарата. Возникнет опасность крупного регионального конфликта с применением тактического ядерного оружия, о чем

неоднократно предупреждал бывший начальник Генерального штаба ВС России генерал армии Николай Макаров.

Москву не может радовать турецкая амбициозность, повышенная инициативность в сирийских делах на контрпозициях с российскими внешнеполитическими подходами в регионе внутрисирийского конфликта, однозначное позиционирование себя в лагере западных стран антиасадовской коалиции. Что сдерживает Россию от открытого выражения своего недовольства, так это, скорее всего, согласие Турции на реализацию российского проекта «Южный поток» и «Голубой поток-2».

Известные противоречия между Францией и Турцией в начальный период ливийской, антикадафийской кампании были сретушированы и им не дали выйти за рамки дозволенного между двумя натовскими странами. Возможно ли подобное на сирийском направлении, где Турция делает все, чтобы взять своеобразный «реванш» за ее устраненность от ливийских дел, произошедшую не в последнюю очередь по воле Франции? Турция стремится не упустить случая стать инициатором и центром притяжения в ближневосточном регионе, в регионе ее общих границ с Сирией, Ираном, Ираком.

Конкуренция между Турцией и Францией не ограничивается только внутринатовской природой и средиземноморским географическим ареалом. Сирийская тема открыла новые грани данной конкуренции Анкары и Парижа на этот раз в виде опережающей активности в признании легитимности сирийской оппозиции на международной арене. Турция первой предоставила сирийским повстанцам территориальную площадку для организационной консолидации. Франция же опередила Турцию в признании оппозиционного сирийского Национального Совета в качестве легитимного партнера по переговорам и выдвижении инициатив по созданию гуманитарного коридора для беженцев из Сирии. Данная конкуренция понятна как минимум в свете исторической ретроспективы небезразличия османской Турции и колониальной Франции, которая после Первой мировой войны получила мандат на бывшие турецкие территории к востоку Османской империи, к Сирии.

Проблематичность проводимой стратегии по устранению последних точек опоры Ирана в регионе содержит еще одну составляющую, заключающуюся в курдском факторе. Данная тема

весьма тесно связана с интересами Турции в регионе. И хотя в нынешних событиях в Сирии местные курды пока не так активны, как, например, в свое время были их соплеменники в Ираке на рубеже XX–XXI вв., все же многое из того, что сейчас проводит Турция в регионе, содержит в себе элемент гарантированности от курдской угрозы в будущем.

Анкара берет своеобразный реванш за 2003 г., когда ее позиция в отношении вторжения в Ирак американских войск привела к обратному эффекту, а именно созданию на своих южных рубежах курдской де-факто государственности с постоянной угрозой в виде радикальной части данного государственного образования в Северном Ираке. Проблематичность для разработчиков стратегии сдерживания Ирана в регионе под призмой курдского фактора, очевидно, связана с вероятностью дальнейшего дрейфа Турции в сторону попыток проводить самостоятельный курс на своих южных и юго-восточных рубежах со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде военных экспедиций вглубь территорий соседних стран. Надо признать, что данная проблема в длинной перспективе может стать полезной находкой для США, так как выбьет из-под ног Турции и Ирана одну из тем их нынешнего взаимодействия в регионе – борьба с «курдским сепаратизмом». В динамике развития сирийской темы были заметны две региональные составляющие, представляющие значительный интерес для внешних ближневосточному региону сил.

Во-первых, Турция не смогла предпринять решительные действия в отношении смещения режима Б. Асада в Дамаске. Ограниченность Турции проявилась в неспособности наладить стабильный канал переброски боевиков и оружия на сирийскую территорию. Сирийским правительственным силам удалось несколько успешных операций по нейтрализации подобных попыток с участием и при поддержке специальных сил Турции (в частности, сирийские войска в г. Хомсе взяли в плен несколько турецких офицеров и наемников и потребовали обменять на лидера сирийской оппозиции, скрывающегося на территории Турции). Да и ситуация в Кесабе возвращается в обычное русло благодаря действиям сирийской армии по уничтожению боевиков. Это стало значительным сигналом для Запада в вопросе как относительной устойчивости режима в Дамаске, так и неспособ-

ности Турции проводить операции силового характера. Турция едва справляется с нейтрализацией вылазок курдских боевиков.

Во-вторых, наблюдалось определенное прогрессирование изоляции Турции в рамках общеевропейской внешней политики. Фактическое замораживание францужско-турецких отношений и продолжение пребывания греко-турецких отношений в стратегической неопределенности из-за тупика в кипрском урегулировании еще больше ограничили и без того узкое поле участия Турции во внешнеполитических дискуссиях и принятии конкретных внешнеполитических действий странами ЕС. Турция стала еще дальше от участия во внешнеполитическом курсе ЕС, но она не стала заметно ближе и к общеарабской внешнеполитической платформе в отношении сирийской темы.

Крупных арабских акторов, лидеров в рамках общеарабских структур (Лиги арабских государств) Турция в сирийской теме интересует как непосредственно примыкающее к территории Сирии мусульманское государство с суннитским стержнем и избытком региональной амбициозности. Для саудовской и катарской монархий Турция интересна в сирийской теме как определенный проводник – инструмент «взятия реванша» за иракский сценарий Запада по передачи власти от суннитского меньшинства к шиитскому большинству.

Если Запад пользовался терминологией «большинство – меньшинство» при смене власти и установления нового порядка в Ираке, то у саудовской и катарской монархий появляется резонный вопрос – «почему подобное не применимо к Сирии?». В понимании данных монархий, заинтересованных в смене нынешнего алавитского режима Башара Асада в Сирии на суннитское политическое большинство, Турция – это идеальный инициативный дестабилизатор, у которой помимо прочего присутствует и целый ряд своих интересов быть в роли амбициозной региональной силы со стойкой претензией на участие в процессах по смене старых и постановки новых режимов.

Однако кооперация с арабскими монархиями, а не с Западом в сирийской теме представляется тупиковой для Турции, которая рискует стать простым исполнителем воли антиирански настроенных монархий Персидского залива, а не относительно самостоятельным актором, занявшим исключительное место члена НАТО на ближневосточном фланге деятельности альянса.

США и Турция преследуют во многом схожие цели по ликвидации алавитского правящего режима в Сирии и тем самым не допустить утверждение шиитского проиранского альянса в регионе. Однако, если Турция пытается преодолеть шиитский барьер для осуществления экспансии на Ближнем Востоке, то США, напротив, пытаются не допустить усиления влияния Турции в регионе в результате устранения шиитов от власти в Сирии.

Таким образом, Турция проводит достаточно активную ближневосточную политику с целью укрепления статуса регионального государства и максимального извлечения политических и экономических дивидендов от данной стратегии. Турецкая дипломатия весьма гибко и чутко проявляет себя в условиях происходящих геополитических трансформаций в близком географическом окружении. Вряд ли туркам удастся сегодня создать некую балканскую и (или) ближневосточную Антанту, как это было в 1930-х гг. по инициативе Великобритании. Главная задача современной Турции на ближневосточном направлении сводится к укреплению собственной политической системы и не допущению рецидива «арабской весны» на национальной ниве. Очевидно также, что власти современной Турции стараются предложить Ближнему Востоку собственную модель демократического светского государства, сочетающегося с реалиями умеренного ислама. Анкара рассчитывает расширить свои транзитные возможности через партнерство с нефте- и газоносными странами региона.

Литература

1. См.: *IsmailGem*. Stresses Wide-Angle Foreign Policy Approach // Turkish Daily News. 1997. 19 July.
2. См.: *Арешев А.* Вооруженные силы и внешнеполитический курс Турции на современном этапе // Вопросы стратегии и безопасности. – Ереван, 2006. С. 126.
3. Пять элементов // Азербайджанский конгресс. – М., 2012. 9 ноября. С. 8.
4. См.: *Казинян А.* Реанимированный «неоосманизм» // Ноев Ковчег. 2011. Февраль. С. 2.
5. *Мурадян И.* Региональная политика США и Великобритании: Турция – Иран – Южный Кавказ – Черное море. – Ереван: Антарес, 2008. С. 8.
6. *Тимохин В.* Анкара: выбор вектора // Красная Звезда. 2009. 25 февраля – 3 марта. С. 16.
7. В Туркменистане, например, доказанные запасы газа по состоянию на 2009 г. оценивались в 7,94 трлн куб. м, то есть 4,3 % мировых запасов природного газа. См.: Манукян С. Экономические и энерготранзитные вопросы Азербайджана с соседними странами // Регион и Мир. 2010. № 1. С. 78.
8. *Туран И.* Турция на подъеме // Россия в глобальной политике. 2011. № 5. Сентябрь – октябрь

МОЗЛОЕВ А.Т.

КООРДИНАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В современном мире межгосударственные отношения образуют сложную материю и включают в себя как экономику, так и политику, как культуру, так и человеческие контакты на уровне отдельных граждан. Составной частью таких отношений являются вопросы, находящие своё отражение на глобальном и региональном уровнях, ибо политика современного государства на международной арене приобретает международный характер, связанный с глобализацией жизни людей.

И насколько проводимая государством политика отражает не узконациональные эгоистические, ориентированные исключительно на внутренние потребности интересы, а принимает во внимание национальные интересы соседних по региону, а подчас и отдалённых государств, настолько она обладает потенциалом для своей реализации. По нашему мнению, такое понимание связано со стабильными и предсказуемыми отношениями с другими государствами.

Полагаю, что все мы разделяем мысль о том, что попытки выстроить однополярный мир после такого геополитического землетрясения, как распад Советского Союза, потерпели фиаско. Если это так, то государство или группа государств, которые предложат или заявят о готовности разработать позитивное видение совместных действий, могут образовать один из обладающего притягательной силой полюсов нового многополярного мира.

Существенным вопросом, на котором надо остановиться, — наряду с тем, что мы даём оценку сложившимся на сегодня

российско-турецким двухсторонним отношениям, — является попытка сформулировать, как должны эти отношения дальше развиваться в краткосрочной, среднесрочной и даже отдаленной перспективах. Думается, что мы уже подошли к тому рубежу, когда дальнейшее их развитие на основе физического роста, скажем, числа туристов, объемов закупаемого природного газа или нефти не в состоянии подвести нас к новому качеству отношений, не поможет дать совместный, достойный нас, России и Турции, крупных международных игроков, адекватный ответ новым вызовам. А необходимость такого ответа уже стоит на повестке дня ответственных субъектов международной политики.

По моему глубокому убеждению, обе страны призваны выработать общие базовые принципы дальнейшего качественного развития российско-турецких отношений и на этой основе выказать готовность дать варианты возможных ответов на стоящие перед нами вызовы. Вот почему было бы крайне актуально начать совместно осмысливать вновь возникшие реалии международной, региональной и двухсторонней жизни и на базе понятий, в которые мы вложим одинаково понимаемое содержание, наметить основы совместных действий. Да, надо понимать, что такой подход непривычен для российско-турецких отношений, что эта мысль может остаться благим пожеланием без научного, философского, идеологического обоснования дальнейшего движения по пути развития наших отношений; у нас постоянно и неизбежно будут возникать ситуации, которые часто характеризовались в прошлом, да и сегодня — как шаг вперед, два шага назад.

Однако без понимания такой работы уже невозможно в современных условиях предложить народам, региону, где мы вместе находимся, если хотите, миру политику, которая бы свидетельствовала о нашей общей ответственности и зрелости за состояние дел в регионе. Вместе с тем не следует забывать о той атмосфере, которая сложилась в связи с устоявшимися привычками анализа наших отношений, когда всякий раз во главу угла ставится число военных и невоенных конфликтов, идеологическое противостояние в прошлом и на этой основе сценарированные политические преграды на пути качественного сближения двух стран с выпячиванием, как правило, исторического соперничества.

Не пора ли перед лицом новых вызовов и угроз отойти от такой привычки и начать ломать эти стереотипы. Думаю, что пора. И надо, думается, начать с философского осмысления нашего дальнейшего сотрудничества. Ибо мы все находимся в новой обстановке, оказываемся лицом к лицу с новыми угрозами и вызовами.

В таком случае перед нами встаёт вопрос: откуда и с чего начать? Можно дать ответ: мы можем начать даже с регулярно проводимых встреч российских экспертов, подобно той, которая регулярно проходит в стенах МГИМО. В высказанных идеях и предложениях рефреном проходит мысль о том, что дружественные связи, сложившиеся между Россией и Турцией, а также их особый статус могут способствовать созданию эффективных площадок по обсуждению самого широкого круга вопросов регионального и мирового значения, выходящие за горизонты сегодняшнего дня. По моему убеждению, подобные встречи имеют значение, если они сосредоточиваются на новых мыслях и суждениях. Во время этой встречи состоялся серьёзный разговор о перспективах участия России и Турции в решении значимых вопросов развития регионального сотрудничества двух стран в таких конфликтогенных зонах, как Ближний Восток, Кавказ и Центральная Азия.

При оценке стратегического (причём, в собственном смысле слова «стратегического») сотрудничества России и Турции как в регионе, так и в мире на первый план выходит проблема научного обоснования, если угодно, идеологического оформления такого сотрудничества. Тогда всё встанет на свои места. То есть, что мы — и Россия, и Турция — хотим от этого сотрудничества, какая общая у нас цель, что мы ждём друг от друга.

Прежде всего, постановка вопроса в такой форме связана с проблемой устоявшихся предрассудков, оказывающих влияние на широкие народные массы. Это фактор имеет большее значение с точки зрения политических элит, принимающих определяющие решения от имени своих стран. В этом контексте, для того чтобы в совместной деятельности утвердилось общее понимание и согласованность действий, надо, чтобы научно-философское обоснование этой деятельности постоянно раздвигало горизонты стратегического сотрудничества.

Только на этом пути мы сможем преодолеть предубеждения и предрассудки, которые проявляются в восприятии друг друга,

или которые сознательно вбрасываются третьими сторонами, или которые часто повторяются по сложившейся тенденции в других исторических условиях. Только на этом пути нам удастся дать адекватный общий ответ на сложившиеся в регионе и мире проблемы. Хотя экономическое сотрудничество и экономические проекты и лежат в основе сегодняшнего сближения, их все-таки недостаточно для существенного качественного выхода на новый уровень, если мы ведём речь об исторической ответственности наших стран в условиях турбулентности международной жизни. Необходимо сложение и экономических, и политических, и культурных потенциалов наших стран, их синергия для истинного ответственного лидерства в решении сложных проблем, с которыми мы сталкиваемся.

Следует остановиться на одном из шагов, которые важно предпринять в настоящее время. Если каждая из наших стран постепенно начнёт учитывать интересы друг друга, сформулированные так, что они не наносят ущерба интересам другой стороны, несмотря на конъюнктурные или иные соображения, то шаг за шагом начнёт формироваться атмосфера взаимного доверия, что немаловажно для складывания истинного стратегического сотрудничества. Осознать это применительно к России и Турции на первый взгляд кажется нереальным. Однако в современном мире, в условиях, когда перестают действовать все шаблоны прошлого, тот, кто покажет на практике образец совершенно новых подходов и поделится этими подходами, по меньшей мере, при решении региональных проблем, тот на деле, а не на словах продемонстрирует своё право идти впереди.

А для наших стран важно вникнуть в сформулированные национальные интересы, попытаться понять: на какой научной основе они выработаны, какой аналитический инструментарий лежит в фундаменте таких или иных выводов. Российская позиция с этой точки зрения открыта для анализа и изучения. У нас регулярно разрабатывается и представляется общественности «Концепция внешней политики Российской Федерации», учитывающая вновь возникающие новые явления, складывающиеся в мире и связанные с этим видением национальные интересы страны.

Ныне действующая Концепция была подписана президентом России В. Путиным и опубликована в феврале 2013 г. Эта Концепция отражает позицию страны, каким она видит и понимает

современный мир, как она оценивает происходящие в мире изменения. Таким образом, наша Концепция внешней политики, открытая для изучения всеми нашими партнёрами, отражает философский взгляд России на современный мир. В этом контексте предметом нашего интереса является понимание каждой из наших сторон основы внешней политики другой стороны. Но вновь повторю: это в том случае, если мы действительно готовы к стратегическому сотрудничеству на деле.

В заключение, хотел бы подчеркнуть, что если мы – и Россия, и Турция хотим видеть друг в друге действительно стратегического партнёра, нам надо прежде всего начать выработать общий понятийный аппарат такого сотрудничества, наполнять этот понятийный аппарат адекватным для каждого из сторон общим содержанием. Это позволит реально начать продвигать наши отношения к новому уровню, к широкой институализации наших отношений. В этом контексте постоянно действующие дискуссионные площадки также могут помочь расширить базу взаимопонимания между Россией и Турцией.

НАДЕИН-РАЕВСКИЙ В.А.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА И СТОЛКНОВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ТУРЦИИ

Применительно к ситуации, сложившейся в турецком обществе можно говорить о масштабной идеологической трансформации, которая постепенно охватила все стороны турецкой политической жизни и оказала определяющее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Турция переживает период новой «перестройки», впрочем, не первой в истории страны.

Периоды предыдущих идеологических трансформаций, «смен вех» в турецких идеологических доктринах подробно освещались отечественными исследователями. Вспомним период «османизма» («оттоманизма») в середине XIX века, когда движение «новых османов» пыталось уравнивать в правах всех подданных страны. Однако эта попытка не увенчалась успехом, и новая турецкая конституция была надолго заморожена. Панисламизм, который пришел на смену идеям «новых османов» в период «зулюма» (ужесточения режима), стал очевидной попыткой сплотить подданных империи.

В конце XIX века пришло время национального подъема в рядах турецкой интеллектуальной элиты, которая начала осознавать себя турками, а не османами. Появились литературные произведения на турецком языке, вместо персидского и османского. Впрочем, именно тогда пантуранизм и пантюркизм стали находить почву в турецкой интеллектуальной элите, что в значительной степени определило судьбу Османской империи. До сих пор все эти воззрения часто уживаются, что называется, в одной голове. Иногда бывает сложно дифференцировать сторонников той или иной доктрины.

Однако основой развития современной Турции стала совершенно новая доктрина, на долгие годы ставшая основой развития страны, ее интеллектуальной трансформации, оказавшей влияние на весь уклад жизни современного турка. Это доктрина кемализма, сделавшая Турцию единственной светской мусульманской страной с отделением мечети от государства и внедрением в повседневную жизнь европейской модели развития. Вместе с тем с годами кемалистская «перестройка» стала терять свой потенциал, а укоренившиеся веками религиозные основы общественного сознания, урбанизация и приток в города огромных масс сельского населения — носителей традиционного ислама стали постепенно доминировать в турецком обществе.

Поиск новых путей развития Турции

На данном этапе развития Турции особый интерес представляют процессы, которые происходили в области идеологии в последние двадцать лет. А произошли крайне интересные и важные изменения в общественном сознании турок, точнее интеллектуальной элиты турецкого общества. Изменения эти связаны с именем известного исламского проповедника, писателя и поэта Фетхуллаха Гюлена. Конечно, он не первый мыслитель в турецкой истории, обратившийся к поиску новых путей развития страны. В чем-то изменения в области общественного сознания можно сравнить с эпохой Мэйдзи в Японии в XIX веке. Там действительно прошла грандиозная перестройка именно благодаря усилиям в области подъема образования. С этой точки зрения можно ставить вопрос о некоей схожести процесса трансформации общественного сознания, но не более. В Японии эти процессы были связаны с государственной политикой в области образования. В каждой деревне строились школы, были созданы университеты, которые стали основой всей системы образования, а затем именно университетские округа стали и военными округами. То есть вся перестройка страны была следствием государственной политики, преобразовавшей страну, которая сумела из отсталой средневековой окраины мира превратиться в серьезную экономическую и военную державу и даже нанести поражение России в русско-японской войне в начале XX века.

Японская модель развития была весьма популярна в кругах турецких интеллектуалов в 1960—70 гг. Японский пример при-

влекал турок сохранением национальных традиций и параллельно освоением новейших знаний и технологий развитых стран. Однако претворить в жизнь стремление ускоренно развивать экономику страны, изменить образ жизни турок так, чтобы взять все положительное, что можно взять от Запада и в то же время сохранить национальную и религиозную самобытность, то есть как бы пойти по японскому пути, но своим, турецким путем требовало серьезного идеологического обоснования, создания соответствующей философской концепции развития государства и общества.

Важный шаг в этом направлении был сделан именно Фетхуллахом Гюленом. Почему? В свое время Бадиуззаман Саид Нурси, убежденный исламист, сторонник построения всемирного халифата, выступавший и за возвращение Турции к халифату, упраздненному Кемалем Ататюрком, за что и провел в тюрьмах более двадцати лет, проповедовал основы своего учения, нацеленного именно на современное понимание ислама. Нурси не только не находил понимания у республиканской светской власти, но и подвергался постоянным преследованиям. Кстати, несколько лет он провел в России. В годы Первой мировой войны попал в плен, находился в ссылке в Костроме вместе с другими пленными турками. Жил в мечети под поручительство местной татарской общины [1].

Как за рубежом, так и в России хорошо известны труды Саида Нурси – это 14 книг под общим названием «Рисале-и Нур». Многие поклонники Бадиуззамана Саида Нурси считают «Рисале-и Нур» лучшим толкованием Корана и наиболее современным. Для Нурси характерна попытка соединить ислам и современное развитие цивилизации. В течение длительного периода в республиканской Турции книги Нурси были запрещены. Только после его смерти, в 1960 г., труды теолога были постепенно выведены из-под запрета. Великое национальное собрание Турции приняло постановление о реабилитации литературного наследия Нурси, после чего его сочинения стали издаваться в официальных турецких издательствах и переводиться на другие языки, а движение последователей было легализовано [2].

Вокруг идей Саида Нурси в Турции сплотилось большое количество почитателей, что-то вроде современного тариката, хотя именно это и отрицают последователи Саида Нурси, кото-

рых в Турции называют «Нурджулар»*. В настоящее время секта «Нурджулар» расколота на несколько групп.

Фетхуллах Гюлен и Движение «Хизмет»

В Турции к сторонникам «мягкого ислама» относятся также сторонники Фетхуллаха Гюлена, в прошлом тоже исповедовавшего и пропагандировавшего идеи Нурси. Его последователи называют себя «Движение Фетхуллаха Гюлена», в настоящее время популярнее стало название «Движение Хизмет» («Служение»).

Как турецкие, так и зарубежные политологи отмечают, что именно Гюлен оказал наибольшее влияние на формирование взглядов нынешних лидеров Партии справедливости и развития Эрдогана и Гюля.

Под руководством «Движения Хизмет» основана и действует огромная сеть лицеев и университетов по всему миру. К этой же структуре относится и разветвленная сеть коммерческих фирм, мелких и средних предприятий, обеспечивающих финансовую сторону деятельности «Движения Хизмет». В Турции принято называть эту сеть «нурджулар» (нурсисты). При этом как «Хизмет», так и сам Фетхуллах Гюлен отрицательно относятся к такому названию. Сами же «нурсисты» называют свое движение «Нур» («Свет»). При этом в их рядах есть и критики Гюлена, и его сторонники. Откуда такие разновекторные трактовки?

Фетхулла Гюлен начинал свою деятельность как проповедник в мечети г. Измир (Турция). Суть его учения — это, как и идеи любого религиозного проповедника, — возврат к религиозным ценностям, но в отличие от, например, саудоварийских пропагандистов это проповедь возврата к исламским ценностям, но через адаптацию исламского вероучения к современности. Ту-

---

* В России после 1985 г. книги Саида Нурси публиковались свободно и были популярны среди мусульман. Однако в 2006 г. были запрещены решением Коптевского суда г. Москвы как литература, проповедующая превосходство одной религии над другой, одного образа жизни над другим. Это решение оспаривают отечественные почитатели взглядов Саида Нурси, однако до настоящего времени их усилия успеха не имели. С точки зрения российских правоохранителей отечественные последователи и почитатели С. Нурси попадают под определение «секты». Под этим подразумевались собрания единомышленников, совместные молитвы и чтение трудов учителя.

репские обозреватели считают, что именно Гюлен развил учение Саида Нурси с его пониманием места и роли ислама в современном мире.

Сам Гюлен не склонен позиционировать себя в качестве ученика Нурси и подчеркивает, что даже не был знаком с ним. Однако модернизаторские нотки в его взглядах действительно навевали параллель со взглядами Нурси. Фетхуллах Гюлен заслужил большую популярность своими проповедями в измирский период своей деятельности. Уже тогда его учение приобрело самостоятельность и в некотором роде новаторство.

Гюлен позиционирует себя как сторонник диалога цивилизаций, проповедует гуманизм в исламе, сотрудничество с другими религиями. Он, например, в 2010–2011 гг. выступил против организации «Флотилии свободы», направленной на прорыв блокады Сектора Газы, поскольку это «нарушало суверенитет государства Израиль». Эта позиция привела к резкой реакции «правоверных» исламистов, для которых сама постановка вопроса о суверенитете Израиля была категорически неприемлема. Соответственно, критика последовала со всех сторон, включая сторонников движения «Нур».

Впрочем, критика в адрес Гюлена последовала после того, как он был принят предыдущим папой римским. Во время приема поцеловал ему руку, что не могут ему простить другие исламские лидеры, включая российских. Однако в рамках диалога цивилизаций Гюлен пошел дальше. Он присутствовал на свадьбе мусульманки и католика, что было воспринято крайне отрицательно самыми широкими кругами мусульман, в том числе и российских.

Ф. Гюлен категорически отрицает, что руководит движением «Нур» (по представлению российских правоохранительных органов это секта «Нурджулар» или нурсисты). Фактически это так, потому что не все его идеи, касающиеся диалога цивилизаций были поддержаны некоторыми направлениями нурсистов.

Вместе с тем часть нурсистов считает Гюлена своим духовным лидером. Считается, что Гюлен возглавляет т.н. турецкие лицеи, несколько тысяч которых разбросаны по всему миру. В России, в Башкирии и Татарии лицеи были закрыты к большому неудовольствию учащихся и их родителей, поскольку давали довольно приличное светское образование. А взамен им аналогичных

учебных заведений открыто не было. По утверждениям некоторых СМИ, эти лицеи продолжили свою работу, но уже под вывесками частных школ.

Тысячи лицеев и университетов по всему миру действуют одновременно с турецкими кампаниями, работающими в этих странах, обеспечивающих их финансовые потребности. Влияние Гюлена настолько велико, что одного его пожелания пожертвовать на ту или иную школу или университет находит массу желающих внести пожертвования.

В самой Турции, по данным СМИ, через систему Гюлена, через школы и лицеи, готовящие к поступлению в Университеты проходят до 1 млн 200 тыс. учащихся в год. Примерно треть этих учебных заведений находится под покровительством «Движения Хизмет». Последствия работы «Движения Хизмет» весьма значительны. За последнее двадцать лет в Турции выросло новое поколение приверженцев «нового ислама» (хотя такое определение весьма условно).

Получив образование, эта молодежь постепенно стала во главе турецкого бизнеса, заняла ответственные посты в системе органов государственной власти, силовых структурах полиции, жандармерии. Именно эти структуры и оказывают влияние на формирование политики страны.

Однако в чем же сущность сознания этого нового поколения? Официально вся система образования под эгидой «Хизмет» вроде бы не делает упора на религиозное образование. Однако, по многочисленным свидетельствам выпускников школ, вся работа по воспитанию слушателей в «традиционном духе» проходит в общежитиях, где проживают слушатели. Этому способствует и строгий распорядок и авторитет наставников и жесткая дисциплина для всех слушателей. В результате выпускники «дерсханелер» (так называются эти учебные заведения в Турции) не только обрастают деловыми связями, впоследствии формируя новую элиту страны, но и приобретают соответствующее корпоративное сознание, наполненное как стойкими религиозными убеждениями, глубоким уважением к своему духовному лидеру, так и отрицанием той «светскости», которая годами оставалась основой страны.

Для них «ходжа» или «учитель», как называют Гюлена (Ходжа-эфенди), бесспорный религиозный авторитет. Это больше

чем авторитет руководителя, поскольку духовное лидерство подразумевает безусловное исполнение указаний руководителя. Именно такую систему турки попытались создать и в тюркоязычных республиках бывшего СССР, а также в тюркоязычных регионах России, именно на эту цель и была заострена деятельность турецких лицеев.

В свою очередь «Движение Нур» (Нурджулар) более последовательны и более откровенны в своей проповеди создания всемирного халифата. Падение религиозности населения в советский период благодаря активной антирелигиозной пропаганде привело к образованию идеологического вакуума в умах верующих людей. Соответственно, взамен толерантного российского ислама тем, кто возвращается к религиозным верованиям, предлагаются новые направления религии, саудо-аравийский вахабизм и салафизм, как проповедь возврата к первоначальным ценностям ислама с полным отрицанием российского ислама и его подменой на новоявленные миссионерские течения.

Проповеди нурсистов более прямолинейны, чем проповеди Ф. Гюлена. Внешне оба течения казались бы предпочтительнее, чем салафизм, однако все новоявленные исламские течения едины в одном – в подрыве традиционного российского ислама.

Представляется, что целенаправленной поддержкой нурсистов, а также структур «Движения Гюлена» официально занимается турецкое правительство. Даже в период, когда Ф. Гюлен находился в Турции под судебным преследованием (до 2006–2008 гг.), турецкое правительство, несмотря на запрет деятельности этой организации в Турции, поддерживало деятельность гюленовцев в тюркоязычных регионах мира как «полезную для Турции». Соответственно обеспокоенность по поводу запрета публикации книг С. Нурси «Рисале-и-Нур» и деятельности нурсистов в России выражал турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган.

Протест, несмотря на успехи?

После прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. ситуация в Турции стала постепенно меняться. С точки зрения военных, государственных чиновников, верных идеям Ататюрка в их хрестоматийном виде, ПСР представляла угрозу светским устоям республики. В свою очередь и сторонни-

ки ПСР все чаще говорили о «глубинном государстве» («дерин девлет»), т. е. структурах, которые не зависят от выборов, но которые «решают все» в стране.

Вместе с тем и справиться с Реджепом Тайипом Эрдоганом оказалось непросто. Попытки запретить его партию, уже получившую при поддержке избирателей власть в стране, не смогли и судебные органы. В свою очередь и Эрдогану не удалось ограничить стремление военных контролировать политическую власть в стране. Свою роль сыграло стремление Турции вступить в ЕС. Именно в соответствии с требованиями ЕС Турция и должна была изменить конституционные нормы, дававшие военным возможность вмешиваться в политическую жизнь страны. При этом общественное мнение, уже сориентированное на большее влияние ислама, да и интеллектуальная верхушка страны, тяготившаяся давлением со стороны силовых структур, поддержали усилия Эрдогана по изменению положений конституции, касавшихся роли армии во внутривнутриполитической жизни страны.

Свою роль сыграли и несомненные успехи «умеренных исламистов» в экономической сфере. Турецкая экономика постепенно вышла на ускоренный путь развития, чему способствовали серьезные либеральные реформы: снижение налогов на прибыль, ликвидация таможенных барьеров на импорт технологий и оборудования, поощрение иностранных инвестиций. Успешно действовали Координационный совет по улучшению инвестиционной среды, учрежденный совместно государственным и частным сектором, и Агентство по продвижению инвестиций, которое с 2007 г. помогало инвесторам регистрировать свои компании в Турции [3].

Только после начала кризиса мировой экономики приток капитала начал сокращаться. Так, в 2009 г. прямые иностранные инвестиции в промышленность упали на 62 %. В 2011 г. поток инвестиций вырос до 14,34 млрд долл., однако в 2012 г. инвестиции вновь упали до 12,38 млрд. Сокращение спроса на турецкие товары в ЕС, составлявшего почти половина экспорта страны привело к падению темпов роста экономики в 2012 г. до 2,2 % (в 2010 г. рост составил 8,9 %, а в 2011 г. — 8,5 %) [4].

Сократился объём прямых иностранных инвестиций в экономику Турции и в 2013 г. Отрицательным остался торговый и платёжный баланс страны, а в условиях снижения притока ка-

питала компенсировать их дефицит нечем [4]. Падение турецкой лиры заставило правительство тратить золотовалютные резервы на поддержку курса национальной валюты [4] .

Ухудшение экономической ситуации не позволило сократить уровень безработицы, составивший в 2013 г. около 10 %, при этом уровень безработных среди молодежи в два раза выше, что способствовало росту протестного потенциала в стране [5] .

На этом фоне правительство Эрдогана не ограничились конституционными реформами. Начались масштабные судебные процессы против военных. Наиболее серьезным из них стало так называемое дело «Эргенекон» о якобы разоблаченной террористической организации, состоявшей из армейских чинов. Кроме действующих военных по этому делу, были арестованы несколько сот политических и общественных деятелей, журналистов, адвокатов, преподавателей вузов, а также и отставные военные, и полицейские. Суд над несостоявшимися бунтовщиками проходил в Стамбуле еще с октября 2007 г. Позже было начато дело «Бальйоз» («Кувалда»). Против военных вновь были выдвинуты обвинения в попытке переворота и планировании террористических акций с целью дестабилизации ситуации и свержения действующего правительства.

Довершая разгром армейской оппозиции в августе 2013 г., по решению Высшего военного совета (YAS) Турции были заменены все командующие видами вооруженных сил Турции. 3 августа решения Совета были представлены президенту Турции Абдулле Гюлю.

Однако оппозиция постепенно пришла в себя. Главное недовольство политикой Эрдогана сосредоточилось вокруг усиления «ползучей исламизации», игнорирования критики в адрес кабинета и высокомерное нежелание прислушаться к общественному мнению. Наконец, в конце мая 2013 г. внутривластное напряжение в Турции, связанное с возрастающим недовольством политикой Эрдогана, вылилось в ширококомасштабные акции протеста в Стамбуле, постепенно охватившие всю страну.

Повод к недовольству дали власти, задумавшие реконструкцию парка Гизи и площади Таксим. В плане реконструкции попали и здания, связанные с именем Кемаля Ататюрка, что вызвало протесты противников исламизации, усмотревших в планах властей стремление подорвать светские устои

страны. Несколько неожиданным поводом к демонстрациям протеста стало решение парламента. В последних числах мая 2013 г. турецкий меджлис принял закон об ограничении продажи алкоголя (продажа спиртного запрещалась с 22 час. вечера до 10 час. утра). Однако если в других странах на такие меры общественность восприняла спокойно, то турки увидели в этих мерах законодателей ограничение их конституционных прав. Против нововведений выступили даже непьющие. В этих мерах властей турки увидели в первую очередь попытки дальнейшей исламизации общества. Несмотря на то, что большинство избирателей проголосовало за Эрдогана и его партию, количество тех, кто выступает против исламизации страны достаточно высоко. Недовольство «ползучей исламизацией» касалось вопросов, внешне вроде бы не очень значимых. Это введение некоего подобия религиозных уроков в турецких школах, разрешение на ношение хиджаба в офисах и высших учебных заведениях и другие нововведения «умеренных исламистов».

Непосредственным поводом к массовым протестам послужили жесткие действия полиции, которая в Турции и ранее не отличалась особым либерализмом, но на сей раз применила не только традиционные средства «общения с народом» вроде пресловутых дубинок и водометов, но и газовые гранаты. Волнения распространились на столицу страны Анкару и постепенно охватили другие крупные города.

Многие наблюдатели ожидали, что Эрдоган пойдет на уступки протестующим. Однако глава кабинета известен своей неуступчивостью. Его партия победила на выборах с большим перевесом, и Эрдоган был уверен, что к мнению оппонентов можно и не прислушиваться. Вместе с тем именно в вопросе дальнейшей исламизации страны поддержка действий Эрдогана далеко не так абсолютна, как кажется премьеру. Часто даже те, кто поддерживает Эрдогана, не всегда готовы к тому, чтобы переходить от светского государства к религиозному. Многие ревностные мусульмане, соблюдающие полуженные предписания шариата, включая и часть электората ПСР, все равно предпочитают жить в светском государстве.

Выступления протестующих поначалу застали оппозиционные политические партии врасплох. Ни одна из них не смогла взять на себя руководство протестным движением, которое из экологической сферы постепенно перешло в политическую плоскость.

Полицейские операции шли с переменным успехом. Демонстранты вновь возвращались в парк Гизи в Стамбуле, выходили на улицы других городов страны. К мирным протестующим стали присоединяться анархисты, причем с бутылками с зажигательной смесью. Появились сведения о том, что якобы полиция использует провокаторов — полицейских в штатском, чтобы влиять на ситуацию с помощью якобы радикалов, что оправдывало применение силы со стороны правоохранителей, и получить возможность официально разгонять смутьянов, хулиганов и т.д. 15–16 июня власти провели контрдемонстрации в поддержку Эрдогана и его политики. Странники Эрдогана напали на протестующих некоторых городов страны.

Прокатившиеся по стране антиправительственные акции привели к падению рейтинга Партии справедливости и развития до рекордно низких в 35 % [6]. Напомним, что на последних выборах за ПСР проголосовало около 50 % избирателей. Утихшая было волна протестных выступлений разгорелась с новой силой после того, как к протестным акциям подключились курды и алевиты (в Турции их называют «алеви»). В конечном итоге протестные акции пошли на убыль после примирительных шагов со стороны президента А. Гюля и других высокопоставленных руководителей ПСР.

Конфликт Гюлен – Эрдоган

Однако неожиданно для руководства страны произошло новое обострение внутренней обстановки. 17 декабря 2013 г. в рамках операции «Большая взятка» турецкие правоохранители начали расследование сразу трёх дел о коррупции. Первое дело было возбуждено против азербайджанского предпринимателя Резы Зарраба, которого обвинили не только в даче взяток членам правительства, но и в руководстве преступной группировкой. По версии следствия, Зарраб якобы давал взятки сыновьям министров внутренних дел, экономики, а также генеральному директору турецкого государственного банка «Халкбанк» Сулейману Аслану [7], для того чтобы ему разрешили переводы денег и золота между Турцией, Ираном и Россией.

По второму коррупционному делу за дачу взятки и незаконные разрешения на строительство были задержаны сын министра экологии и урбанизации Абдулла Огуз Байрактар, несколько строительных магнатов и крупных чиновников из

министерства экологии и урбанизации. Третье расследование касалось выдачи муниципалитетом Фатиха незаконных разрешений на строительство в зоне тоннеля «Мармарай» и на охраняемых территориях [10]. В том, что все три дела, начатые 13, 21 сентября 2012 г. и 14 февраля 2013 г. и сопровождавшие их аресты, были проведены без уведомления главы правительства премьер-министр Эрдоган усмотрел планомерные действия против своего кабинета, тем более что турецкие биржи отреагировали на них падением основного фондового индекса. Он заявил, что «некоторые круги внутри и за пределами Турции» стремятся помешать быстрому росту страны, и его правительство «не допустит политических заговоров». При этом он расширил предполагаемый список целей «заговорщиков»: «Они также стремятся навредить банкам. Это самое примечательное. Они имеют влияние в Турции, и имеют международные связи» [8].

В организации удара по позициям правительства сторонники Эрдогана обвинили Ф. Гюлена и его движение. В обществе циркулировала информация о намерении правительства начать действия против последователей Гюлена в госструктурах, а также закрыть созданные им многочисленные учебные заведения по подготовке турецких школьников к поступлению в университеты.

Начались массовые увольнения полицейских чинов, проявивших «нелояльность» по отношению к правительству. Как сообщила контролируемая движением Ф. Гюлена газета «Тудейз Заман», от исполнения своих обязанностей были отстранены 400 полицейских из департамента полиции Стамбула. А по всей Турции кадровая чистка затронула более 500 полицейских чинов [8].

Турецкие СМИ, описывая конфликт в верхнем эшелоне власти, постоянно подчеркивали роль внешних сил, в частности США. Слова Эрдогана о том, что лица, стоящие за громким расследованием, стремятся создать «государство в государстве», были восприняты как намек на движение Гюлена, чьи последователи, по утверждениям прессы, пользуются влиянием в полиции и судебной системе. Появились намеки на то, что чистка может также распространиться на турецкие вооруженные силы, в частности на командование жандармерии, на судебную систему [8].

Со своей стороны исламский богослов отверг причастность его движения «Хизмет» к инициированию расследований коррупции в высших эшелонах власти. «Некоторые чиновники,

известные бизнесмены и родственники министров были задержаны в Стамбуле в течение последних двух дней. Обвинения в коррупции, взяточничестве и контрабанде могут быть в любой стране. Именно поэтому существуют независимые судебные органы для их расследования» [9], – говорилось в его заявлении, распространенном через адвоката. Рассуждая о развернувшемся скандале, Гюлен заявил, что сам этот вопрос должен обсуждаться в рамках закона, а о законности можно говорить до тех пор, пока государство и общество борются с коррупцией [9].

Развернувшаяся кампания по чистке рядов полиции от сторонников Гюлена вызвала гнев богослова, категорически отвергающего причастность своего движения к атаке на правительство. Гюлен припомнил своим противникам идею закрыть многочисленные учебные заведения, развернутые его движением в стране и заявил об «асимметричной атаке» на возглавляемое им «Движение Хизмет», подчеркнув, что делается попытка покончить с ним [10]. При этом богослов призвал членов «Движения» к твердости и вере в бога и проклял ответственных за чистку и участвующих в расследовании дел о коррупции.

Эрдоган и его сторонники давно пытаются ограничить влияние сторонников Фетхуллага Гюлена в стране. Особенно выпукло разногласия между ними проявились во время подавления выступлений противников сноса парка Гези в Стамбуле летом 2013 г. Если Эрдоган изначально занял резкую позицию и поддерживал силовой разгон демонстрации, то Гюль и его сторонники в правительстве выступили за переговоры с протестующими. Против силовых методов подавления недовольства выступил и Фетхуллах Гюлен, отметив, что если есть недовольные, то с ними нужен диалог.

* * *

Сползание к исламизму, пусть и умеренному, привело к подрыву всей системы власти внутри страны, на которую опиралась республиканская система. На международной арене были поставлены под вопрос союзнические отношения с Израилем, опустившиеся до небывало низкого уровня, а отношения с США стали переживать один кризис за другим.

Поэтому не стоит исключать и возможность участия в громких разоблачениях сил, для которых как правящая умеренно-ис-

ламистская Партия справедливости и развития, так и не менее умеренное «Движение Фетхуллага Гюлена» представляется опасными как для судеб республики, так и для могущественной в прошлом правящей системы, основанной на идеях и принципах основателя республики Кемаля Ататюрка. Напомним, что операция «Большая взятка» готовилась около года и потребовала значительных усилий со стороны правоохранительных органов.

Представляется, что правящие ряды умеренных исламистов не столь монолитны, как представлялось ранее, а политика Эрдогана привела к ослаблению их рядов.

Литература

1. Пребывание в Костроме Бадиуззамана Саида Нурси.
URL: <http://islam44.com/page-127.html>
2. Деятельность турецкой религиозной секты «Нурджулар».
URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07b.htm>
3. Турецкий гамбит. URL: http://www.turkishculture.ru/makale_1_ru.html
4. Евгений Пожидаев: Несостоявшаяся империя: кто, кому и почему противостоит на турецких улицах?
URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1709543.html
5. Российский эксперт: Заявлениями по Карабаху Турция разговаривает с Азербайджаном.
URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1696166.html
6. Российский эксперт: Заявлениями по Карабаху Турция разговаривает с Азербайджаном.
URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1696166.html
7. Скандальное расследование в Турции затрагивает контакты с Ираном и Россией // Информационное агентство REGNUM, 19 декабря 2013 г. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747365.html (дата обращения: 19.12.2013).
8. В Турции заговорили о политическом заговоре в связи с арестами чиновников и бизнесменов // Информационное агентство REGNUM, 19 декабря 2013 г. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747360.html (дата обращения: 20.12.2013).
9. Исламский богослов опровергает свою причастность к арестам в Турции // Информационное агентство REGNUM, 19 декабря 2013 г. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1747679.html (дата обращения: 19.12.2013).
10. Исламский богослов проклял ответственных за чистку турецкой полиции // Информационное агентство REGNUM, 21 декабря 2013 г. URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/turkey/1748363.html (дата обращения: 21.12.2013).

ПОПОВ П.М.

ВОЕННО-ГРАЖДАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Исследуя современные внутривнутриполитические тенденции и реалии, сложившиеся в Турции, мы не можем оставить без внимания тему военно-гражданских отношений. Отметим, что армия всегда занимала очень сильные позиции в структуре политической организации турецкого общества. На протяжении XX в. гражданские лидеры Турции имели весьма ограниченный контроль над вооружёнными силами (ВС), которые, по сути, стали неформальной главенствующей политической силой, гарантом внутренней стабильности и безопасности. Выступая на страже светских устоев общества, ратая за недопущение политизации ислама, турецкие военные четыре раза открыто вмешивались в политический процесс, отстраняя от руководства неудобные им правительства. В результате Турция пережила два прямых военных переворота (1960, 1980 гг.), оглашение меморандума военного командования (1971 г.), а также постмодернистский переворот 1997 г.

За это время турецкая армия превратилась в ведущий «социально-классовый субъект, который определял направление развития страны» [7]. И одним из важнейших институтов военного влияния стал Совет Национальной Безопасности (СНБ). После событий 1971 г. в Конституцию 1961 г. были внесены поправки, в результате чего решения СНБ получили статус «принудительно-совещательных». И наконец, кульминацией стало принятие нового основного закона страны в 1982 г., который ещё больше расширял функции ВС. В итоге СНБ из органа, «призванного доводить до исполнительной власти позицию военных по

вопросам безопасности и национальной обороны, превратился в высший орган военного контроля над политической администрацией и государственно-политическими процессами в целом» [5].

Однако в начале XXI в. к власти в Турции пришла умеренно-исламистская «Партия справедливости и развития» (ПСР), взявшая курс на глубокие структурные изменения, которые затронули многие сферы турецкого общества. Такие перемены, конечно, не могли не затронуть и военные силы страны, отразиться на их положении в структуре новой государственной власти, взаимоотношениях и механизмах взаимодействия с гражданским руководством Турции. Подобные масштабные преобразования, направленные на превращение турецкого государства в правовое, соответствующее стандартам ЕС, привели сначала к попыткам пересмотра, а после и твёрдым шагам в направлении ограничения политической роли военных структур.

Таким образом, всё десятилетие нового столетия прошло под знаком противостояния «кемалистской» военной элите, пытающейся сохранить свою традиционную роль опекуна гражданского руководства и гаранта светского пути развития, и новой политической элиты, оформившейся после достижения власти ПСР и выступающей за демократические преобразования и самостоятельность. Обратим внимание, что в данной борьбе правящей партии во главе со своим лидером премьер-министром Реджепом Т. Эрдоганом удалось предпринять целый ряд важных последовательных мер, позволивших сегодня однозначно говорить о существенном изменении статуса военных и ослаблении их охранительно — контролирующей роли в обществе.

В целом грамотные шаги нового турецкого руководства стали возможными в условиях благоприятной внутривластной ситуации (сильное однопартийное правительство, успешные результаты выборов, слабость политических оппонентов) на фоне экономических успехов последнего десятилетия («маленькое турецкое экономическое чудо»), а также под действием факторов внешнего порядка (процесс вступления в ЕС). Отметим, что противодействие ВС со стороны политической власти велось сразу по нескольким направлениям и на нескольких уровнях. Мы можем выделить такие, как законодательный (внесение поправок в конституцию и отраслевые законы), судебный (раз-

бирательства по делу «Эргенекона», «Бальоза», «е-меморандума»), институциональный (изменение структуры некоторых военных институтов и механизмов военного влияния), медийный (реакции СМИ), а также международный (критика со стороны комиссии ЕС).

Вместе с тем нельзя однозначно утверждать, что с самого прихода к власти ПСР в 2002 г. ситуация с «военным покровительством» в политической сферы кардинальным образом изменилась. Напротив, на первом этапе военно-гражданские взаимоотношения ещё не вступили в фазу активного открытого противоборства. Высший военный истеблишмент, как и раньше, делал открытые недвусмысленные нападки в адрес умеренных исламистов. Новая правящая партия, получившая 34,28 % голосов избирателей, пока не могла себе позволить сразу пойти на конфликт, хотя делала определённого рода заявления касательно недемократических действий турецких военных. Надо отметить также тот факт, что до 2007 г. президентом оставался А. Н. Сезер, всячески стремившийся сохранять статус-кво во внутригосударственной политике.

С конца 1990-х гг. в политике Турции центральное место занял вопрос о евроинтеграции, которую поддержали и военные, считающие присоединение к зоне Евро закономерным итогом модернизации страны. Вместе с тем именно ВС с их довлеющей ролью в сфере политики, равно как и военные институты, оказывающие прямое влияние на гражданские структуры власти, стали одними из ключевых препятствий на этом пути. Поэтому на фоне возрастающей критики со стороны ЕС армейское командование внешне нейтрально отнеслось к принятию поправок к закону о СНБ и Генеральном секретариате, серьёзно ограничивших их сферу деятельности в 2003 г. К примеру, сокращалось постоянное число военных представителей в Секретариате СНБ. По соглашению с начальником Генштаба генсеком Совета могли избираться гражданские лица; контроль за реализацией решений органа возлагался на вице-преьера [17]. Уже через год на пост генсека был назначен кадровый дипломат М. Алпоган, а впоследствии на эту должность стали назначаться исключительно гражданские лица. Таким образом, СНБ, фактически осуществляющий ранее функции исполнительной власти и «являвшийся, по существу, военным органом, стал для

Совета министров и аппарата премьер-министра структурой консультативного характера» [5].

Однако не нужно полагать, что все изменения подобного рода проходили очень просто. Хотя чисто юридически и ВС были уже ограничены в своей роли «опекуна» политической власти, высший военный истеблишмент ещё сохранял неформальные рычаги и каналы влияния и позволял себе резкие публичные высказывания в адрес действующей власти. При кажущемся внешним спокойствием, внутренняя обстановка, как минимум, сопровождалась напряжённостью, а сами военно-гражданские отношения заметно обострялись. Так, после принятия очередного пакета поправок 2007 г. премьер-министр Р. Эрдоган принял участие в заседании Высшего военного совета, где ощутил решительные атаки и угрозы нового путча со стороны военных. Один из армейских командующих Ч. Доан заявил следующее: «силы, которые не позволят изменений светской формы, будут действовать в унисон. В случае необходимости для достижения целей армия и нация будут действовать рука об руку» [16]. Предполагается, что он таким образом предостерёг руководство ПСР, что однажды оно поплатится за свои действия, несмотря на желание турецкого народа вступить в ЕС.

По мнению турецкого исследователя А. Куру [15, р. 37–57], занимающегося изучением вопросов внутренней политики Турции, события, связанные с президентскими выборами весной 2007 г., стали началом окончательной утраты военными силами способности открыто и беспрепятственно вмешиваться в государственные дела и диктовать свою волю руководству страны. Тогда нежелание военных видеть на президентском посту А. Гюля — человека широких исламистских взглядов и члена правящей ПСР — привело к публикации на сайте Генштаба ультиматума, что вылилось в серьёзный политический кризис.

В частности, в обращении начальника Генштаба Я. Бююкнута говорилось следующее: «За последние дни главной проблемой президентских выборов стали дискуссии относительно светскости. И такая ситуация с озабоченностью наблюдается со стороны ВС. Не следует забывать, что турецкие ВС не являются нейтральной стороной в таких вопросах, поскольку выступают абсолютными защитниками секуляризма. Они, безусловно, против таких дискуссий и однозначно и чётко проявляют своё

отношение и поведение, когда это необходимо. Никто не должен в этом сомневаться» [22, с. 729]. Развернутое заявление было серьёзно воспринято как новая угроза вмешательства военных, адресованная ПСР. Его целью было заставить правительство уйти в отставку или пересмотреть решение ПСР относительно их кандидата в президенты.

Однако правительство во главе с ПСР не отступило перед вызовом военного истеблишмента. Вопреки ожиданиям защитной реакции, кабинет пошёл на совершенно другие меры. Ввиду невозможности избрания нового главы государства, было объявлено о проведении досрочных парламентских выборов, состоявшихся 22 июля 2007 г. и принёсших уверенную победу ПСР, которая получила 46,6 % голосов. После этого успеха в августе того же года А. Гюлю удалось стать президентом. В итоге политический институт президентства, традиционно выступающий на стороне светскости, оказался у формально независимого, но имеющего тесные связи с ПСР и исламистами А. Гюля. Таким образом, решительные действия правительства ознаменовали начало новой эры в военно-гражданских отношениях.

Окончательно укрепившись во власти и заручившись ещё большей поддержкой, ПСР с лета 2007 г. развернула весьма активную кампанию против сохраняющегося статуса военных, характеризующегося неподотчётностью гражданским государственным структурам. И одним из знаковых событий здесь стало начало масштабного судебного разбирательства по делу тайной организации «Эргенекон», которая, предположительно, вела подготовку к новому военному перевороту в Турции. В ходе раскрытия антиправительственного заговора по стране в течение нескольких лет проходили серии арестов, среди которых оказались даже генералы (экс-командующие Х. Толон и Ш. Эруйгур). Подобный прецедент в новейшей истории страны наделал тогда много шума. Сам факт заключения военных под стражу и дальнейшее их привлечение к судебной ответственности, всегда де-факто пользовавшихся иммунитетом от такого рода преследований, показал всем возможности правительства ограничить вседозволенность ВС. Кроме того, непререкаемому авторитету армии был нанесён весьма ощутимый удар.

Но и военные, в свою очередь, предпринимали ответные действия, направленные против ПСР. Так в марте 2008 г. в Турции

произошло также из ряда вон выходящее событие, когда Генеральный прокурор А. Ялчиня подал иск в Конституционный суд с требованием закрыть правящую партию и запретить политическую деятельность сроком на 5 лет 71 политику, включая Р. Эрдогана и А. Гюля. Поводом же стал инициированный ПСР законопроект о допустимости ношения хиджаба (платка) в госучреждениях и вузах, который был рассмотрен Генпрокуратурой «на основании фактов, свидетельствующих о том, что эта политическая организация стала центром действий против светских устоев государства» [1]. Закрытия партии вряд ли можно было ожидать в тогдашних условиях, хотя было очевидно, кто именно стоял за такого рода исковыми требованиями. Поэтому ПСР ограничилась лишь сокращением госфинансирования своей деятельности на 50 %.

А в начале 2010 г. был дан старт ещё одному не менее скандальному судебному разбирательству в отношении военных по делу «Бальоза» («план Кувалда»). Все началось после публикации в январе 2010 г. в издании, близком к правящей партии серии материалов и документов, в которых раскрывались подробности готовящихся военными провокационных акций, взрывов, направленных на дестабилизацию внутренней ситуации в стране, введение чрезвычайного положения, отстранения от руководства ПСР и дальнейший захват власти. В ходе начавшегося расследования по делу очередного заговора, целью которого должен был стать государственный переворот, в течение нескольких лет арестам подверглась не одна сотня подозреваемых, среди которых оказались не только отставные, но и действующие военные высокого ранга. Среди прочих под стражу были заключены отставные начальники ВВС и ВМС И. Фыртына и О. Орнек, а также полевой генерал Д. Четин.

На фоне разбирательств по делу «Эргенекона» и «Бальоза» в сентябре 2010 г. состоялось ещё одно важное для страны событие – конституционный референдум. Принятый пакет конституционных поправок ещё в большей степени ограничивал общественную и политическую роль военных. Так, «впервые в истории республики предусматривалось установление в отношении военнослужащих юрисдикции гражданских судов при совершении ими преступлений против безопасности государства и конституционного строя» [10]. Кроме того, были отме-

нены самые недемократические статьи о юридической защите и неприкосновенности организаторов военного переворота 1980 г., а также подсудности высшего военного командования, что открывало дорогу для их уголовного преследования за антиправительственную деятельность.

Но на фоне судебных процессов, окончательно дискредитировавших военных, одобрения референдума со стороны Европы и Запада, турецкие ВС уже ничего не могли противопоставить гражданским властям. Тогда же, в 2011 г., в результате усилившихся разногласий с правительством, высшее военное командование Турции (начальник Генштаба И. Кошанер, командующие сухопутными войсками, ВВС и ВМФЭ, Джейланоглу, У. Йыгыт и Х. Аксай) добровольно сложило с себя полномочия, уйдя в отставку. После отмеченных событий, новым командующим армии был назначен начальник Жандармерии Н. Озел, характеризующийся как человек более либеральных взглядов. В ходе своих публичных выступлений он неоднократно высказывал мысль о том, что «военные должны оставаться вне политики и действовать в рамках закона и установленных правил» [18]. И действительно, «чистка старых армейских кадров» и назначение лояльных военных на ключевые позиции позволило правительству добиться либерализации военной элиты и тем самым устранить напряжённость в военно-гражданских отношениях.

А 2012–2013 гг. ознаменовались окончанием судебных разбирательств и вынесением различного рода обвинительных актов по на шумевшим делам о предполагаемом военном перевороте «Бальоз» и тайной организации «Эргенекон». Так, 21 сентября 10-й Высший уголовный суд Стамбула вынес своё решение по делу «Бальоз», по которому 36 человек были признаны невиновными, а остальные 325 обвиняемых были осуждены и получили различные сроки — от 1 года до 20 лет. «Бывший командующий первой полевой армии генерал Ч. Доган, бывший командующий ВМС Турции адмирал О. Орнек и бывший командующий ВВС И. Фыртына получили по 20 лет тюремного заключения» [9]. А летом 2013 г. случилась развязка в деле «Эргенекона». «Всего по делу прошло больше четырёх сотен человек, 275 из них — предъявлено обвинение, оправдан — 21 человек, ещё 16 выпущены на свободу в связи с отбытием наказания во время пре-

бывания под следствием» [3]. Ранее взятый под стражу экс-начальник Генштаба ВС Турции И. Башбуг получил наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Говоря в целом об отмеченных выше судебных разбирательствах, основательно затронувших турецких военных и оказавших прямое влияние на их непогрешимый идеализированный образ защитников государства, невозможно однозначно ответить: существовала ли не самом деле теневая организация и проводилась ли подготовка к очередному военному перевороту в Турции? Наряду с мнением о том, что все представленные судом факты происходили в действительности и со стороны военных исходила реальная угроза вмешательства в дела гражданского правительства, есть версия и о банальной показательной порке военных, так называемой «охоте на ведьм», сфабрикованной правящей ПСР. В пользу того, что раскрытие данных дел является не больше чем политической уловкой, инициированной ПСР (и, конечно, всячески отрицаемой её руководством) с целью устранения своих главных противников – военных, говорят несколько моментов. К примеру, неясность и противоречивость судебных исков; неубедительность обвинительных актов; отсутствие прямых доказательств; отказ судебных инстанций заслушивать важных свидетелей, способных подтвердить невиновность заключенных; необоснованно завышенные сроки тюремного заключения и т.д.

И, наконец, последним на сегодняшний день законодательным изменением, наглядно характеризующим состояние военно-гражданских отношений, стала редакция одного из основополагающих военную деятельность актов «О внутренней службе Турецких Вооруженных Сил» в июле 2013 г. В новом виде доселе достаточно расплывчатая и неограниченная никакими рамками обязанность ВС «следить и защищать Турецкую Республику» [20], приняла вполне конкретный законченный вид – «защищать турецкий народ от внешних опасностей и угроз» [21], что полностью исключило возможности законного участия армии в процессе государственного управления. Кроме того, подверглась редакции 43 статья, которая теперь гласит, что «представители ВС не могут заниматься политической деятельностью». Ранее в ней говорилось, что ВС Турции, помимо того, что находятся вне политики, стоят выше неё, то есть фактически армия

признавалась в качестве института, давящего над политической сферой.

Как мы уже отмечали, в деле противостояния турецких ВС и умеренных исламистов далеко не последнюю роль сыграли СМИ, так или иначе формирующие процессы в обществе. Для Турции с её поляризованным обществом всегда было характерно наличие разнонаправленных СМИ, тяготеющих к тем или иным политическим силам, социальным группам. Это обусловлено тем, что в Турции, наряду с государственными СМИ, существуют вполне независимые частные медиа-холдинги (мы не говорим о сохранении определённого уровня цензуры, наличии табуированных и «нежелательных» тем), которые оценивают различные ситуации, а также преподносят события с позиций тех, кого они представляют или к кому они идеологически тяготеют.

Говоря о всём разнообразии СМИ Турции, отметим, что весомая их доля находится в тесном взаимодействии с действующей властью. И обличение военной вседозволенности и даже преступности не стала исключением для турецких СМИ близких к ПСР. Среди наиболее известных периодических изданий можно выделить следующие: «Ени Шафак», «Акит», «Сабах», «Таквим», «Акшам», «Милли Газете» и т.д. Нужно сказать, что в деле демократизации общественно-политической жизни страны и «вытеснения» военных с политической авансены, правительство удачно прибегло к медийным рычагам давления, намерено включая «нужные» СМИ в сферу своих интересов. Так, зять премьер-министра Р. Эрдогана Берат Албайрак является генеральным директором медиа-холдинга «Чалык», который объединяет такие газеты как «Сабах» (главное проправительственное издание), «Таквим» и телеканал ATV, ставшие важным рупором гражданских властей, направленным против военного истеблишмента.

Во время многочисленных арестов высокопоставленных военных ПСР всячески стремилась усиливать свои позиции не только в структурах государственной власти, но и СМИ. Помимо проправительственных телеканалов, газет и журналов, в поддержку правящей партии действовало множество периодических изданий, новостных порталов, радио и телеканалов, входящих в медиа-холдинг исламского общественного деятеля

Ф. Гюлена, живущего в США и оказавшему Эрдогану колоссальную помощь в борьбе с военным истеблишментом. Всё медиапространство моментально заполнялось немислимым множеством подробностей, деталей об обвинениях, инкриминируемых генералам и т.д. «Основная пропаганда была направлена на следующее: в недрах государства существует организованная и действующая в качестве “государства в государстве” террористическая организация “Эргенекон”, во главе которой стоят руководители ВС, политики и бизнесмены. И именно эта организация является основным препятствием на пути реформ и развития в Турции» [4].

Характеризуя сегодняшнее состояние военно-гражданских отношений в стране, в свете многочисленных событий последнего десятилетия мы можем с уверенностью говорить о том, что в Турции завершается переход к системе, для которой характерно строжайшее разделение и разграничение функций и полномочий между военной и политической сферами. Несмотря на то, что «в целом происходящее противостояние между военными и гражданской властью стало столкновением двух идеологий и ценностно-ориентационных систем турецкого социума – традиционного кемализма и консерватизма» [5] правительству ПСР удалось сделать почти невозможное. Помимо изменения конституционально-институционального статуса военных структур, а также приведения его в соответствие со стандартами развитого западного общества, власти Турции смогли сломить и незыблемый культ ВС Турции в качестве надполитического охранительного института, действующего в отношении всякого неугодного правительства, что привело сегодня к фактическому превращению армии в послушный и подконтрольный инструмент самой государственной власти.

Но, тем не менее, оценивая место и роль ВС в Турции, не следует сразу забывать, что военные здесь никогда не были простым инструментом политики, поставленным на службу гражданского руководства и начисто лишенным своих интересов. И даже сегодня, будучи «загнанными обратно в казармы», военные остаются особой группой интересов, самодовлеющей корпорацией, которая потенциально может вмешаться в политику, из которой ещё совсем недавно была решительно удалена. Надо полагать, что руководство страны прекрасно это понимает, осо-

бенно в свете последних негативных событий, всколыхнувших Турцию, таких как массовые акции протеста летом 2013 г., а также коррупционные скандалы в начале 2014 г. Поэтому правительство ПСР пытается следовать сбалансированному курсу в отношении турецких военнослужащих. Таким образом, ещё недавно, действуя в качестве самостоятельного политического актора, на сегодняшний день ВС и армия в целом стали важным объектом политики.

В настоящее время продолжается реализация множества военно—промышленных программ и мероприятий, направленных на строительство и развитие ВС Турции. Руководство страны долгое время стремившееся «обуздать» армию, вынести её за пределы политической сферы, сегодня продолжает курс, направленный на превращение ВС в современный действенный механизм защиты страны от внешних угроз и обеспечения её национальных интересов в регионе. Исходя из этого, отметим, что ещё в 2009—2011 гг. было принято несколько важных документов, касающихся развития военной отрасли Турции. Среди них: Стратегический план на 2012—2016 гг. [14], Стратегия управления технологиями 2011—2016 гг. [19], Отраслевой стратегический документ по оборонной промышленности 200—2016 гг. [13], конкретизирующие программы военно—промышленного строительства. Главной целью такого рода документов является «совершенствование национального ВПК с тем, чтобы он был способен конкурировать с мировыми экспортёрами продукции военного назначения, а также повышение уровня оперативных и боевых возможностей формирований ВС» [8, с. 13—22] и т.д.

Совершенствование ВПК сегодня осуществляется по нескольким направлениям. Реализуются программы по созданию и принятию на вооружение новых образцов военной техники, модернизации уже имеющихся единиц. Боевые возможности формирований ВС повышаются путём изменений организационно—штатной структуры подразделений, а также за счёт повышения их мобильности. Из года в год турецкое руководство увеличивает военные расходы. Так, 27 декабря 2013 г. ВНСТ утвердило увеличение военного бюджета страны на 6,71 %, по сравнению с прошлым годом. Если «в 2013 году военные расходы составили 13,317 млрд долл., то в 2014 году они достигнут 14,212 млрд долл.» [12], что составит 3,7 % в структуре госбюд—

жета страны. По бюджетным ассигнованиям на военные нужды Турция уверенно входит в первую двадцатку стран мира. И, несмотря на ранее напряжённые военно-гражданские отношения, ВС продолжают оставаться важным направлением государственной политики. И деятельность правительства вполне логично направлена на превращение армии в высокопрофессиональный рычаг защиты интересов Турции.

На наш взгляд, есть ещё один весьма интересный момент, представляющий турецкие власти действовать на благо ВС сегодня. За последние полтора года наблюдается серьёзный разлад между Р. Эрдоганом и лидером движения «Хизмет» Ф. Гюленом, фактически финансировавшим все кампании ПСР и оказывающим медийную поддержку (известная происламская газета «Заман»). 72-летний бывший имам «в последнее время почти открыто критикует автократические замашки премьер-министра и нередко называет его в своих проповедях «фараоном» [11]. Хотя относительно истинных мотивов начавшейся вражды ничего неизвестно, правительство ПСР причисляет «Хизмет» (представляющую ныне нечто среднее между влиятельнейшим мусульманским орденом и крупной ТНК) и её сторонников к «теневому или глубинному государству».

В подобных условиях назревающего кризиса власти, потери авторитета и сторонников Р. Эрдогану оставалось только «скрепить свои политические узы со своими бывшими врагами и противниками. И опальная военная элита — лучший союзник в битве с нурсистской ордой Гюлена» [6]. В самом начале 2014 г. Эрдоган заговорил о возможности повторного судебного разбирательства по делу военных, осуждённых по подозрению в подготовке к перевороту, а уже в начале марта из тюрем вышли и продолжают выходить многие видные отставные турецкие военные, в том числе И. Башбуг. Высказываются мнения, что ПСР таким образом пытается заручиться поддержкой военных и подготовить плацдарм для политического возрождения «узников Эргенекона», тем самым сохранив свою власть в стране. «Вероятно, что принимая решение об освобождении высокопоставленных офицеров турецкой армии, правящая партия страны рассчитывала сразу на двойной успех: использовать жаждущих мести генералов в тотальной борьбе против движения Гюлена и заработать дополнительные очки в преддверии выборов в местные органы власти» [2].

Таким образом, подводя итог, скажем, что за более чем десятилетний период руководства страной умеренно исламистская «Партия справедливости и развития» и её бессменный лидер премьер-министр Р.Т. Эрдоган сделали неимоверно много для современной Турции. Одной из важнейших заслуг, безусловно, признаётся ограничение политической роли военных, которые на протяжении всей республиканской истории страны по своему усмотрению смещали действующую гражданскую власть, чувствуя свою всесильность и безнаказанность. В деле противостояния военным структурам действующее правительство привлекло все свои силы, способности, мастерство, связи и сторонников, используя в данной борьбе, наряду с традиционными и современные неформальные каналы, тем самым получив возможность выйти безоговорочным победителем.

Сегодня мы наблюдаем, что армия из одного из влиятельнейших политических акторов Турции перешла в разряд важных объектов политики, в отношении которого нужно предпринимать весьма осторожные и продуманные действия. И турецкие власти стараются действовать в положительном ключе, стремясь превратить армию в хорошо оснащённый и сугубо профессиональный аполитичный механизм защиты турецкой нации от внешних угроз и отстаивания национальных интересов Турции в регионе. С другой стороны, в свете обострившейся внутриполитической ситуации накануне мартовских выборов для партии власти чрезвычайно важно как никогда восстановить лояльность ВС, и объединившись готовиться к борьбе с более мощным врагом в лице Ф. Гюлена, управляющим «параллельной Турцией».

Литература

1. *Гурьев А.А.* Правящая в Турции партия под угрозой закрытия. URL: <http://www.godon.org> (дата обращения: 07.10.2012).
2. *Алекперов Д.* «Эргенекон»: возрождение легенды, или почему Эрдоган выпустил из тюрьмы военных. URL: <http://1news.az/authors/130/20140317034609155.html> (дата обращения: 01.03.2013).
3. Дело «Эргенекон», или Расправа над янычарами. URL: <http://www.pravda.ru/> (электронный ресурс: 01.02.2014).
4. *Расуладзе З.Л.* Добьёт ли Запад Эрдогана. URL: <http://www.politrus.com/> (дата обращения: 13.03.2014).

5. *Овсепян Л.* Реформы Совета национальной безопасности Турции в контексте демократических преобразований.
URL: <http://www.riss.ru> (дата обращения: 07.10.2012).
6. *Мамедов Ф.* Врагов Фатхуллага Гюлена обращают в друзья Эрдогана.
URL: <http://haqqin.az> (дата обращения: 01.03.2013).
7. Новая армия нового турецкого режима.
URL: <http://www.newsland.ru> (дата обращения: 12.09.2012).
8. *Ткаченко О., Черков В.* Основные направления строительства вооружённых сил Турции // Зарубежное военное обозрение. № 12, 2013.
9. Приговор по делу «Бальоз». URL: <http://www.rusorient.ru/> (дата обращения: 11.03.2014).
10. Роль армии в политической жизни Турции. URL: <http://mgimotc.com> (дата обращения: 27.10.2012)/
11. *Мануков С.* Большая взятка. URL: <http://expert.ru/> (дата обращения: 01.03.2013).
12. Турция увеличивает военные расходы.
URL: <http://www.epochtimes.ru/> (дата обращения: 01.03.2013).
13. 2009–2016 Savunma Sanayii Sektörel Strateji Dokümanı.
URL: <http://www.ssm.gov.tr/> (дата обращения: 01.03.2013).
14. 2012–2016 Stratejik Plan. URL: <http://www.ssm.gov.tr/> (дата обращения: 01.03.2013).
15. *Kuru A. T.* The rise and fall of military tutelage in Turkey: fears of Islamism, Kurdism and communism // Insight Turkey. Vol. 14. № 2. 2012. P. 37–57.
16. *Leicht J.* Turkey: Reform limits some military powers. URL: <https://www.wsws.org> (дата обращения: 05.03.2014).
17. MGK ve MGK Genel Sekreterliği Kanunu. URL: <http://www.mgk.gov.tr/> (дата обращения: 05.03.2014).
18. Profile of Necdet Özel: An army man with strong democratic credentials.
URL: <http://www.todayszaman.com> (дата обращения: 18.10.2012).
19. Teknoloji Yönetimi Stratejisi 2011–2016. URL: <http://www.ssm.gov.tr/> (дата обращения: 01.03.2013).
20. Türk silahlı kuvvetleri iç hizmet kanunu. URL: <http://www.sorgulatr.com/> (дата обращения: 01.03.2013).
21. Türk silahlı kuvvetleri iç hizmet kanunu. URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/> (дата обращения: 01.03.2013).
22. *Ural A.* Results of the April 27, 2007 Turkish military's e-memorandum // Interdisciplinary journal of contemporary research in business. Vol. 4. № 8. 2012. P. 727–737.

СВИСТУНОВА И.А.

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИРАКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время в политике Турции на иракском направлении выделяются две разнонаправленных тенденции. С одной стороны, Анкара пытается нормализовать отношения с центральными властями в Багдаде, осложнившиеся в последние два года, и вывести турецко-иракское сотрудничество на новый уровень. С другой стороны, продолжается активное развитие экономических связей Турции с курдской автономией, в первую очередь в сфере энергетики, которая служит основной причиной конфликтов между Эрбилем и федеральным правительством Ирака, а также является источником напряжённости между Анкарой и Багдадом.

На протяжении многих лет отношения с Ираком остаются одним из ключевых направлений внешней политики Турции на Ближнем Востоке, актуальность которого не снизил даже сирийский кризис. Внимание Анкары к иракскому направлению определяется целым комплексом причин политического, экономического и военного характера. Важнейшие события и тенденции турецко-иракских отношений конца 2013 г. – начала 2014 г. связаны с подходами Анкары к взаимодействию с двумя «центрами силы» современного Ирака – федеральным правительством в Багдаде и руководством Курдского автономного района (КАР).

В программе внешней политики Турции на 2014 г. выделены следующие приоритеты Анкары на иракском направлении:

- обеспечение безопасности, стабильности, территориальной целостности и политического единства Ирака;

- мирное сосуществование различных этнических и конфессиональных групп иракского общества;
- совместное участие всех этно-конфессиональных групп в государственном управлении и эксплуатации природных ресурсов Ирака;
- реинтеграция Ирака в региональную подсистему международных отношений и в мировое сообщество [2, с. 73–74].

Турция заявляет о намерении установить с Ираком отношения «долгосрочного стратегического партнёрства» и развивать связи со всеми группами иракского общества, не отдавая приоритета ни одной из них. В то же время турецкое руководство сохраняет внимание к положению иракских туркоманов (туркменов), рассчитывая на повышение уровня их политического представительства во властных структурах Ирака. Анкара по-прежнему настойчиво призывает Багдад и Эрбиль к противодействию деятельности боевиков РПК. Особое значение Турция придаёт сотрудничеству с Ираком в сфере энергетики и рассчитывает, что основной маршрут транспортировки иракской нефти и газа на мировые рынки пройдёт через турецкую территорию [2, с. 74–76].

Вместе с тем к концу 2013 г. Турция подошла с грузом накопленных проблем в отношениях с Багдадом, особенно омрачавшим турецко-иракские отношения на протяжении последних двух лет.

События «арабской весны» и вывод из Ирака армии США (в конце 2011 г.) сыграли роль катализаторов политического конфликта между Анкарой и Багдадом. Турция и Ирак заняли различные позиции в отношении волнений в соседней Сирии, что способствовало росту взаимного недовольства и недоверия. В то же время Турция оказалась вовлечена во внутривосточные конфликты в Ираке, обострившиеся после ухода американских военных, присутствие которых оказывало сдерживающий эффект на противостоящие этнические и конфессиональные группы. Анкара выступила на стороне иракских суннитов в их конфликте с премьер-министром шиитом Н. Малики и, несмотря на возражения Багдада, начала официальное сотрудничество с иракскими курдами в сфере энергетики. В итоге отношения между руководством двух стран оказались в состоянии кризиса,

сопровождавшегося обменом резкими заявлениями, обвинениями и даже угрозами.

Во второй половине 2013 г. наметилась тенденция к смягчению напряжённости в турецко-иракских отношениях, одной из причин которой стала общая озабоченность двух стран ситуацией в Сирии. Турция и Ирак столкнулись с проблемами безопасности, связанными с деятельностью на сирийской территории исламских радикалов. Вакуум власти на севере Сирии и слабая охрана сирийско-иракской границы привели к распространению на территорию Ирака вооружённых столкновений между сирийскими курдами и боевиками радикальных группировок. Одновременно боевики взяли под свой контроль районы, расположенные недалеко от турецко-сирийской границы, что вызывало беспокойство в Анкаре. Кроме того, в Турцию и в Ирак устремился массовый поток беженцев из числа сирийских курдов.

Наряду с угрозами безопасности можно выделить следующие причины, побуждающие Анкару стремиться к восстановлению отношений с Багдадом и укреплению своего влияния в Ираке:

1. Неустойчивость внутривнутриполитической ситуации в Ираке, которая характеризуется ростом этно-конфессиональной напряжённости и проявлений терроризма.
2. Необходимость «легитимизации» энергетического сотрудничества между Анкарой и КАР, вызывающего острое недовольство Багдада.
3. Стремление восстановить региональный имидж Турции как «нейтральной» силы, которая придерживается принципов равноудалённости и сотрудничества со всеми группами иракского общества, избегая втягивания в этно-конфессиональные конфликты.
4. Конкуренция с Ираном, влияние которого на Багдад усилилось после вывода из Ирака американских войск.

Во второй половине 2013 г. интенсифицировались политические контакты между Турцией и Ираком, фактически «замороженные» на протяжении 2012 г.

В начале сентября 2013 г. в Турции побывала делегация иракских парламентариев во главе с председателем парламента У. Нуджейфи. В конце сентября президент Турции А. Гюль встретился с вице-президентом Ирака Х. Хузаи «на полях» 68-й

сессии Генассамблеи ООН. В ходе переговоров стороны высказывались за преодоление кризиса в двусторонних отношениях.

22 октября 2013 г. Багдад посетил председатель Комитета по международным делам ВНСТ В. Бозкыр, передавший премьер-министру Н. Малики приглашение Р.Т. Эрдогана посетить Анкару.

24–25 октября 2013 г. состоялся визит в Анкару министра иностранных дел Ирака Х. Зибари. На пресс-конференции по итогам переговоров было заявлено, что Турция и Ирак являются странами, более других подверженных влиянию сирийского кризиса. В этой связи стороны приняли решение о создании механизма консультаций по сирийской проблеме на уровне заместителей министров иностранных дел.

Было также объявлено о намерении возродить деятельность турецко-иракского Совета сотрудничества высокого уровня и активизировать все направления двусторонних отношений, по словам министра иностранных дел Турции А. Давутоглу, «в последнее время переживающих застой, вызванный конъюнктурными причинами». В качестве сфер сотрудничества, требующих приоритетного внимания, были названы транспорт, энергетика, экономика, торговля, сельское хозяйство и здравоохранение [11].

В свою очередь Х. Зибари отметил, что отношения двух стран переживали сложный период в течение последних двух лет, но «настала пора открыть новую страницу». По словам иракского министра, Ирак и Турция могут иметь разные взгляды по некоторым вопросам, но между ними не существует неразрешимых проблем [11].

Продолжение дипломатического диалога между двумя странами не заставило себя ждать. 10–11 ноября 2013 г. Ирак с ответным визитом посетил министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, заявивший о планах Анкары по реализации проектов, способствующих «дальнейшей интеграции» двух стран. В частности, речь шла об открытии новых таможенных пунктов, увеличении количества авиарейсов, развитии железнодорожно-го сообщения между Турцией и Ираком [3].

В конце ноября в Багдаде находился председатель турецкого парламента Д. Чичек, который был принят иракским премьером Н. Малики. В начале декабря в Анкаре состоялись консультации заместителей министров иностранных дел Турции

и Ирака. В феврале 2014 г. Анкару посетил председатель иракского парламента У. Нуджейфи. На повестке дня стоит визит в Турцию иракского премьер-министра Н. Малики, изначально планировавшийся на конец декабря 2013 г., но впоследствии отложенный, по сообщению А. Давутоглу, в связи произошедшими в Ираке терактами и началом предвыборного периода в этой стране [4].

Таким образом, в настоящее время в политике Турции на иракском направлении выделяются две разнонаправленных тенденции. С одной стороны, Турция пытается нормализовать отношения с центральными властями в Багдаде и вывести турецко-иракское взаимодействие на новый уровень. С другой стороны, продолжается углубление экономических связей Турции с курдской автономией, в первую очередь в сфере энергетики, которая служит основным источником противоречий между Эрбилем и Багдадом, объявившим незаконными контракты КАР с иностранными компаниями, заключённые без одобрения федерального центра.

Между тем Анкара и Эрбиль еще в мае 2012 г. подписали соглашение о нефтяном сотрудничестве, в соответствии с которым курды начали экспортировать в Турцию сырую нефть в автоцистернах [13].

Вслед за этим, несмотря на возражения Багдада, началось строительство неподконтрольного Багдаду нефтепровода, идущего от месторождений КАР на территорию Турции и примыкающего к одной из двух веток действующего ирако-турецкого нефтепровода Киркук – Джейхан.

Как отмечалось, отношения Анкары и Багдада были напряженными с самого начала 2012 г. Энергетическое сотрудничество Турции с КАР послужило дополнительным фактором – раздражителем, вызывавшим «мини-кризисы» в турецко-иракских отношениях. В частности, в декабре 2012 г. иракские власти закрыли воздушное пространство страны для самолёта министра энергетики Турции Т. Йылдыза, направлявшегося в г. Эрбиль на конференцию по нефтегазовой проблематике, где он должен был выступить с речью. Вылетевший из Стамбула самолёт турецкого министра был вынужден совершить посадку в г. Кайсери, так и не получив разрешения на вхождение в воздушное пространство Ирака.

Начало процесса восстановления отношений между Турцией и Ираком принесло с собой надежду на урегулирование проблемы энергетического сотрудничества. На встрече Р.Т. Эрдогана с президентом КАР М. Барзани, состоявшейся в середине ноября 2013 г., обсуждался вопрос о поставках нефти иракского Курдистана на мировые рынки через территорию Турции. Встреча носила знаковый характер, поскольку проходила на юго-востоке Турции в населённой курдами провинции Диярбакыр, которую лидер иракских курдов посетил впервые за долгие годы.

26 октября 2013 г. (на следующий день после упоминавшегося визита в Турцию Х. Зибари, в ходе которого стороны выразили решимость нормализовать отношения) в Анкару прибыл премьер-министр КАР Н. Барзани в сопровождении министра природных ресурсов КАР А. Хаврами. Состоялось подписание нескольких соглашений в сфере нефтегазового сотрудничества между Турцией и руководством курдской автономии. Вступление в силу договорённостей, содержание которых не разглашалось, было отложено до согласования с Багдадом.

Вместе с тем развитие энергетического сотрудничества Анкары с Эрбилем получило неоднозначную оценку турецких экспертов. Известный политолог Сами Кохен, задаваясь вопросом о том, что будет, если правительство Н. Малики не согласится одобрить сделку, выразил мнение, что «турецкой дипломатии следует занимать нейтральную позицию и содействовать достижению согласия между Багдадом и Эрбилем» [6]. Обозреватель турецкой газеты «Миллиет» Нихат Али Озджан обратил внимание на ситуацию «вынужденного стратегического партнёрства» и взаимной зависимости, в которую ставит Анкару и Эрбиль создание нефтепровода. Турецкий политолог отметил, что в таких условиях сторонам придётся закрывать глаза на некоторые проблемы в своих отношениях [7].

Следует отметить, что тесные связи между Анкарой и Эрбилем формируются не только в сфере энергетики. Стагнация политических контактов между Ираком и Турцией, наблюдавшаяся в течение последних двух лет, не отразилась на объёме их торгово-экономического сотрудничества, который стабильно рос, достигнув отметки 12 млрд долл. в 2013 г. [12]. Особенностью экономического измерения турецко-иракских отношений служит тот факт, что более 70 % торгового оборота приходится

на долю сотрудничества между Турцией и КАР. На территории курдской автономии ведут деятельность 1 150 турецких компаний, что составляет более половины всех иностранных фирм в регионе [2, с. 75]. Более 30 000 турецких граждан работают в КАР, в первую очередь в сфере строительства [2, с. 75]. Таким образом, экономическая взаимозависимость между Турцией и курдской автономией всё более углубляется.

Стремясь прийти к договорённости с Багдадом, объявившим самостоятельную деятельность КАР в сфере торговли природными ресурсами незаконной, министр энергетики Турции Т. Йылдыз в начале декабря 2013 г. обсудил с руководством Ирака и курдской автономии идею создания трёхстороннего механизма (Анкара – Багдад – Эрбиль) с целью регулирования вопросов турецко-иракского нефтяного сотрудничества. К согласию прийти не удалось, поскольку Багдад не был готов признавать КАР равной стороной в вопросе управления нефтегазовыми ресурсами Ирака.

Несмотря на отсутствие санкции центрального правительства, в январе 2014 г. начались поставки нефти из КАР в Турцию по новому нефтепроводу, объём которых планируется довести до 10–12 млн баррелей в месяц к концу 2014 г. [5]. Для управления продажей нефти в курдской автономии была создана Курдистанская компания по торговле нефтью (КОМО), независимая от Иракской государственной компании по торговле нефтью (СОМО). Турецкие власти заявили, что курдистанская нефть не будет поставляться на европейские рынки без согласия Багдада, но будет накапливаться в хранилищах на территории Турции.

Правительство Ирака в знак протеста против действий Анкары с 1 марта 2014 г. приостановило поставки нефти в Турцию по нефтепроводу Киркук – Джейхан. К урегулированию «нефтяного конфликта» между правительством Ирака и иракскими курдами подключились США, призвав стороны к достижению соглашения и заявив о готовности содействовать его реализации [9; 10].

В конце марта между Багдадом и Эрбилем было достигнуто временное компромиссное соглашение, призванное вывести ситуацию из тупика. Правительство Ирака дало курдской автономии временное разрешение на поставку в Турцию нефти по ирако-турецкому нефтепроводу в объёме 100 000 баррелей в день и продажу её на мировом рынке, начиная с 1 апреля 2014 г. [1].

В свою очередь руководство КАР также временно согласилось на осуществление данных операций через Иракскую государственную компанию по торговле нефтью (СОМО).

Очевидно, что до тех пор, пока вопрос не получит окончательного урегулирования, он будет служить потенциальным источником напряжённости в отношениях между Анкарой и Багдадом. Актуальность проблемы повышается в связи с планами по строительству к концу 2016 г. газопровода из иракского Курдистана в Турцию.

Развивая нефтегазовое сотрудничество с курдской автономией, Турция оказывается перед сложной задачей поиска баланса между своими энергетическими интересами и провозглашёнными приоритетами сохранения конструктивных связей со всеми этно-конфессиональными группами иракского общества и обеспечения их прав на совместное использование природных ресурсов.

Наряду с этим Анкара заинтересована в продолжении и расширении энергетического сотрудничества с Багдадом, после запуска турецко-курдского нефтепровода заявившим о рассмотрении альтернативных турецкому маршруту вариантов транспортировки иракских энергоносителей на мировые рынки. Речь идёт о перспективах восстановления ирако-сирийского нефтепровода Киркук – Баньяс и ирако-израильского нефтепровода Киркук – Хайфа [8].

Геополитические реалии ситуации на Ближнем Востоке активно делают турецкий вариант наиболее приемлемым маршрутом углеводородного экспорта для Ирака, экономическое развитие которого зависит от роста продажи природных ресурсов. Однако потенциальная возможность развития данных направлений экспорта иракских энергоносителей не отвечает интересам Турции, поставившей перед собой долгосрочную цель превращения в «энергетический хаб» между Европой и Азией. Очевидно, что Анкара не откажется от данной стратегической цели, и в этой связи, как представляется, важнейшей задачей турецкой политики в отношении Ирака в предстоящий период станет поиск взаимоприемлемой устойчивой формулы энергетического сотрудничества с Багдадом и Эрбилем.

Литература

1. Турция призывает Багдад договориться по Киркук Джейхан. 01.04.2014.
URL: http://kurdistan.ru/2014/04/01/news-21042_Turciya_prizyvaet_Ba.html
2. *Davutoğlu A.* 2014 Yılına Girenken Dış Politikamız.
URL:http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2014-yilina-girenken-dis-politikamiz.pdf
3. Dışişleri Bakanı Davutoğlu Irak'ta "İlişkilerde ve işbirliğinde sınır tanımıyoruz".
URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-davutoglu-irak_ta_iliiskilerde-ve-isbirliginde-sinir-tanimiyoruz.tr.mfa
4. Dışişleri Bakanı Sayın Ahmet Davutoğlu'nun A Haber Ankara Temsilcisi Murat Akgün'e Verdikleri Özel Mülakat, 9 Şubat 2014, Karaman.
URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-a-haber-ankara-temsilcisi-murat-akgun_e-verdikleri-ozel-mulakat_-9-subat-2014_-kara.tr.mfa
5. *Erdil, Merve. K.* Irak'tan dünyaya 100 milyon varil petrol. Hürriyet gazetesi. 12.01.2014.
URL: <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/25536797.asp>
6. *Kohen, Sami.* Bağdat'sız olur mu? Milliyet gazetesi. 30.11.2013.
URL: <http://dunya.milliyet.com.tr/bagdat-siz-olur-mu-/dunya/ydetay/1800120/default.htm>
7. *Özcan, Nihat Ali.* Boru hattı ve ötesi. Milliyet gazetesi. 29.11.2013.
URL:<http://siyaset.milliyet.com.tr/boru-hatti-ve-otesi/siyaset/ydetay/1799495/default.htm>
8. Petrolde by-pass hamlesi. Yeni Şafak gazetesi. 13 Ocak 2014.
URL:<http://yenisafak.com.tr/ekonomi-haber/petrolde-by-pass-hamlesi-14.01.2014-606592>
9. Readout of the Vice President's Call with President of the Iraqi Kurdistan Region Masoud Barzani. The White House. March 20, 2014.
URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/20/readout-vice-president-s-call-president-iraqi-kurdistan-region-masoud-ba>
10. Readout of the Vice President's Call with Iraqi Prime Minister of Nouri al-Maliki. The White House. March 20, 2014.
URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/20/readout-vice-president-s-call-iraqi-prime-minister-nouri-al-maliki>
11. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanı Ahmet Davutoğlu'nun Irak Dışişleri Bakanı Hoşyar Zebari İle Yaptığı Ortak Basın Toplantısı, 25 Ekim 2013, Ankara.
URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-irak-disisleri-bakani-hosyar-zebari-ile-ortak-basin-toplantisi_-25-ekim-2013_-ankara.tr.mfa
12. Türkiye Cumhuriyeti Ekonomi Bakanlığı. Ülkelere Göre Dış Ticaret.
URL: <http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=7155BE01-D8D3-8566-45208351967592CF>
13. Türkiye, Kuzey Irak'tan petrol ithalatına başladı. Milliyet gazetesi. 26.07.2012.
URL:<http://ekonomi.milliyet.com.tr/turkiye-kuzey-irak-tan-petrol-ithalatina-basladi/ekonomi/ekonomidetay/26.07.2012/1572282/default.htm>

ТИМОФЕЕВ П.П.

ПОЗИЦИЯ ЕС ПО ВОПРОСУ ПРИНЯТИЯ ТУРЦИИ В СОЮЗ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

«Столетняя мечта» и её итоги

Проблема вхождения Турции в ЕС является сложной и болезненной для обеих сторон, и по мере затягивания процесса (только с подачи официальной заявки Анкары в 1987 г. прошло 27 лет) трогать этот «гордиев узел» обеим сторонам становится всё больнее. Судя по всему, высокопарные фразы чиновников ЕС о том, что «Турция – это страна, с которой нельзя не считаться», которая «стала ценным элементом, обеспечивающим конкурентоспособность Европы» [1, с.18–19], уже не столько вдохновляют, сколько раздражают общественность обеих сторон. Переговорный процесс между Большим Брюсселем и Анкарой, находившийся десятилетиями под прессом целой серии политических, экономических и других проблем, оказался «придавлен» еще и масштабным экономическим кризисом в ЕС. И, как и любой кризис, современная ситуация в Европе стимулировала европейских политиков не только искать пути выхода Старого света из экономического тупика, но и заставляет переосмыслить ряд аспектов (если не всю парадигму) европейского интеграционного проекта. В этих условиях вопрос о вхождении Турции в ЕС не может быть оставлен в стороне.

Говоря о ЕС, всегда стоит помнить о сложности этого субъекта международной политики, тем более что составляющим его странам не всегда удаётся находить необходимый консенсус, в том числе и по турецкому вопросу. Безусловно, сегодня, в момент европейского кризиса многое в ЕС зависит от политической воли Германии как экономического лидера Союза и

страны, ставшей «второй родиной» для нескольких поколений турок. Однако относительно турецкого вопроса многое традиционно зависело и от другого лидера ЕЭС/ЕС, активного во внешнеполитической повестке Союза – Франции. С рождением ЕЭС именно Франция активно работала над объединением стран Сообщества вокруг своих внешнеполитических позиций (Ш. де Голль, В. Жискард д'Эстен, Ф. Миттеран), а также позитивно (Ж. Ширак) или негативно (Н. Саркози) влияла на отношения Брюсселя и Анкары.

Изучая историю вопроса, нельзя не обратить внимания на определённое несоответствие в восприятии Европой и Турцией процесса взаимной интеграции. У сторон, имеющих многовековой опыт соседства, безусловно, есть и спрос, и предложение друг для друга (как в экономическом, так и в политическом смысле). Однако если «столетняя мечта» Анкары со времен Ататюрка строилась на вестернизации Турции и в награду – на вхождении в Европу с правами равного, то дилемма ЕЭС/ЕС заключалась в следующем. Как отмечает А.А. Гурьев: «со стратегической точки зрения Турцию как восточный форпост НАТО и единственную светскую страну мусульманского мира было необходимо удерживать в рамках западноевропейских структур», но с другой стороны, «она не соответствовала целому ряду требований как экономического, так и политического характера, предъявляемых Евросоюзом к своим членам» [3]. И хотя исследователь говорит именно о проблеме соответствия Анкары формальным стандартам ЕС, история расширений ЕС (в частности, принятие с оговорками беднейших стран Восточной Европы) и дискуссии о европейской природе Турции как минимум позволяют поставить вопрос шире – о признании Турции частью европейской цивилизации. Со стороны Турции нет недостатка в заявлениях о лояльности Европе: о тесной связи исторических судеб двух сторон, об «общем доме» и совместном будущем. В качестве аргументов приводятся такие факты, как евроориентированность турецкой внешней торговли (37 % оборота приходится на страны ЕС, 70 % прямых зарубежных инвестиций приходят из ЕС) и участие турецких военнослужащих в миротворческих операциях ЕС (в Боснии и в Косово) [4]. В ответ ЕС, как правило, переходит от лирики к сухим цифрам и напоминает, что «в интересах ЕС и Турции – придать новую динамику переговорам о вступле-

нии», чтобы гарантировать то, что «ЕС останется ориентиром» для турецких реформ [1, с.19].

И хотя сводить отношения между двумя партнерами к формуле «игра в одни ворота» (Турция «стучится в дверь», а ЕЭС/ЕС придумывает, как влить на Анкару, при этом держа её на расстоянии от «европейского дома») не совсем корректно. Всё же некая тенденция к односторонности присутствовала изначально. Вспомним, что основные инициативы (заявка на создание ассоциации с ЕЭС 1959 г., ассоциация 1963 г., заявка на вступление в ЕЭС 1987 г.) исходили именно от Анкары, а члены ЕЭС давали ответ (причём уже в соглашении 1963 г. вопрос о вступлении Турции в «Большую Европу» вообще не стоит): речь идет о «содействии непрерывному и сбалансированному укреплению торговли и экономических отношений между Сторонами, принимая во внимание необходимость обеспечения ускоренного развития турецкой экономики и повышения уровня занятости и условий жизни турецкого народа» [5], то есть о цели, которая в общем-то вполне устраивала Европу. Вопрос: был ли у Турции шанс истребовать большего в реалиях «холодной войны»? – сложный. В любом случае президент Франции Ш. де Голль (1958–1969 гг.), побывав в Турции с визитом в 1968 г., предпочел говорить о сотрудничестве и независимости Турецкой республики, а не об интеграции. А греко-турецкий конфликт 1974 г. на Кипре вообще приостановил механизмы сотрудничества двух сторон, отдалив перспективу дальнейшего сближения Анкары с ЕЭС.

Заявка на полноценное членство в ЕЭС, поданная Турцией в 1987 г., пришлась на окончание «холодной войны». Объединение Германии и «бархатные революции» 1989–1990-х гг., распад СССР в 1991 г. преобразовали Европу, ставя перед ЕЭС новые задачи по дальнейшему углублению и расширению Союза. В этих условиях идея принятия Турции в ЕЭС откладывалась в сторону. Логично, что официальный ответ Еврокомиссии 1989 г. на заявку звучал негативно: от Турции требовалось регулировать кипрский конфликт с Грецией – членом ЕЭС с 1981 г. (которая заблокировала пакет финансовой помощи, выделенной Сообществом на реструктуризацию турецкой экономики в рамках ассоциации [3]) и обеспечить права человека, включая права нацменьшинств. Тогда же на повестку ставит-

ся требования к Анкаре признать массовые убийства армян в 1915–1917 гг. В то же время озабоченный стабилизацией своих юго-восточных границ (уроки югославского кризиса) ЕС не мог позволить Турции отдалиться от себя. Ф. Миттеран (1981–1995), прибыв в Турцию, выступил за активизацию сотрудничества страны с ЕЭС в рамках ассоциации, но ничего не сказал насчет возможного вступления [6].

Попыткой выхода из ситуации стало соглашение 1995 г. о таможенном союзе Турции и ЕС — документ по-своему беспрецедентный. Как указывает Ю.С. Кудряшова: «Турция стала единственной страной, создавшей таможенный союз с ЕС, не являясь его членом. Речь шла о серьезном ограничении (...) принципов национального суверенитета, притом что ЕС не взял на себя обязательства о принятии Турции» [7, с. 297]. Разумеется, для Евросоюза это соглашение было весьма выгодно: европейские продукты, и так в массе своей более конкурентоспособные, получали еще и беспопылинный выход на турецкий рынок. В Турции же это событие оценивалось по-разному: если власть подавала соглашение как успех с прицелом на полноценное членство в ЕС (Турция получала возможность продемонстрировать себя как надёжного партнёра, подготовив свою продукцию к жёсткой конкуренции с европейской), то оппозиция указывала, что Турция не получает ни рынка ЕС, ни возможности влиять на решения ЕС в области торговли, ни гарантий дальнейшей интеграции с ЕС, зато гарантированно воздвигает барьеры в торговле с третьими странами. Уже в первый год действия таможенного союза турецкий импорт вырос на 37,2 %, тогда как экспорт — лишь на 4,2 %. При этом на ЕС пришлось 11,6 млрд долл. торгового дефицита страны [7, с.156–157].

Дальнейшие усилия позволили Турции «взять штурмом» еще одну «ступеньку» европейской лестницы: в 1999 г. на Совете ЕС в Хельсинки Турецкая республика получила статус официального кандидата в члены ЕС, вместе с ещё 12 странами. Поддержку Турции оказал Жак Ширак (1995–2007 гг.), заявивший еще в июле 1995 г. в Европарламенте: «Европа не должна жалеть сил для поддержки и понимания турецкого правительства, желающего двигаться к нашим ценностям» [8]. В декабре 2000 г. Франция как председатель в совете ЕС подписала с Анкарой соглашение о подготовке программы вступления Турции

в ЕС. Это серьёзно стимулировало Турцию на проведение демократических реформ (отменена смертная казнь; курды признаны национальным меньшинством, разрешены передачи и преподавание на курдском языке и проч.) [9]. В 2004 г. Совет ЕС признал, что Турция в достаточной степени соответствует «копенгагенским критериям» на вступление в ЕС. В 2005 г. страна начинает переговоры о вступлении по конкретным областям *acquis communautaire* (стандартов ЕС) одновременно с Хорватией. Однако вновь обострившаяся проблема Кипра (отказ Турции применить правила таможенного союза в отношении Республики Кипр, вступающей в Евросоюз) вынудило Брюссель заморозить переговорный процесс. Кроме того, уже Ж. Ширак потребовал от Анкары признание армянского геноцида, прямо связав с этим вопросом вступление Турции в Союз [10].

Всё это не могло не отразиться на голосовании по проекту «Евроконституции», успешно проваленной во Франции и в Нидерландах в 2005 г.: евроинтеграция оказалась в тупике. Новый президент Франции и вдохновитель Лиссабонского договора 2007 г. Н. Саркози (2007–2012) в паре с канцлером ФРГ А. Меркель вообще заявили, что не видят Турцию в будущей Европе, предложив Турции взамен членство в «Союзе для Средиземноморья» наряду со странами Магриба и Ближнего Востока. Саркози, не утруждая себя поиском дипломатичных формулировок, прямо сказал, что перспектива вступления Турции в ЕС кажется ему «абсурдом». «Стратегические надежды, которые лежат в основе намерения, можно осуществить в рамках соглашения о стратегическом партнерстве. Похоже, Европа не хочет отказываться от обещаний, сформулированных в 1963 г. в геополитическом контексте, не имеющих ничего общего с нынешним», — подчеркнул он [11, с.166–168]. В 2011 г. Саркози, пробывший в Анкаре лишь пять часов в ходе рабочего визита, еще раз отметил: «Я все еще убежден, что Турция и ЕС должны иметь как можно более тесные отношения, но не доводить их до уровня интеграции: она не пойдет на пользу ни Турции, ни Евросоюзу». Неудивительно, что при нём французские компании потеряли свою долю турецкого рынка (она сократилась с 6 до 3 %) [12], а в Турции заговорили об «исламофобии» и «туркофобии», расцветавшей в Париже [13].

Разумеется, это не могло вдохновить Анкару, тем более что события «арабской весны» 2011 г. фактически заморозили (если не похоронили) этот проект. Разочарованный премьер Турции Р.Т. Эрдоган публично объявил в октябре 2012 г., что если Турецкая республика не будет принята в ЕС до 2023 г., она отзовёт свою заявку [15]. Президент А. Гюль отреагировал иначе. «Для нас Евросоюз — это стратегическая цель. Но, даже если мы сумеем довести переговоры до конца, это вовсе не гарантирует нам вступления», — грустно констатировал он на пресс-конференции с президентом Франции Ф. Олландом, избрание которого вселило в турок надежду на смягчение позиции Парижа и Брюсселя [2]. Правда, осторожный Олланд не стал ничего обещать, отметив только, что этот вопрос будет решаться французам на референдуме и что Турция не вступит в ЕС как минимум в ближайшие пять лет. Отказавшись от агрессивной саркозистской риторики, Олланд все же призвал турок признать геноцид армян и обеспечить независимое правосудие и права человека [12]. Пытаясь выйти из переговорного тупика, в 2013 г., когда Хорватия стала 29-м членом ЕС, Турция подписала с Евросоюзом лишь соглашение по мигрантам.

Кризис доверия

В январе 2014 г. социологическая служба Ifop провела опрос среди французов и граждан соседних государств, выясняя их отношение к вступлению Турции в ЕС. Такие опросы проводятся регулярно, но результаты именно этого убедительно показывают, насколько сегодня сильна антипатия к Анкаре в Западной Европе. Против принятия Турции в ЕС высказали 83 % французов, 72 % немцев, 68 % бельгийцев, 66 % англичан и 50 % итальянцев. Лишь в Испании большинство (56 %) поддержало идею вступления Анкары в ЕС. Причем социологи зафиксировали и невероятное единство взглядов опрошенных: почти одинаково против голосовали мужчины и женщины, верхние и нижние слои, центристы, правые и левые [15, с. 6]. Что касается Франции, то там рост антитурецких настроений устойчиво наблюдается с 2003 г., причём если антипатиям правых, вдохновляемых «Национальным фронтом», не приходится удивляться (8 % — за вступление Анкары, 92 % — против), то сейчас эта тенденция достигла и левых (27 % — за, 74 % — против) [15, с. 6]. Неудиви-

тельно, что Олланд был столь осторожен, выступая в Турции по главному вопросу отношений Анкары и Брюсселя.

Аргументы сторонников и противников принятия Турции в Союз давно известны и в целом вытекают из дилеммы, описанной в начале работы. Первые исходят из перспектив, которые ЕС способен получить от интеграции с Анкарой: политических (распространение на Турцию «европейских ценностей», возможность влиять на Ближний Восток и Кавказ), экономических (включение в состав ЕС десятой экономики мира, доступ к энергетическим источникам Азии), военно-стратегических (интеграция с турецкой армией – второй по силе в НАТО, урегулирование кризисов у границ Европы). Турция же в таком случае способна получить европейский рынок и провести модернизацию, доведя свой уровень жизни до уровня ЕС [16]. «Туркофилы» не смущает ни географический (5 % территории Турции в Европе), ни религиозный (мусульманская страна) факторы. Европа понимается не столько как региональный, сколько как универсалистский проект.

Такие построения пугают противников вступления Турции в ЕС. Исходя из рисков, они приводят свои аргументы по каждой из сфер. Готова ли Европа заполучить в 2019 г. примерно 81 млн человек (столько же, сколько население крупнейшей страны ЕС – ФРГ, а в перспективе больше), причем преимущественно – мусульман? В соответствии с правилами работы органов ЕС в таком случае Анкара получила бы большинство голосов в Европарламенте и стала бы ключевым игроком в Союзе. Готов ли Брюссель, «проглотив» Турцию, взяться за урегулирование кризисов на её азиатских границах? Более того, как указывает Ю.С. Кудряшова, «сочетание демографических показателей и экономической слабости сделает Анкару крупнейшим в ЕС получателем помощи». Учитывая численность граждан Турции (75 млн человек, прогноз на 2020 г. – более 81 млн человек [17]), низкий доход на душу населения (43,3 % от среднего уровня ЕС) и значительную долю работников сельского хозяйства (24,6 % – в 2008 г., в Польше – 20 %, а в среднем по ЕС – 5,4 %), Турция в случае вступления в Евросоюз «будет иметь право на ежегодные выплаты в рамках Общей сельскохозяйственной политики в размере 11,3 млрд евро – больше, чем все десять стран, вступивших в ЕС в 2004 году (9,8 млрд евро)» [7, с.172]. Не говоря о

том, что масштабная миграция турецких бедняков в ЕС усилит конкуренцию на европейском рынке труда [7, с. 304]. Кроме того, подчеркивают «туркофобы», Европе грозит просто утрата идентичности. В период подготовки Евроконституции об этом заговорили и ведущие политики. Экс-канцлер ФРГ Г. Коль назвал Турцию страной из другой цивилизации, а глава Конвента по подготовке Евроконституции и экс-президент Франции В. Жискард д'Эстен шокировал всех, заявив, что вступление Турции станет «концом Европы» [18; 7, с. 224]. Провал Евроконституции не успокоил «европатриотов»: решение Греции возвести в 2011 г. стену на границе с Румелией, а затем подавление властями волнений в Стамбуле на площади Таксим в 2013 г. стали серьёзным ударом по имиджу Турции, который столько лет выстраивали Эрдоган и его сподвижники. Глава европейской дипломатической службы К. Эштон открыто высказала сожаление «непропорциональным применением силы» турецкой полицией [12]. Не исключено, что во многом эти события (не считая внутреннего кризиса в ЕС) увеличили процент «туркофобов» в Европе.

Однако и в самой Турции растёт число евроскептиков. В 2005 г., в момент начала переговоров между Анкарой и Брюсселем, за вступление в ЕС были 80 % турок. В 2013 г. таковых – не более 40 % [19, с. 5]. Очевидно, что долгий и бесконечный дрейф страны в никуда утомляет, снижая мотивацию проводить реформы. «Для чего, в самом деле, придавать столько важности Европе, находящейся в кризисе, когда в Китае наблюдается экономический рост? Когда отношения Турции с великими державами являются самоценными сами по себе: это исторически хорошие отношения с США и отношения с Россией, находящиеся на подъеме», – такое мнение, бытующее в Турции, озвучил в декабре 2013 г К. Дервиш, экс-министр турецкой экономики [19, с. 5]. Конечно, одностороннего отворота Турции от Европы сложно ожидать, поскольку европейские реформы позволяют Анкаре не только противостоять идеям радикальных исламистов, но и выстраивать позитивный имидж в глазах населения соседних мусульманских стран [19, с. 5]. Но всё же взаимопонимание ЕС и Турции способно стать тормозом для европейских инициатив Анкары.

С 2005 г. переговоры о вступлении застыли почти на нулевой отметке: Анкара требует снять эмбарго с ТРСК, а ЕС требует от

Турции открыть свои порты для транспорта Республики Кипр, для возобновления переговоров. Следствием патовой ситуации стало то, что из 35 сфер переговорного процесса лишь по 13 начаты переговоры, остальные были заблокированы ЕС, Республикой Кипр либо франко-германским тандемом «Меркози». Правда, в конце 2013 г. Париж дал добро на переговоры в сфере региональной политики, чтобы «выйти из тупика» [2]. Судя по всему, сдвинуть дело с мёртвой точки должны выборы в Европарламент 2014 г. Вне зависимости от того, победят ли на них евроскептики либо еврооптимисты, Анкара сможет получить сигнал и понять, с какой Европой ей предстоит иметь дело в ближайшие пять лет.

* * *

В начале XXI в. процесс вступления Турции в ЕС зашёл в политический тупик. Несмотря на то, что Анкарой проделан значительный путь для исполнения «европейской мечты», на сегодняшний момент стороны находятся в кризисе доверия. Турция, пойдя на беспрецедентное соглашение о таможенном союзе с ЕС, и осуществившая ряд реформ по модернизации экономики, не видит себя желанным гостем в Старом свете. ЕС в свою очередь, пытаясь сохранить Турцию в качестве экономического партнера и военно-политического союзника, пребывает во внутреннем кризисе, опасаясь просто «не переварить» страну, демографический потенциал которой превосходит потенциал Евросоюза, и которая лишь наполовину может условно считаться частью европейской цивилизации. Эти проблемы, а также другие, более локального характера (кипрский вопрос, соответствие политических и экономических показателей Турции нормам ЕС) вкупе с различием позиций внутри самой Европы усложняют процесс, не позволяя сторонам прийти к единому решению. На этом фоне, вероятно, ключевую роль обретают европейские державы, искушённые в дипломатии и имеющие возможность политически влиять на Анкару, к которым можно отнести Францию. Однако с учётом экономических трудностей, переживаемых ею, поисков компромисса в будущем следует ожидать не столько от Парижа, сколько от тандема ФРГ – Франция, если не от «тройки» или «четверки» стран – представителей Евросоюза. Вероятно, именно перспективы выхода из кризиса

вкупе с инициативами по созданию «многоскоростной Европы» имеют наилучшие шансы если не решить турецкий вопрос, то договориться с Анкарой о наиболее приемлемом формате взаимодействия.

Литература

1. Communication de la commission au parlement europeen et au conseil. Strategie d'elargissement t principaux defis 2012–2013.
URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/strategy_paper_2012_fr.pdf
2. Le Monde, 29.01.2014.
3. Гурьев А.А. Перспективы вступления Турции в ЕС.
URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/14-07-05.htm>
4. Les relations Turquie-UE// Site officiel du ministere des affaires etrangeres de la Rpeublique de Turquie.
URL: <http://www.mfa.gov.tr/les-relations-turquie-ue.fr.mfa>
5. Journal officiel des Communautés européennes (JOCE). 29.12.1964, n° P 217. [s.l.]. «Accord créant une association entre la CEE et la Turquie», p. 3687–3693; перевод Калининченко П.А.
URL: eulaw.edu.ru/documents/legislation/eea/aa_turkey.htm
6. Les Echos, 14.04.1992.
7. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010.
URL: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/tur2010.pdf>
8. Discours de M. Jacques CHIRAC, Président de la République, prononcé devant le Parlement européen à Strasbourg (11 juillet 1995).
URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/1995/juillet/fi003816.html
9. Сочнева И.А. Проблемы и перспективы вступления Турции в ЕС.
URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268031427/4.pdf>
10. Le Monde, 02.10.2006.
11. Саркози Н. Моё мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке / пер. с фр. и англ. А. Смирновой, А. Глебовской. – СПб.: Александрия – Симпозиум, 2009.
12. Le Parisien, 26.01.2014.
13. La France perd du terrain en Turquie//Le JDD.
URL: <http://www.lejdd.fr/Chroniques/Franc-parler/France-parler-La-France-perd-du-terrain-en-Turquie-271639>

14. Déçue, la Turquie se détourne de l'Europe au profit de l'Asie// La Tribune.
URL: <http://www.latribune.fr/espace-abonnes/le-decryptage/20130102trib000740198/decue-la-turquie-se-detourne-de-l-europe-au-profit-de-l-asie.html>
15. IFOP pour Valeurs actuelles. Les Europeens et l'entree de la Turquie dans l'Union Europeene. 21.01.2014.
URL: http://www.ifop.com/media/poll/2475-1-study_file.pdf
16. Les Echos, 27.01.2014.
17. Turkey Population 2014 // World Population Review.
URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/turkey-population/>
18. Le Monde, 08.11.2002.
19. Observatoire de la Turquie et de son environnement geopolitique. L'avenir des relations entre la Turquie et l'Union Europeene, 21.02.2013.
URL: http://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/observatoire-turquie/2013-03-lavenir-des-relations-turquie-ue.pdf

ТОМИЛОВА Ю.О.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблема обеспечения информационной безопасности, обусловленная быстрым и подчас неконтролируемым процессом развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), является одним из основных факторов поддержания международного мира и стабильности. С одной стороны, ИКТ способствуют развитию общества и науки, мировой экономики, позволяют снижать экономические издержки и экономить время, затраченное на поиск информации и ее передачу. С другой стороны, развитие ИКТ может порождать проблемы, которые угрожают национальному и международному миру и стабильности.

Основную озабоченность государств в области поддержания национальной информационной безопасности составляет так называемая «триада угроз»: информационная преступность, информационный терроризм и угрозы военно-политического характера. Отсутствие универсальных международных принципов и норм, регулирующих отношения государств в информационном пространстве, повышает риск нарушения суверенитета страны посредством вмешательства в его национальное информационное пространство. С каждым годом растет количество преступлений, совершенных в Интернете, в том числе террористами, с целью нанесения точечных ударов против объектов критически важной инфраструктуры, органов государственного управления, системы обороны.

В этой связи в последнее время все больше государств обозначают проблему обеспечения международной и националь-

ной информационной безопасности в качестве одного из приоритетных направлений своей внешней и внутренней политики.

Турция долгое время была в числе тех стран, которые не придавали особого значения проблеме обеспечения международной и национальной информационной безопасности. При этом количество турецких Интернет-пользователей ежегодно увеличивалось на несколько процентов. Если в 2000 г. этот показатель составлял около 2 млн человек, то в 2012 г. эта цифра превысила 36 млн, что позволило Турции занять 15-е место среди стран с наибольшим количеством пользователей Интернет [14]. В 2013 г. число турецких граждан, активно пользующихся Интернет, достигло 49 % [12].

Ситуация начала меняться только после того, как в 2010 г. Турция возглавила список стран, наиболее часто подвергающихся Интернет-атакам [3]. В 2012 г. был взломан сайт «Турецких авиалиний», что привело к отмене 104 рейсов [24]. В 2013 г. в поддержку антиправительственных выступлений группа хакеров Anonymous совершила атаку на правительственные сайты страны, в том числе официальный Интернет-портал премьер-министра Р.Т. Эрдогана [5]. В результате хакеры получили доступ к служебным адресам электронной почты, паролям и телефонным номерам. В это же время «Сирийская электронная армия» (SEA) взломала официальный сайт Министерства внутренних дел Турции.

В ответ на это турецкое правительство предприняло целый ряд инициатив по совершенствованию национальной нормативно-правовой базы для обеспечения национальной кибербезопасности.

В 2008 г. был подготовлен официальный документ «Политика в области обеспечения национальной кибербезопасности», в котором для решения проблем кибербезопасности предлагается разработать стратегию в области обеспечения национальной кибербезопасности, развивать международное сотрудничество в этом направлении, выработать новые юридические правила и нормы, регулирующие эту сферу, и предпринять меры по защите критической инфраструктуры [10].

В 2010 г. по рекомендации Совета национальной безопасности Турции в Стратегию национальной безопасности, так называемую «Красную книгу», был добавлен параграф, посвященный противодействию кибертерроризму [17].

20 июня 2013 г. вступило в силу решение Совета министров о реализации, управлении и координации мероприятий по обеспечению кибербезопасности страны, в соответствии с которым Министерством транспорта, морских дел и коммуникаций была разработана Национальная стратегия в области кибербезопасности и План действий на 2013–2014 гг. [28].

В документе среди основных задач по обеспечению кибербезопасности выделены следующие: обеспечение кибербезопасности всех служб, процессов и данных, а также систем, находящихся в ведении государственных организаций и ведомств, использующих информационные технологии; обеспечение кибербезопасности информационных систем критической инфраструктуры, которая находится в ведении государственных и частных структур; минимизация ущерба от киберинцидентов, а также определение шагов по восстановлению работы систем после сбоев и оказание помощи в расследовании и судебном преследовании по факту происходящих инцидентов правоохранительными органами.

Турецкая Стратегия по своим целям и задачам во многом схожа со стратегией в области кибербезопасности Германии [9; 7]. Основной акцент обе страны делают на защите своей критической информационной инфраструктуры, образовании таких институтов для обеспечения кибербезопасности, как Национальный Совет по кибербезопасности и Национальная группа реагирования на компьютерные инциденты, а также активное привлечение частного сектора к решению проблем кибербезопасности.

Большое внимание в турецкой Стратегии уделяется развитию научных исследований, созданию образовательных программ в области кибербезопасности как и стратегиях кибербезопасности США и Великобритании [16; 27]. Однако отличительной особенностью турецкого документа является акцент на наличие собственной терминологической базы.

Так, согласно турецкой Стратегии, под кибербезопасностью понимается защита информационных систем, которые способны восстановлению киберпространства после совершенных кибератак, обеспечение конфиденциальности, неприкосновенности и доступности информации, хранящейся в киберпространстве, обнаружение атак и киберинцидентов, реализация

мер по противодействию данным инцидентов и последующее восстановление информационной инфраструктуры после совершения кибератак.

Под национальной кибербезопасностью понимается кибербезопасность всех серверов, процессов и данных, а также систем в национальном киберпространстве.

Некоторые положения текущего Плана действий Стратегии, такие как создание Национального Совета по кибербезопасности [1], Национальной группы реагирования на компьютерные инциденты (USOM), к настоящему времени уже реализованы. При этом большую часть плана, а именно введение новых правил и норм в области обеспечения информационной безопасности страны, стимулирование научных исследований в данной области еще предстоит осуществить на практике.

Планируется, что План действий будет обновляться ежегодно с учетом мнений государственного и частного секторов, а также новых тенденций в области национальной и международной информационной безопасности.

В поддержку своих инициатив в области обеспечения кибербезопасности Анкара готова выделить существенные средства. В 2012 г. в ходе семинара по выработке государственной стратегии кибербезопасности председатель Ассоциации по информационной безопасности Турции Мустафа Алкан заявил о том, что правительство Турции выделит от 100 000 до 3 млн турецких лир на развитие научных исследований в области информационной безопасности [23].

Параллельно с разработкой упомянутых нормативно-правовых документов в Турции активно развивается и военно-политический аспект обеспечения национальной кибербезопасности. Стоит отметить, что большое влияние на действия Анкары в этой области оказывают НАТО и США.

В 2010 г. руководитель Объединенного центра передового опыта по киберобороне НАТО (CCDCOE) Ильмар Тамм объявил о заинтересованности НАТО видеть Турцию полноправным членом данного подразделения [25]. Турция была одной из первых стран НАТО, подавших заявку на членство в Объединенном центре. К настоящему времени окончательное решение по принятию Турции в упомянутое подразделение НАТО так и не было вынесено. Вместо этого между Турцией и НАТО был подписан

Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий обмен информацией и создание механизма взаимопомощи в случае совершения кибератаки [8].

Во многом готовность НАТО развивать сотрудничество с Турцией в этой области повлияло на то, что в 2011 г. Анкара объявила о создании киберкомандования в составе Генерального штаба, которое будет находиться в тесном сотрудничестве с Министерством обороны, Научным и технологическим исследовательским советом Турции (TUBITAK) и Ближневосточным технологическим Университетом (ODTU) для противодействия угрозам в информационном пространстве [20].

В этом контексте неоднозначным можно назвать высказывание Министра транспорта и коммуникаций Бинали Йылдырыма, о том, что обеспечение информационной безопасности является важным условием поддержания национальной безопасности, что делает важным принятие превентивных мер [21]. Многие ведущие страны, в том числе Россия и США, выступают за необходимость принятия превентивных мер в информационном пространстве для противодействия «триаде угроз». Однако в подходах этих стран есть принципиальное отличие в трактовке понятия «превентивные меры».

С точки зрения США принятие превентивных мер подразумевает нанесение предупредительных ударов по противнику в случае угрозы национальной безопасности [6]. Такой подход может привести к милитаризации международного информационного пространства и эскалации конфликтов как в информационном пространстве, так и за его пределами.

Россия также подтверждает необходимость принятия превентивных мер по противодействию угрозам информационной безопасности, при этом подразумевая под этими мерами совершенствование международных и национальных законодательств, унификацию терминологической базы и создание международно-правового режима запрещения разработки, производства и применения информационного оружия [2; 4]. В этой связи позиция Турции как одного из региональных лидеров на Ближнем Востоке, а также страны с самой большой по численности армией после США в НАТО, является принципиально важной для поддержания региональной и международной стабильности.

В 2010 г. Турция подписала, но не ратифицировала Конвенцию Совета Европы по борьбе с киберпреступностью 2001 г., которая представляет собой перечень основных мер по защите национального информационного пространства государств [22]. По заявлению Министра транспорта и коммуникаций Бинали Йылдырыма, после одобрения документа Парламентом Турция сможет эффективнее взаимодействовать с европейскими странами, подписавшими Конвенцию, по противодействию киберпреступности [18].

В 2009 г. Турция вошла в состав Международной организации многостороннего сотрудничества против киберугроз (ИМПАСТ) [15]. Данная Организация является подразделением Международного союза электросвязи ООН и ставит своей целью укрепление сотрудничества между правительствами, научными кругами разных стран, бизнес-сообществами для поиска более эффективного решения противодействия киберугрозам [11].

Таким образом, можно отметить, что решение проблемы обеспечения национальной кибербезопасности Турция видит не только в принятии нормативных документов и создании национальных сил киберкомандования, но и в налаживании международного сотрудничества, преимущественно с США и ЕС.

Турция проводит активную политику по привлечению представителей бизнеса, научных кругов, гражданского общества для решения проблем кибербезопасности. Ежегодно в Турции стали проводиться крупномасштабные конференции с участием многих государств по тематике кибербезопасности. Только в 2013 г. Турция провела более 12 конференций по кибербезопасности и новым технологиям. В конференции «Международные аспекты ведения войны в киберпространстве и безопасность 2014», проводившейся 19–20 ноября 2013 г. в Анкаре, приняло участие более 450 военных, экспертов в области кибербезопасности, высокопоставленных чиновников, а также бизнесменов из Турции, Канады, США, Германии, Франции, Южной Кореи [13]. В ходе подобных конференций на высоком уровне обсуждаются вопросы новых вызовов и угроз в киберпространстве, правовые аспекты кибербезопасности, новые технологии и возможные пути решения проблем в данной сфере.

Что касается проблем кибербезопасности, в настоящее время Турция испытывает острую нехватку специалистов в данной об-

ласти. Правительство страны вынуждено прибегнуть к помощи специалистов, имеющих опыт обнаружения уязвимостей информационных систем и при этом не злоупотребляющих своими знаниями в криминальных целях [26].

Еще одной проблемой для Турции в сфере обеспечения национальной кибербезопасности является отсутствие централизованной структуры, которая занималась бы координацией деятельности министерств и ведомств, а также негосударственных структур в данной области. Еще в 2000 г. в Турции было образовано Управление по информационным и коммуникационным технологиям (ИСТА), которое стало главной регулирующей и надзорной инстанцией над реализацией всех информационных и коммуникационных стратегий, принимаемых в Турции. При этом Министерство транспорта, морских дел и коммуникаций отвечает за выработку политики в этой области.

В октябре 2011 г. крупнейшая военно-промышленная компания Турции «Aselsan» организовала семинар, в котором приняли участие государственные эксперты и представители академических кругов [18]. По его итогам была выработана «дорожная карта» по принятию дальнейших шагов в области кибербезопасности, которая, в частности, предусматривала привлечение экспертов в этой области для работы в государственных структурах, а также создание команды киберэкспертов по аналогии с США для обеспечения национальной безопасности Турции.

Стоит отметить, что правительство Турции рассматривает социальные сети в контексте обеспечения национальной информационной безопасности. 5 февраля 2014 г. Парламент Турецкой Республики одобрил противоречивый законопроект, дающий правительству право блокировать вебсайты, которые подозреваются в нарушении права на частную жизнь без судебного решения. А 21 марта доступ к Twitter был ограничен в связи с призывом премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана «искоренить» данную социальную сеть в стране [19]. После серии протестов против блокирования ряда социальных сетей доступ к Twitter был восстановлен.

В заключение можно отметить, что проблема обеспечения информационной безопасности в Турции становится гарантом поддержания национальной стабильности. Правительству Турции удалось принять ряд законодательных инициатив, которые

определили основные векторы внутренней и внешней политики страны в этой области. Создание национальных кибервойск и присоединение к ряду западных инициатив позволило Турции обозначить свою готовность обеспечивать национальную и международную информационную безопасность, а также наращивать свое присутствие в международном киберпространстве. При этом ориентация Турции на укрепление сотрудничества исключительно с США, НАТО и ЕС в области кибербезопасности препятствует развитию отношений Анкары с другими странами в данной сфере. В результате Турция достаточно пассивно ведет себя в ООН и МСЭ, являющихся ведущими международными площадками по обсуждению проблем международной информационной безопасности. Несмотря на успехи в реализации ряда инициатив юридического, военно-политического характера, Турции предстоит решить еще ряд проблем, в том числе касающихся нахождения баланса между свободой слова и обеспечением национальной безопасности, для эффективного решения проблем национальной информационной безопасности.

Литература

1. Информационная безопасность – важная часть национальной безопасности. URL: www.rusorient.ru
2. *Крутских А.В.* К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности. URL: www.intertrends.ru
3. Россия и Турция оказались наиболее подвержены веб-атакам. URL: www.security.ru
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020года. URL: www.scrf.gov.ru
5. Anonymous, Syrian Electronic Army hack Turkish govt networks, leak emails incl PM's. URL: www.rt.com
6. Comprehensive National Cybersecurity Initiative: Legal Authorities and Policy Considerations. URL: www.whitehouse.gov
7. Cybersecurity and cyberwarfare. Preliminary assessment of national doctrine and organization. URL: www.unidir.org
8. Cyberspace Security. URL: www.natolib.guides.info
9. Cyber Security Strategy for Germany. URL: www.bsi.bund.de

10. Cyber Threats against Critical Infrastructure and Recommendations for Turkey.
URL: www.edem.todaie.gov.tr
11. IMPACT. Mission and vision. URL: www.impact-alliance.com
12. Information And Communication Technology (ict) Usage Survey On Households And Individuals, 2013. URL: <http://www.turkstat.gov.tr>
13. International Cyber Warfare and Security 2014. URL: www.icwcturkey.com
14. Internet World Stats. URL: www.internetworldstats.com
15. ITU-IMPACT Partner countries. URL: www.impact-alliance.com
16. The National Strategy to Secure Cyberspace. URL: www.us-cert.gov
17. New edition of Turkish Red Book shapes new security spheres.
URL: <http://www.hurriyetdailynews.com>
18. Turkey among top 10 countries subjected to cyber attacks.
URL: www.todayszaman.com
19. Turkey blocks Twitter, after Erdoğan vowed “eradication”.
URL: <http://www.hurriyetdailynews.com>
20. Turkey centralizes efforts for national cyber security.
URL: www.todayszaman.com
21. Turkey’s cyber defense plan to be ready in 2013.
URL: www.hurriyetdailynews.com/
22. Turkey logs on to Europe’s Internet treaty.
URL: [www.http://www.hurriyetdailynews.com/](http://www.hurriyetdailynews.com/)
23. Turkey to mobilize against cyber-terrorism. URL: www.todayszaman.ru
24. Turkish Airlines Employees Strikes, Flights being cancelled, company website hacked. URL: www.ireport.cnn.com
25. Turkey’s bid to join NATO’s cyber defense team to be reviewed in May.
URL: www.todayszaman.com
26. Turkey’s ‘white hackers’ to work for cybersecurity.
URL: www.hurriyetdailynews.com/
27. The UK Cyber Security Strategy. Protecting and promoting the UK in a digital world. URL: www.gov.uk
28. Ulusal Siber Güvenlik Stratejisi ve 2013-2014 Eylem Planı.
URL: www.resmigazete.gov.tr

УЙСАЛ Г.А.

ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Российское государство на всех этапах своего развития неизменно придавало особо важное значение отношениям с Турцией, южным соседом, всегда игравшим заметную роль в судьбах народов, проживающих на Балканах и Ближнем Востоке, и существенным образом влиявшим на развитие политических процессов в указанных регионах. На протяжении нескольких веков особенности российской цивилизации наиболее ярко проявлялись в период контактов с Востоком. Главное в этих особенностях — большая, по сравнению с Европой, способность воспринимать все восточное, что находит свое объяснение в природе, психологии и судьбе России. Во времена «холодной войны», несмотря на развивавшиеся турецко-российские экономические отношения, Турция считала Россию (Советский Союз) источником угрозы для безопасности своих границ и целостности территории. После распада Советского Союза российское направление становится для Анкары одним из самых главных; отношения между Турцией и Россией в новейшей период отличаются своей спецификой. Турецкое правительство прилагало большие усилия по налаживанию с Российской Федерацией стабильных отношений в области энергетики, торговли, экономики и военной области. Россия со своей стороны стремилась построить новую систему связей с бывшими республиками Союза и решать ряд экономических и социальных проблем за счет роста торговли с соседними государствами, включая Турцию.

«В результате исторических изменений, происшедших в мире в начале 1990-х гг., — свидетельствовал бывший посол Турции в

Москве Наби Шенсой в интервью журналу *Da (Diyalog Avrasya)*, – отношения между двумя странами вышли на абсолютно новый уровень, и получили развитие взаимоотношения дружбы и многолетнего сотрудничества в масштабах, невиданных за 500-летнюю историю дипломатии двух государств» [1, с. 86].

Для отношений двух стран в настоящее время характерны тенденции сотрудничества и соперничества. Бывший турецкий посол в Москве Волкан Вурал называл эти отношения в 1997 г. одновременно близкими и тревожными. С одной стороны, обе державы соперничали за влияние в Евразии, с другой – тесные экономические взаимовыгодные связи вынуждали Россию и Турцию к сотрудничеству в Евразии. Турецко-российские отношения в начале XXI в. можно назвать «фактическим сближением», то есть сочетанием подозрительности и дружелюбности. Процесс фактического сближения подкреплялся двумя важными, но диаметрально противоположными тенденциями: управляемого геополитического соперничества, с одной стороны, и уникального экономического сотрудничества, граничащего с взаимозависимостью, с другой стороны.

Турецко-российские отношения осложнял целый ряд серьезных проблем и споров: различие взглядов на евразийские концепции; соперничество за влияние на Кавказе и в Центральной Азии; продажа Россией на греческую часть Кипра ракет С-300; дебаты вокруг Договора об обычных вооружениях в Европе; дискуссии по поводу прохождения трубопроводов для транспортировки Каспийской нефти; проблема черноморских проливов. Безусловно, все это существенным образом затрудняло конструктивную эволюцию турецко-российского сотрудничества. Вместе с тем существовала и продолжает существовать сфера, где обе страны удовлетворены кооперацией: экономическая. Именно в этой сфере видны перспективы дальнейшего укрепления стабильности отношений и ростки будущего устойчивого партнерства.

Следует отметить, что двусторонние торгово-экономические связи с Турцией претерпели серьезные структурные изменения, в том числе связанные с перемещением центра тяжести в области экономического сотрудничества из Турции в Россию. В начале 1990-х гг., в тяжелый для России период, Эксимбанк Турции предоставил российской стороне значительные кредиты

для поставок в РФ продовольственных и других товаров первой необходимости, а также для строительства промышленных и других объектов. Это послужило базой для активной деятельности турецких компаний на российском рынке строительных услуг, позднее эти предприятия перешли к серьезной инвестиционной деятельности в России.

Таким образом, Турция достаточно ясно осознает влияние, которое оказывает Россия на ее экономику, а также на баланс интересов в отношениях с Европой и США. Это подтверждают деловые круги Турции, для которых в течение последнего десятилетия Россия стала ведущим и наиболее перспективным партнером.

В исследовании «Фундаментальные проблемы турецко-российских отношений», подготовленном в 1999 г. Союзом турецких промышленников и коммерсантов (ТЮСИАД), были проанализированы результаты сотрудничества с Россией и его значение для экономики страны. Отмечалось, что значительная часть турецкого общества получает средства к существованию за счет торговли и другой деятельности, прямо или косвенно связанной с российскими партнерами [2, с. 412].

Как известно, экономический кризис в России в августе 1998 г. стал причиной резкого сокращения турецкого экспорта, включая «челночные» поставки. Это стало серьезным испытанием для экономики Турции, когда в течение короткого времени резко упал спрос на турецкие товары и многочисленная армия турецких промышленников и торговцев оказалась в тяжелейшем положении, а страна лишилась важнейшего канала притока иностранной валюты. Несмотря на некоторые политические разногласия, которые могут иметь место между Россией и Турцией в борьбе за лидерство на евразийском пространстве, в экономическом плане они обречены на долгосрочное сотрудничество, выгода от которого для обеих стран значительно важнее их политических амбиций [3]. Новая реальность открыла и другие области сотрудничества между Турцией и Россией, в которых взаимоотношения двух стран стремительно развивались: строительства газопровода «Голубой Поток», который можно отнести как к политической, так и к экономической сферам, военно-технические отношения и культурные отношения. В начале 1990-х гг. политика России в отношении Турции была

позитивной, однако повышенный интерес Анкары к Кавказу и к Средней Азии постепенно стал тревожить Россию. Москва с точки зрения своих стратегических интересов рассматривала этот регион сферой своего традиционного влияния, который во внешнеполитической концепции и военной доктрине РФ был обозначен как «Ближнее зарубежье». Россия заявляла, что не потерпит на территории бывшего СССР геополитического конкурента. Начиная с 1993 г., геополитическое соперничество между Турцией и Россией становилось очевидным. Остроту соперничеству придавал подход к международными межнациональных конфликтам в Закавказье, в первую очередь в Нагорном Карабахе и Абхазии.

Середина 1990-х гг. была отмечена подписанием Договора об обычных Вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)*, дискуссиями вокруг ЗРКС-300, обсуждениями вопроса о проходе через Черноморские проливы, спорами о трубопроводах для транспортировки каспийской нефти, обсуждениями чеченского и курдского вопросов. Любопытно, что ухудшение дипломатических отношений между Турцией и Россией не отражалось на их экономическом партнерстве. Более того, оно улучшалось год от года. Хотя, конечно, из-за геополитической конкуренции возможности сотрудничества двух стран были использованы не в полной мере.

В конце 1990-х гг. началось потепление в политических отношениях двух стран. В их нормализации большую роль сыграли взаимовыгодные интересы и масштабные экономические связи. В частности, был заключен договор о поставке российского газа через газопровод – «Голубой поток».

С приходом к власти Владимира Путина в Российской Федерации, а в Турции – Партии справедливости и развития (ПСР), турецко-российские отношения стали развиваться более быстрыми темпами. Если в 1990-х гг. в турецко-российских отношениях основным направлением было развитие торговых отношений, то в настоящее время стали говорить о «стратегическом

---

* Договор об обычных Вооруженных силах в Европе. Договор подписан в Париже 19 ноября 1990 г. странами НАТО и ОВД, вступил в силу в ноябре 1992 г. Участниками ДОВСЕ являются 28 государств Европы, а также США и Канада.

партнерстве» между двумя странами. Достижение товарооборота в 40 млрд долл. США между двумя странами, проведение частых переговоров, в том числе и на самом высшем уровне, поддержка друг друга на международной арене и увеличение сотрудничества в энергетической сфере, являясь важными предпосылками для выхода турецко-российских отношений на уровень «стратегического партнерства». Начало развития турецко-российских отношений совпало с периодом, когда отношения как России, так и Турции с Западом были не самыми лучшими [4, s. 6]. В связи с этим турецко-российское сближение особенно в Турции стало характеризоваться как возможность образования Евразийского Союза, и Россия в некоторых слоях общества Турции стала восприниматься как альтернатива ЕС. Расширение дипломатических отношений в 2010 г., в котором отмечается 90-летие начала Турецко-Советских (Российских) дипломатических отношений, создание Высшего Совета по Российско-Турецкому Сотрудничеству и отмена визового режима между странами, означают дальнейшее тесное развитие турецко-российских отношений и выход их на новый уровень [5].

В период после 2000 г. и по 2008 г. необходимость борьбы с терроризмом побудила обе страны в эти годы к расширению политического и экономического сотрудничества, укреплению взаимного доверия и поиску идеи «стратегического сотрудничества». Такой объединяющей идеей может стать концепция «Евразии». Россия и Турция согласно их географическому положению и культурным традициям являются как европейскими, так и азиатскими странами. В силу этого от Анкары и Москвы зависит обеспечение прочного и устойчивого мира в регионе Евразии – перекрестке цивилизаций. Определенные шаги, свидетельствующие о сближении политических подходов двух стран, уже сделаны. Так, стороны подписали важный документ «План действий и сотрудничества». Высокопоставленные представители МИДов двух стран используют механизм регулярных консультаций и обсуждают «горячие» и рутинные проблемы мировой и региональной политики.

Однако отношение двух стран по-прежнему зависят в наибольшей степени от объективных факторов. Россия вынуждена учитывать политические переменные Турции, которая на Ближнем Востоке занимает важную стратегическую позицию и кон-

тролирует Черноморские проливы. Турция в свою очередь не может игнорировать позицию Российской Федерации, которая располагает колоссальными экономическими и энергетическими ресурсами, столь необходимыми для ее экономики. В силу этих причин Москва и Анкара приговорены к добрососедским отношениям. В их основе — умение вести диалоги, желание в случае столкновения интересов найти «золотую середину».

Одним из важных событий в отношениях между двумя странами в начале 1990-х гг. стало создание Организации Черноморского экономического сотрудничества. Однако во второй половине 1990-х гг. ОЧЭС начала терять свое значение [6]. Вместе с тем Россия и Турция стремятся активизировать ее деятельность.

Серьезной причиной противоречий двух стран могла бы стать любая попытка реализовать идею «Тюркского союза». К резкой конфронтации и даже конфликту привел бы пересмотр и последовательное усложнение Турцией режима судоходства в Черноморских проливах. Энергетика, торговля и сотрудничество против терроризма являются самыми конструктивными областями в отношениях двух стран. Что же касается информационно-культурных связей, то они, безусловно, нуждаются в усилении. К сожалению, нет заметного оживления связей между деятелями культуры и науки.

Развитие отношений между Турцией и Россией испытывает очень сильное влияние со стороны стран Запада. Их отношения еще нельзя назвать независимыми, хотя очевидно стремление обеих сторон к известной автономии. Для заметных перемен необходимы время и решимость изменить ситуацию.

В развитии турецко-российских отношений имеется несколько важнейших факторов. Одним из этих факторов является сходство во внешних политиках двух стран, которое стало наблюдаться в начале XXI столетия. Москва и Анкара пересмотрели ведение своих внешних политик. Кремль начал вести многовекторную внешнюю политику, придавая большое значение развитию отношений с соседними странами и государствами СНГ.

Выдвинутая в начале XXI века идея перевести отношения между двумя странами на уровень стратегического сотрудничества, отказ Европейского Союза принять в его члены Турцию, обеспокоенность России, вызванная однополярной моделью

международных отношений — все это дает импульс дальнейшему развитию не только экономических, но и политических отношений между Турцией и Россией.

В 2000-х гг. Турция начала вести внешнюю политику, которая основывалась на решении проблем с соседними странами и построении отношений с ними. Так что, параллели во внешней политике сблизили Москву и Анкару. Вторым важнейшим фактором в сближении Анкары и Москвы является изменение на международной арене. Москва, расплатившаяся с внешними долгами и улучшившая экономику за счет энергетических ресурсов, начала проводить более активную внешнюю политику. Отношения Турции с ЕС из-за преград в процессе вступления Турции в ЕС можно охарактеризовать как сдержанными. Проблемные периоды в отношениях России и Турции с Западом дали повод говорить о возможном сближении двух важнейших держав Евразии.

В сближении Турции и России немалую роль сыграло и увеличение дипломатических контактов между странами. После первого визита в Турцию Владимира Путина в декабре 2004 г. дипломатические отношения между двумя странами стали более тесными. Еще одним важнейшим фактором, влияющим на развитие турецко-российских отношений, является торговля. Товарооборот между двумя странами в 2003 г. составил 6 млрд долл. США, в 2009 г. товарооборот достиг 40 млрд, и Россия стала самым крупным торговым партнером Турции. Основными статьями экспорта России в Турцию является природный газ — 42 %; нефть и нефтепродукты — 26 % [7, s. 24].

Визиты на высшем уровне, которые имели место в последние годы внесли существенный вклад в турецко-российские отношения. Президент Абдулла Гюль побывал с государственным визитом в России в феврале 2009 г. Визит президента Гюля стал первым государственным визитом главы турецкого государства в Россию за всю историю двусторонних отношений. Еще одной важной особенностью поездки стало посещение турецким президентом Республики Татарстан — важного региона Российской Федерации, поддерживающего культурные и исторические связи с Турцией. В ходе визита лидеры обеих стран подписали Совместную декларацию, в которой не только заложили основу для совместных отношений, но и предложили «дорожную

карту» будущего регионального сотрудничества почти во всех вопросах, представляющих обоюдный интерес. В решимости «поднимать отношения на новый качественный уровень и углублять их» Турция и Россия решили создать межгосударственный механизм – Высший совет сотрудничества на уровне высшего политического руководства. Данный орган должен способствовать развитию двусторонних отношений и внести вклад в региональную стабильность. С начала 1990-х гг. сотрудничество в экономической и энергетической областях было движущей силой турецко-российских отношений. Общая стоимость проектов, осуществляемых турецкими подрядчиками в России, достигла 30 млрд долл. Прямые турецкие инвестиции превысили 6 млрд долл., а прямые российские инвестиции в Турцию – 4 млрд долл. В 2008 и 2009 гг. поток российских туристов в Турцию составил 3 млн человек. Кроме того, наблюдается растущий интерес российских фирм к энергетическим инфраструктурным проектам и туристическому сектору Турции. Сотрудничество в энергетической отрасли является значимым аспектом турецко-российских отношений. Россия – важный поставщик энергоносителей для Турции.

В августе 2009 г. Владимир Путин, занимавший на тот момент пост премьер-министра РФ, нанес рабочий визит в Турцию. Основной темой переговоров Путина в Анкаре являлась энергетика, также были обсуждены вопросы строительства газопровода «Голубой поток-2», который планировалось проложить до Израиля; вопросы реализации проекта строительства газопроводов «Южный поток», нефтепровода Самсун – Джехан; вопросы строительства российской стороной газового хранилища под озером Тузгелю. В российско-турецких переговорах принял участие премьер Италии, премьеры России и Турции обсудили весь комплекс двусторонних отношений и приняли важные решения по их дальнейшему продвижению в направлении многопланового стратегического партнерства. «Визит Путина позволил воссоздать энергетические балансы в треугольнике Кавказ – Центральная Азия – Европа, что способствовало реализации грандиозных проектов, которые внесут вклад в обеспечение глобальной энергетической безопасности и мира», – подчеркивала турецкая газета «Сабах». По итогам переговоров Путина и Эрдогана планировалось подписание около 20 двусторонних

документов. Премьеры двух стран подписали Протоколы между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в газовой, нефтяной сфере, в области атомной энергетики, также были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, об оперативном оповещении, о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках. В ходе визита стороны подписали Меморандум между Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии и Турецким институтом стандартов о взаимопонимании по сотрудничеству в области стандартизации; Меморандум о взаимопонимании между Федеральным космическим агентством и Турецким советом по научно-техническим исследованиям по вопросам сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях; Меморандум между Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Генеральной дирекцией по защите и контролю Министерства сельского хозяйства и по делам деревень Турции о сотрудничестве в сфере контроля за безопасностью импортной и экспортной продукции рыболовства и аквакультуры. В числе других документов – Протокол о намерениях между турецкой компанией ТЕТАШ и ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» по торговле электроэнергией; Меморандумы о взаимопонимании между ОАО «Нефтяная компания “Роснефть”» и «Акса Энерджи», «Чалык Холдинг», «Тёркиш Петролеум Корпорейшн» и «ГЮПРАШ – Тюркие Рафинерилери А.Ш.»; Протоколы о намерениях между ООО «Газпром экспорт» и компаниями «Чалык» и «АКСА Энерджи». Кроме того, был подписан Протокол заседания Смешанной Российско-Турецкой межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству; Программа сотрудничества между РФ и Турцией в области образования, науки, культуры, молодежных обменов и спорта; Меморандум по таможенным процедурам между ФТС России и таможенным ведомствам Турции; Меморандум о взаимопонимании между Управлением финансовым рынкам Турции и Федеральной службой по финансовым рынкам; Протокол по вопросам экономического и торгового сотрудничества в области производства, поставок и дальнейшей дистрибьюции минеральных удобрений, а также фосфорного и калийного сырья между

ОАО «Акрон» (Российская Федерация) и «Ост Олгун Дыш Тиджарет А.Ш.» (Турецкая Республика).

Между Турцией и Россией развивается сотрудничество и в военной сфере. Российская компания «Рособоронэкспорт» в апреле 2008 г. выиграла тендер на поставку ракет и противотанковых систем Турецким Вооруженным силам. Тема развития военных отношений между двумя странами была затронута и во время визита в Турцию 23 июня 2008 г. Главнокомандующего Военно-Морским Флотом России Адмирала Высоцкого. В ходе переговоров стороны договорились о развитии совместной коллективной системы региональной безопасности, проведении совместных учений на Черном море и координации действий российских и турецких моряков. Совместные усилия российских и турецких военных выведут на новый уровень турецко-российские отношения [7, s.10].

Несмотря на конкуренцию за влияние на Кавказе и в Центральной Азии, Россия и Турция имеют схожие точки зрения по многим международным вопросам. В июле 2005 г. во время переговоров между Р. Т. Эрдоганом и В. Путиным, Эрдоган подчеркнул, что вопросы, касающиеся сохранения стабильности в мире, взгляды Турции и России на региональную обстановку полностью совпадают. Турция сыграла важную роль во вступлении России в ОИК в качестве наблюдателя, а Россия поддерживает вступление Турции в ЕС. Россия, в которой проживают 20 млн мусульман, подала заявку на вступление в ОИК в качестве наблюдателя для того, чтобы быть посредником в конфликтах на Ближнем Востоке, защищать свои политические и экономические интересы в регионе и развивать хорошие отношения с исламскими странами. Пакистан, взволнованный тем, что Индия, взяв в пример Россию, вступит в ОИК, был даже против статуса наблюдателя России, но, благодаря проявленной инициативе со стороны Турции, Россия все же получила статус наблюдателя. В то же время Турция поддерживала и вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Россия, как и Турция, стремится решать мирным путем проблемы на Ближнем Востоке, а особенно, проблему Ирана. Только Россия и Турция находятся в контакте со всеми странами и группами региона. Данное положение еще больше повышает влияние этих двух стран в регионе. Обе страны готовы взять на себя обяза-

тельства «моста» между Востоком и Западом, и это их сближает. Несмотря на сближение, происходящее в последнее время, вопрос «недоверия» остается препятствием на пути турецко-российского стратегического партнерства. Москва не забывает, что Турция является членом НАТО и крупнейшим региональным союзником США. Негативно сказывается на турецко-российских отношениях проблемы на российских таможнях, с которыми сталкиваются турецкие грузовики и проблемы ограничения ввоза турецких овощей и фруктов в Россию.

Россия и Турция взаимодействуют в борьбе с терроризмом, Россия не включила РПК (Рабочая партия Курдистана) в список террористических групп. Российские политики заявляют, что в список террористических организаций включены только те, которые вредят интересам России и действуют на их территории. Одной из причин невнесения Кремлем РПК в список террористических групп, является недоверие обещанию Анкары не поддерживать террористов, действующих на Кавказе [5].

Одним из важных вопросов в турецко-российских отношениях является позиция России в вопросе вступления Турции в ЕС. Россия очень внимательно наблюдает за процессом переговоров Турция – ЕС. Москва не против вступления Турции в ЕС, тесно сотрудничая с ЕС, выступает против расширения НАТО, но не против расширения ЕС. Членство Турции в ЕС – важного экономического партнёра – пойдет только на пользу России, поскольку это будет означать увеличение количества союзников в ЕС [8, с. 30].

В последние годы активный политический диалог Москвы и Анкары является прочной основой развития их эффективного торгового и инвестиционного сотрудничества. В 2012 г. состоялись визиты турецкого премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана в Москву, а также российского президента Владимира Путина в Стамбул. В ходе двусторонних переговоров особое внимание было уделено перспективам экономического партнерства обеих стран в различных областях. Одной из перспективных целей обеих государств является существенное увеличение взаимной торговли и прямых иностранных инвестиций в экономики друг друга в течение ближайших лет. Достичь этого стороны намерены посредством реализации различных государственных стратегий и программ, рассчитанных на дол-

госрочный период. В декабре прошлого года были подписаны программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества обеих стран до 2015 г. Под влиянием мирового финансово-экономического кризиса в 2011 г. торговля между государствами продолжила поступательную динамику, и взаимный товарооборот, по данным российской статистики, составил 32 млрд долларов при положительном сальдо для России в 19 млрд (российский экспорт — около 25,5 млрд, импорт — около 6,5 млрд) [5].

В сентябре 2012 г. Турция хоть и осталась на 7-й строчке в рейтинге основных торговых партнеров России, но, начиная с января 2013 г., товарооборот между странами вырос более чем на 14 %. Тем не менее даже эти высокие показатели не позволяют в полной мере рассчитывать на то, что запланированный властями России и Турции объем взаимной торговли в размере 100 млрд долларов будет достигнут к 2015 г. В российском экспорте доминируют энергоносители (в том числе, природный газ, нефть, нефтепродукты, уголь), черные и цветные металлы и изделия из них, а также продукция лесной, нефтехимической, целлюлозно-бумажной промышленности, зерно. Объем поставок нефти также весьма серьезен — 18,7 % от общего экспорта. Совокупно энергоносители составляют более 70 % российского экспорта в Турцию. Основными компаниями-поставщиками являются «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Татнефть», «Сибнефть», «Норильский никель», «Северсталь», «Сибирский алюминий», «Нижне-камскнефтехим», «Сургутнефтегаз», «Магнитогорский металлургический комбинат», «Алмазы Якутии». В российском импорте из Турции основное место занимают продовольствие, текстиль, оборудование, транспортные средства. Возрастающий объем взаимопоставляемых грузов требует модернизации и дальнейшего развития транспортной инфраструктуры. Для этого сторонами ведется работа по организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения. В 2012 г. турецкие подрядные фирмы выполнили проекты общей стоимостью более 26 млрд долл., что является рекордом государственной экономики.

Турецкие строительные фирмы уже зарекомендовали себя как добротные и честные подрядчики, ведущие свою деятельность во многих регионах России. Эти компании широко представле-

ны в жилищном строительстве, на объектах промышленности и инфраструктуры России. Начиная с 2000 г., ими построено и сдано в эксплуатацию более 600 объектов, включая 50 высокотехнологичных предприятий, наиболее значительными из которых являются электростанции «Терешково» и «Кожуково» с газотурбинными блоками (холдинг «Зорлу»), а также «Яйвинская» («Энка»). Консорциумом в составе турецкой компании «Гамма» и американской «Дженерал электрик» ведется строительство двух электростанций в Сургуте и получен заказ на строительство энергоблока в Шатуре.

В частичном финансировании строительства некоторых объектов участвовали расположенные в России отделения семи турецких банков. Так, при их поддержке возводились заводы по производству холодильников, телевизоров, стиральных машин и другой бытовой техники, деталей для автомобилей, текстиля, сантехники, бытовой химии, продовольствия, строительных материалов; гостиницы, торговые и деловые центры, предприятия бытового обслуживания. В обозримой перспективе запланирована реализация проектов по строительству заводов по производству стеклотары в Новосибирске и Краснодарском крае (суммарный объем инвестиций составляет около 200 млн евро), ковров и ковровых изделий в Ростове-на-Дону, по сборке сельхозтехники в Краснодарском крае, а также по строительству металлургического завода в Ростовской области (130млндолл.). По информации заместителя советника по торговле посольства Турецкой Республики Мурата Насимоглу, в России работает около 2 тыс. турецких фирм и организаций, в которых трудятся более 100 тыс. турецких граждан — квалифицированных рабочих, техников, инженеров, управленцев. Кроме того, свыше 300 компаний имеют представительства в Москве. Все это свидетельствует о благоприятных условиях, созданных на российском рынке для предпринимателей из Турции. Накопленными и поступившими инвестициями Турция демонстрирует определенное доверие к российской экономике в целом и к ее отдельным регионам в частности.

Наиболее активными инвесторами в российскую экономику являются такие турецкие компании, как «Па-шабахче», «Анадолу Джам Санаи — Русджам», «Эфес Пилсен», «Энка», «Вестель», «Беко», «Эста Групп», «Ежа Серель», «Эвяп», «Витра» и др.

В свою очередь, в 2006–2010 гг. суммарные российские инвестиции, вложенные в турецкую экономику, были не столь высоки, но следует ожидать их значительного роста в ближайшие годы. Как представляется, отмена в 2011 г. визовых ограничений между двумя государствами станет катализатором обоюдного развития как туристического, так и торгово-инвестиционного направлений. Активизация российской стороны будет вызвана ее участием в реализации масштабных инвестиционных проектов на территории Турции. Основным направлением взаимодействия является сотрудничество в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Можно выделить ряд развивающихся и перспективных направлений сотрудничества между двумя странами в названной области: торговля электроэнергией; выполнение подрядов на сооружение энергетических объектов (поставка оборудования и услуг); взаимные инвестиции в энергетические секторы обеих стран; сотрудничество российских и турецких компаний в реализации энергетических проектов в третьих странах. Наряду с продолжением поставок энергоносителей (газ, нефть и нефтепродукты, уголь) рассматриваются перспективы реализации ряда совместных проектов по транспортировке российского «голубого топлива» через Турцию на мировые рынки. Ведется работа над проектом строительства газопровода «Южный поток». Сторонам удалось договориться о прохождении трассы газопровода в исключительной экономической зоне Турции. Продолжается изучение возможности расширения взаимодействия «Газпрома» и турецких компаний по развитию газотранспортной инфраструктуры Турции, включая перспективы реализации проекта «Голубой поток-2», который предусматривает строительство новой нитки газопровода параллельно с «Голубым потоком». Особый интерес представляет «Среднесрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между правительствами обоих государств на 2012–2015 годы». Документ является своего рода отраслевой «дорожной картой», определяющей направления двустороннего взаимодействия на перспективу в таких отраслях, как энергетика, промышленность, сельское хозяйство, туризм, региональное сотрудничество, транспорт и транспортное строительство, финансово-банковское сотрудничество. Кроме того, программа призвана способствовать дальнейшему совершенствованию до-

говорно-правовой базы двустороннего экономического сотрудничества и созданию благоприятных условий для реализации потенциала делового партнерства Москвы и Анкары. Экономическое сотрудничество обоих государств в целом можно назвать эффективным и взаимовыгодным, а в отдельных случаях — и стратегически важным [9, с. 42]. Отчетливо наметились новые направления экономического сотрудничества не только в отношении совместной торговли, а и в сфере инвестирования. Во многом этому способствовала принятая в Турции долгосрочная государственная программа по серьезному увеличению экспорта, в которой российскому рынку отводится важнейшая роль. Следует ожидать резкого увеличения российских капиталовложений в турецкое хозяйство после начала реализации крупных инвестиционных проектов на турецкой территории. Прежде всего, это касается строительства АЭС в Турции. Экономикам обоих государств удалось пережить глобальный финансовый кризис и при этом сохранить высокий уровень взаимной кооперации, которая в последнее время вышла на качественно новый уровень. Это позволяет прогнозировать, что в будущем, благодаря активным усилиям сторон, на богатой экономической палитре турецко-российского сотрудничества непременно появятся новые яркие краски.

Литература

1. Интервью *М. С. Мейера* с Послом Турции в Москве Н. Шенсоем: «Возобновляются прежние дружеские связи» («Eski Dostluklar Yeniden Canlanıyor»), *Da (Diyalog Avrasya)*, Yıl: 2002, Sayı: 6.
2. Турция между Европой и Азией / Отв. ред. Н. Г. Киреев. — М., 2001.
3. *Milliyet*, 12. 09. 2001.
4. Komsuluktan stratejikisbirligine: Turk-Rus Iliskileri. Rapor. No 18, Mayıs 2010.
5. URL: www.orsam.org.tr
6. *Milliyet*, 17.01.1997.
7. Komsuluktan Stratejik Isbirligine: Turk-Rus Iliskileri. Ortadogu Stratejik Arastirmalar Merkezi // ORSAM. URL: www.orsam.org.tr
8. *Камалов И.* От соседства к стратегическому сотрудничеству: турецко-российские отношения // ORSAM. Rapor No: 18. The Black Sea International Rapor No: 3 — Анкара. 2010. Май.
9. *Turkiye-Rusya iliskileri rekabetten cok yonlu isbirligine. Uluslararası Stratejik Arastirmalar Kurumu. Avrasya Arastirmalari Merkezi.*

УЛЬЧЕНКО Н.Ю.

ТУРЦИЯ:
НЕИЗБЕЖНА ЛИ СМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА?

На момент прихода к власти правящей Партии справедливости и развития (ПСР) ряд важнейший макроэкономических показателей свидетельствовал о сложной ситуации в экономике Турции: к концу 2002 г. среднегодовой уровень инфляции составила 45 %, дефицит бюджета превысил 14 % ВВП, а госдолг достиг почти 80 % ВВП страны [1, s. 81; 92, 128].

Уже к следующим парламентским выборам, прошедшим летом 2007 г., ПСР подошла с убедительными экономическими результатами. В предвыборной декларации партии период 2003–2007 гг. был объявлен самым блистательным в экономической истории республики. Среди развивающихся стран Турция была признана «восходящей звездой» и «успешным примером для подражания» [2, s. 26]. Аргументировалось это утверждение следующим набором фактов. На фоне заметного сокращения бюджетного дефицита до 1,6 % отношение госдолга к ВВП снизилось с 80 до 40 % [3, s. 78, 88]. В итоге впервые за последние 34 года экономической истории Турции удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выразившихся однозначной цифрой: по итогам 2007 г. она составила менее 9 % [3, s. 135]. Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие среднегодовые темпы роста: в 2003–2006 гг. - 7,3 %. С 2002 г. национальный доход страны вырос в 2,2 раза – с 181 млрд долл. до 400 млрд [2, s. 31].

В годы глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. макроэкономические показатели ухудшились. Так, по итогам

2009 г. темпы роста были отрицательными, правда, падение объемов производства оказалось менее существенным, чем в других странах — около 5 %. И все же экономика Турции относительно безболезненно пережила первую волну кризиса. В 2010–2011 гг. она удивила уверенным послекризисным восстановлением на фоне темпов роста — около 9 % [4, s. 367]. По итогам 2010 г. рост экономики Турции оказался самым заметным среди стран ОЭСР.

В 2010–2013 гг. Турция достаточно успешно справилась с задачей поддержания бюджетного дефицита и уровня инфляции в рамках, позволявших говорить о сохранении в экономике страны устойчивой ситуации.

Вдохновленный успехами 2011 г., являвшийся на тот момент министром экономики страны З. Чаглаян, выступил в июле с заявлением о том, что задача Турции к 2023 г. — столетнему юбилею республики — войти в десятку крупнейших мировых экономик с показателем дохода на душу населения в 25 тыс. долл. и объемом экспорта в 500 млрд долл. [5], (на тот момент экономика Турции занимала в рейтинге ВБ 18 место, показатель ВВП на душу населения по текущему обменному курсу составлял 10 605 долл., а экспорт — 135 млрд долл.) [6; 7, s. 151]. Но в 2012 г. темпы роста экономики Турции лишь немногим превысили 2 %, предварительные оценки итогов 2013 г. — 3,6 % [7, s. 206; 8, s. 5].

Что стоит за снижением темпов роста — временная пробуксовка или более устойчивая тенденция, свидетельствующая о кризисе модели роста и необходимости ее смены, то есть выработки новой экономической политики?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует выявить драйверы роста, выяснить возможность их использования в дальнейшем, обратив внимание на те проблемы, которые омрачали картину благоприятного экономического развития страны в последние годы.

Итак, какие видимые на первый взгляд механизмы позволили правительству ПСР достичь экономических успехов? Поддержание относительной сбалансированности между государственными доходами и расходами правительство обеспечило посредством все большего сокращения инвестиционных расходов. С 2005 г. они составляли менее 10 % суммарных расходов бюджета, тогда как еще во второй половине 1990-х гг. на них прихо-

дилось 15–20 %. Но если в период 1990-х – начале 2000-х гг. их сокращение и удержание на низком уровне было неизбежным и в связи с давлением процентных выплат по обслуживанию громоздкого государственного долга, то успех стабилизации (средняя доля процентных выплат в общих расходах бюджета после 2005 г. составляет чуть более 15 %, тогда в 2003 г. – свыше 40 %) теоретически позволяла правительству возобновить активную инвестиционную деятельность, но оно этого делать не стало. При этом власти не стремились и к заметному увеличению расходов на заработную плату госслужащих, как это было в 1990-е гг. :они удерживались на стабильном уровне чуть более 20 % от суммарных расходов бюджета [Составлено и рассчитано по: 9, p. 68, 74; 10, s.78, 86; 1, p.79, 85; 13, s. 78, 84; 11, s. 83, 88; 3, s. 77, 82; 12, s. 88, 92]. Зато выраженным новым приоритетом в бюджетных расходах стали различные виды социальных расходов. При этом, если длительное время в «расстроеном» бюджете процентные выплаты по госдолгу оставались самой крупной расходной статьей, то в результате усилий правительства по финансовой стабилизации и активизации социальной политики удельный вес расходов только по наиболее крупной комплексной, но не единственной социальной статье «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь» в 2010 г., составив 17 %, впервые превысил долю процентных расходов [4, s. 92]. С отрывом в 3–4 процентных пункта эта статья социальных расходов доминировала и в 2011–2012 гг. [7, s. 136]. Социальные расходы в бюджете выросли к 2010 г., по сравнению с 2002 г., по крайней мере, на 8–9 процентных пунктов. Масштаб охвата бедного населения социальной помощью в последние несколько лет составлял не менее 10 млн человек ежегодно [19, s. 45].

При большом разнообразии социальных программ правительства основная их часть направлена на поддержку малоимущих и околосредних слоев. Нововведение ПСР в области социальной политики состоит в ее трансформации из инструмента ослабления влияния бедноты в инструмент, обеспечивающий неуклонный рост симпатий маргиналов к властям. В итоге длительное время правительству удавалось обеспечить себе надежные позиции среди «своего» избирателя и гарантии от развита сценария по образу и подобию арабских странах, где, по

мнению ряда исследователей, именно изоляция значительной части населения от возможностей решить проблему личного и семейного благосостояния стали предпосылкой антиправительственных революций [20].

Инвестиционный процесс оказался передоверен частному сектору, активность которого во многом опиралась на обеспеченную властями финансовую стабильность. При этом норма инвестиций повысилась с 16,5 % в 2002 г. до 25,2 % – в 2007 г. [21, s.746; 22, s. 34].

Доминирование частного сектора в качестве инвестора позволило частично решить актуальную задачу структурной перестройки турецкой экономики, заключающуюся в ее переходе на новый уровень экспортоориентированного развития посредством увеличения производства более высокотехнологичной продукции. В 2011 г. доля высокотехнологичных товаров в экспорте обрабатывающей промышленности Турции составила всего 3,5 %, что, во-первых, ниже показателя самой Турции в 2002 г. (5,1 %) и, во-вторых, значительно ниже среднего показателя стран ЕС за тот же 2011 г. (19,8 %). Но доля товаров среднетехнологичного экспорта выросла с 45 % в 2002 г. до 60 % в 2011 г. [23, s.170]. Планы и программы экономического развития Турции в последнее время неизменно включают стратегическую задачу обеспечения сдвига в пользу производства продукции с более высокой добавленной стоимостью.

«Технологическое» честолюбие премьер-министра проявилось и в том, что в конце 2011 г. он поставил в повестку дня такой важный для национальной гордости вопрос, как производство полностью турецкого автомобиля. Национальный Союз производителей автомобильной продукции поддержал инициативу премьера, отметив в своем докладе, что Турция, где автомобилестроение существует уже 40 лет и производятся (собираются) в партнерстве с иностранными компаниями 13 моделей легковых автомобилей, обладает возможностью наладить выпуск собственного автомобиля за четыре года [24].

С начала 2000-х гг. в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В 2002 г. он имел более чем скромные значения – около 1,5млрддолл. К 2008г. он достиг 42млрд. Снизившись в кризисном 2009 г. в три раза, по итогам 2010 г. он превысил предкризисный

уровень и составил уже более 46 млрд долл. Своего исторического максимума дефицит достиг в 2011 г. — 77 млрд долл., что соответствовало более 10 % ВВП страны [10, s.109;12, s. 14; 7, s. 207].

По итогам 2012 г. дефицит по счету текущих операций платежного баланса снизился до 66 млрд долл. [7, s. 207]. Но этот, казалось бы, положительный сдвиг произошел на фоне снижения темпов роста до 2 %. Таким образом, главная уязвимая точка в развитии экономики страны — неспособность самостоятельно поддерживать экономический рост и его зависимость от внешних источников финансирования. Сокращение объемов их использования, что подтверждает и опыт 2009 и 2012 гг., жестко увязано со снижением темпов роста.

Часть необходимых внешних источников финансирования поступает в страну в форме прямых иностранных инвестиций, в привлечении которых Турции также удалось добиться в последние годы заметных успехов. Однако максимальный приток в 22 млрд долл. наблюдался еще в предкризисном 2007 г. Все последующие годы он оставался ниже. Например, в 2012 г. Турция смогла привлечь лишь 12 млрд долл. прямых иностранных инвестиций [7, s. 207].

Таким образом, основная часть необходимого внешнего финансирования поступает в Турцию через систему портфельных инвестиций, в структуре которых после кризиса 2009 г. устойчиво преобладают различные долговые бумаги, и в виде кредитных займов с международного финансового рынка. В итоге возникла прочная привязка Турции в первую очередь агентов частного сектора, который теперь является держателем порядка 70 % внешней задолженности страны, к международному финансовому рынку и изменению его конъюнктуры, тем более что значительная часть заемных средств представляет собой краткосрочные займы: в 2012 г. на них приходилось около 40 % от общего объема задолженности частного сектора [Подсчитано по: 7, s. 171]. Вполне ожидаемо вырос и внешний долг Турции с 130 млрд долл. в 2002 г. до 337 млрд по итогам 2012 г. [Подсчитано по: 3, s. 109; 7, s. 207] (в 2,6 раза), правда, справедливости ради следует отметить, что на фоне заметного роста ВВП относительные размеры внешнего долга не приобрели драматического характера.

Успешно привлекать значительный объем капитала с внешних рынков Турции удавалось за счет сравнительно высоких

процентных ставок. Как отмечал один из турецких журналистов, «Центральный банк политикой высоких процентов намазывал масло на хлеб держателей горячих денег», а страна превратилась «в рай» для их инвестиций [25]. Притягиваемый высокими доходами спекулятивный краткосрочный капитал охотно приходил на турецкий рынок, обеспечивая удержание на сравнительно высоком уровне курса турецкой лиры по отношению к доллару.

В послекризисные годы благоприятная для иностранных инвесторов процентная политика, к которой Турции удалось вернуться как экономике, довольно быстро вступившей в фазу оживления после кризиса 2009 г., дополнилась стагнацией крупнейших западных рынков. В условиях их вялой динамики международный капитал устремился в сохранявшую динамизм Турцию.

Внешнее финансирование позволяло не только повышать норму инвестиций, но и расширять внутреннее потребление, о чем свидетельствует то обстоятельство, что рост дефицита по счету текущих операций (как известно, статистически он равен разнице между сбережениями национальной экономики и объемом инвестиций) происходил на фоне довольно заметного снижения нормы сбережений, едва дотягивавшей до 15 % ВВП.

Заметим, что для группы стран со средневысоким доходом, куда по классификации Всемирного банка входит Турция, средний уровень нормы сбережений составил в 2012 г. 32 % [6].

На фоне роста доступности средств с внешних рынков, снижавшего стимулы к росту сбережений в стране, наблюдался бум потребительского кредитования: в 2010–2011 гг. объем выданных турецкими банками потребительских кредитов возрастал ежегодно не менее чем на треть [13, s. 1–39; 14, p. 1–39; 15, p. 1–41].

Таким образом, в 2000-е гг. при относительно сбалансированном бюджете частный сектор активно использовал зарубежные кредиты, что позволяло искусственно расширять потребление национальной экономики, поддерживая рост за счет внутреннего спроса.

Следует признать, что в условиях вялости внешних рынков (турецкий экспорт смог выйти на предкризисный уровень 2008 г. в 140 млрд долл. только в 2011 г. [7, s. 207]) расширение

емкости внутреннего рынка, хотя и ценой активного использования внешних заимствований, стало реальной альтернативной моделью развития, которая и позволила Турции продемонстрировать неплохие темпы роста в послекризисные годы. Так, в 2010 г. взвешенный вклад потребления домохозяйств в составивший 9 % рост ВВП оценивался в 4,7 %, а в 2011 г. при росте ВВП в 8,7 % – в 5,3 % [25, с. 60].

Но в ближайшем будущем ситуация с использованием внешнего финансирования будет складываться не в пользу Турции в силу изменения международной финансовой конъюнктуры. Для США все более актуальным становится постепенный отказ от мер фискального сдерживания, а значит, следует ожидать повышения процентных ставок на американском рынке, постепенное оживление экономической конъюнктуры происходит и в Западной Европе. Именно развитые рынки представляются МВФ новым лидером в глобальной экономике, как следует из доклада Фонда, подготовленного для лидеров стран G-20 [16]. Это означает, что в перспективе географические приоритеты инвестирования для международного капитала начнут меняться: наступает период возврата капитала в «центр». В итоге Турция, как и подобные ей страны, не сможет выдержать конкуренцию находящихся на подъеме западных рынков и, по всей видимости, столкнется с невозможностью поддерживать и далее модель роста, в значительной мере опирающуюся на внешние источники финансирования.

Пока трудно сказать, насколько основательно Турция сумела подготовиться к грядущим изменениям. В мае 2013 г. формирующиеся рынки, в том числе турецкий, пережили первую волну массированного оттока средств, вызванную информацией о том, что ФРС может сократить покупки американских казначейских облигаций, то есть пойти по пути снижения темпов роста денежного предложения. В результате MorganStaley включило Турцию в группу так называемых пяти «хрупких» экономик, куда, помимо нее, вошли Бразилия, Индия, Южная Африка и Индонезия [17]. Для всех них общим оказалась высокая степень зависимости от притока краткосрочного иностранного капитала, и на его начавшийся отток они отреагировали быстрой и заметной девальвацией национальной валюты. Следующее потрясение обрушилось на экономику страны в конце января 2014 г. после

того, как ФРС объявила о дальнейшем сокращении программы количественного смягчения, снизив объем покупки долговых активов с 75 до 65 млрд долл. В итоге турецкая лира упала к доллару еще на 10 с лишним процентов.

Следует отметить, что в обоих случаях развитие событий на мировом финансовом рынке совпало с усилением внутренней напряженности в Турции, что дало основания для поиска связи между снижением курса лиры и политическими коллизиями в стране. В действительности им следует отвести всего лишь место катализатора в развитии фундаментальных экономических трендов, заложенных в ходе использования обрисованной выше модели роста. На вторичный характер внутривнутриполитических факторов указывает и то обстоятельство, что девальвация лиры в обоих случаях синхронизировалась с девальвацией валют других стран, имеющих подобно Турции ту или иную форму тесной привязки экономического развития к мировым рынкам. В случае Турции, скорее, следует говорить об обратном влиянии экономических факторов на усугубление политической нестабильности и усложнение общей перспективы выхода из периода турбулентности.

Так что, Турции предстоит пережить весьма неблагоприятные изменения международной финансовой конъюнктуры, которые могут обернуться для экономики, а заодно и внутривнутриполитического развития страны серьезным испытанием на способность сохранить ранее обретенные достижения.

Если в ближайшей перспективе Турцию действительно ожидает снижение доступности внешнего финансирования, то тогда вопрос об экономических перспективах страны оказывается жестко увязан с ее способностью к повышению сбережений и самофинансированию инвестиций.

Итак, для Турции уже далеко не в первый раз в ее экономической истории вновь актуализировалась задача обеспечения роста на собственной основе. Пока в январе 2014 г. ЦБТР объявил о двукратном повышении базовой процентной ставки. Но в подобной дорогостоящей конкуренции с западными рынками за инвестиционную привлекательность Турции вряд ли удастся победить. «Политики не в силах защитить курс, повышая ставки, — давление извне сильное: идет глобальная перегруппировка потоков инвестиций», — подчеркивают западные аналитики.

К тому же новый, заметно более высокий уровень процентных ставок уже означает новые условия развития экономики, значительно изменяющие прежнюю модель роста и, очевидно, замедляющие его темп. Остается лишь наблюдать за тем, чем закончится новая попытка Турции достигнуть экономической, прежде всего, финансовой самостоятельности.

Литература

1. UCCET. Economic Report 2004. —Ankara, 2005.
2. Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam (Предвыборная декларация Партии справедливости и развития). — Ankara, Haziran 2007. URL: www.akparti.org.tr
3. TOBB. Ekonomik Rapor 2009. — Ankara, 2010.
4. TOBB. Ekonomik Rapor 2011. — Ankara, 2012.
5. Ekonomi Bakanı Zafer Çağlayan'ın Mesajı: Ekonomi Bakanlığı ve 2023 Vizyonu. См. Сайт Министерства экономики Турции.
URL:<http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=mustesarlikduyurulari&icerik=FFF99179-D8D3-8566-4520B002CA8413FF>
6. См. базу данных Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org>
7. Orta Vadeli Program (2014–2016), Ankara, T.C. Kalkınma Bakanlığı, 2013.
URL: <http://www.bumko.gov.tr/TR,42/orta-vadeli-program.html>
8. UCCET. Economic Report 1997. — Ankara, 1998.
9. TOBB. Ekonomik Rapor 2003. — Ankara, 2004.
10. TOBB. Ekonomik Rapor 2007. — Ankara, 2008.
11. TOBB. Ekonomik Rapor 2010. — Ankara, 2011.
12. TOBB. Ekonomik Rapor 2005. — Ankara, 2006.
13. Bankalarımız 2009, Ankara, Türkiye Bankalar Birliği, 2010.
14. Banks in Turkey 2010, Ankara, The Banks Association of Turkey, 2011.
15. Banks in Turkey 2011, Ankara, The Banks Association of Turkey.
16. Ведомости, 06.09.2013.
17. Morgan Stanley Presents: The Fragile Five – The Most Troubled Currencies In Emerging Markets / Business Insider, 24.09.2013. URL: http://www.businessinsider.com/morgan-stanley-fragile-5-emerging-markets-2013-9?op=1#ixzz2ijwWTpuOhttp://www.businessinsider.com/morgan-stanley-fragile-5-emerging-markets-2013-9?pundits_only=0&get_all_comments=1&no_reply_filter=1#comment-5241feddecad04fa1b8b4574
18. Hükümet Programı, 61 (Программа 61-го правительства Турции). — Ankara, 2011.

19. См., например, *Lesser I.O. Turkey Inside-out: Old Realities, New Risks, and Strategic Implications.* – Wash., GMF, 13.01.2014.
20. TÜİK. İstatistik göstergeler 1923–2008. – Ankara, 2009.
21. TOBB. Ekonomik Rapor 2008. – Ankara, 2009.
22. 2013 Annual Program. 18 Ekim 2012 Tarihli ve 28445 Sayılı ResmiGazete’de Yayımlanan 4 Ekim 2012 Tarihli ve 2012/3839 Sayılı 2013 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair1. Bakanlar Kurulu Kararı Eki. – Ankara, 2012.
URL: <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2013/01/20130112M1-1.htm>
23. Hürriyet, 29.09.11; Sabah, 30.09.2011.
24. Milliyet, 24.06.2013.
25. TOBB. Ekonomik Rapor 2012. – Ankara, 2013.

УРМАНОВ Д.Р.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Распад биполярной системы внес существенные изменения во внешнюю политику Турции, и эти изменения продолжают до сих пор. Начав построение своей внешней политики с желания создать государство от Адриатики до Великой Китайской стены, Турция сумела закрепиться в этом регионе, но стать лидером ей помешал ряд объективных факторов, что в итоге привело к внешнеполитической переориентации Анкары.

Средняя Азия сегодня – это перекресток интересов различных мировых и региональных игроков (России, США, ЕС, Китая, Турции и Ирана). Регион является привлекательным по двум основным причинам – это большие залежи востребованных мировой экономикой природных ресурсов и удобное геополитическое расположение, позволяющее одновременно давить на Россию, Иран и Китай.

Одной из интересных специфик региона Средняя Азия является преобладание там тюркоязычных государств. Из шести существующих независимых тюркских государств в Средней Азии находится четыре – это Казахстан, Киргизстан, Туркменистан и Узбекистан. С этим и связано активное присутствие в данном регионе Турции, которая после окончания «холодной войны», распада Советского Союза и образования новых государств в Средней Азии, вдохновленная идеями пантюркизма и открывшимися возможностями, начала активно перестраивать свою внешнюю политику по отношению к данному региону.

Средняя Азия, не игравшая вплоть до начала 1990-х гг. никакой роли в формировании внешней политики Анкары, после

распада Советского Союза и ослабления Москвы становится одним из самых актуальных направлений при формировании внешней политики Турции. Активность Анкары мотивировалась не только идеями культурной, исторической и языковой близости с вновь образовавшимися государствами, но и желанием не выпасть из орбиты внимания западных стран после распада биполярной системы. В противостоянии двух полюсов Турция использовалась как один из форпостов НАТО для борьбы с Советским Союзом, поэтому с окончанием «холодной войны» руководство Турции было вынуждено искать новые рычаги влияния на Запад, и одним из приоритетных направлений был выбран регион Средняя Азия.

После образования 8 декабря 1991 г. СНГ Турция становится первым государством, признавшим новые тюркские республики [1, р. 36–58, 45]. Анкара активно начинает использовать территорию в своих целях, анонсируя новые экономические договора, обещая свободное перемещение капитала и заявляя о желании углубления экономического сотрудничества. Турция начинает развивать на территориях новых республик образовательные программы, учреждает различные гранты, организывает вещание своего телевидения, открывает новые авиамаршруты. С целью предоставления технической помощи развивающимся странам и развития с ними отношений в сфере экономики, торговли, техники, культуры, образования и социального развития в 1992 г. учреждается Турецкое управление по сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığı, TİKA). Другим инструментом экономической поддержки государств в Средней Азии являлось созданное в конце 1980-х гг. государственное экспортно-кредитное агентство, которое в период 1992–2000 гг. профинансировало различные торгово-финансовые проекты в размере около 800 млн долл. В культурном плане правительство Турции в 1993 г. инициировало создание Международной организации тюркской культуры (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi'ni, TÜRKSOY). В состав Организации входили все новые тюркоязычные государства и Турция. Целью организации было сохранение и распространение тюркского культурного наследия. Другим важным компонентом турецкой политики являлось создание в 1992 г. проекта студенческих обменов. Основной целью являлось привлечение в турецкие ВУЗы

студентов из Средней Азии с долгосрочной перспективой создания в новых республиках протурецкой политической элиты. За период 1992–2002 гг. в тюркоязычных республиках было выдано более 14 000 грантов на обучение, параллельно с этим в этих странах учреждались турецкие языковые центры, открывались школы и университеты [2, р. 293–307].

Помимо этого, свой вклад в сближение со среднеазиатскими республиками внес и турецкий частный бизнес. Несмотря на отсутствие какой-либо помощи со стороны государства, турецкие предприниматели сумели организовать, хотя и не очень значительный, бизнес в этих государствах. Эти начинания турецких предпринимателей послужили основной для наращивания торгового сотрудничества Турции со Средней Азией в 2000-х гг.

Большую роль в укреплении отношений сыграли благотворительные организации, среди них особенно можно отметить движение Феттулах Гюлена «Хизмет». Движение начало свою работу в Турции еще в начале 1980-х гг., а на мировой уровень оно выходит в начале следующего десятилетия, именно с запуска образовательных проектов в Средней Азии и на Кавказе. В период 1992–1997 гг. различными последователями Ф. Гюлена в Средней Азии были открыты 73 школы и 3 университета [1, р. 50]. Нацеленные на западные стандарты эти образовательные учреждения основывались на тюркской идентичности и «социально-консервативном, политически-прогрессивном и ориентированном на рынок исламе» [3, р. 176]. Сочетание частных благотворительных организаций и государственной политики укрепления культурных связей и сотрудничества окажется наиболее эффективным инструментом турецкой политики «мягкой силы» в этом регионе.

К началу XXI в. произошло значительное сокращение политического продвижения Турции в Среднюю Азию. Связано это с рядом преобразований, как во внутренней, так и во внешней политике Анкары. В годы правления ПСР внешняя политика Турции становится более многовекторной и руководствуется в основном возрастающими экономическими интересами страны. Анкара начинает выстраивать отношения по примеру Европейского Союза, политической интеграции должны предшествовать экономическая и ценностная. Помимо этого, Турция не желает обострять отношения из-за Средней Азии с такими

странами, как Россия и Китай. Если в начале девяностых годов активность Турции на данном направлении подкреплялась еще и желанием не остаться на обочине мировой политики и показаться нужной Западу, то к началу 2000-х гг. складывается довольно острая для Анкары ситуация. Риторика Турции относительно единства тюркских народов вызывает негативные оценки со стороны Пекина. Китай уже столкнулся с активизацией уйгурских сепаратистов после возникновения новых тюркских государств в Средней Азии, и поэтому дальнейшее нагнетание обстановки ухудшило бы турецко-китайские отношения. Начало XXI в. также связано и с активизацией действий Москвы в данном регионе, этому способствовали смена власти в Кремле и возросшая конкуренция в данном регионе. В военном сотрудничестве, помимо России, в регион с началом Афганской компании активно вовлекаются США, размещая базы в Киргизии и Узбекистане. В экономической сфере большую конкуренцию составляют Китай и Европейский Союз, которые активно инвестируют в инфраструктурные и энергетические проекты. Интеграционные попытки Турции, также не остаются без внимания. Все это вызывает естественное желание Москвы отстаивать свое влияние в данном регионе, и вследствие этого Россия активизирует в Средней Азии альтернативные турецким интеграционные инициативы. В рамках сближения в сфере безопасности, экономики и политики Россия активизирует ряд «замороженных» проектов. В 2001 г. с целью углубления интеграции в экономической и гуманитарной областях создается Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в этом же году «Шанхайская пятерка» преобразовывается в Шанхайскую Организацию Сотрудничества, в 2002 г. из Договора о коллективной безопасности образуется Организация Договора о коллективной безопасности.

Турция уступает Среднюю Азию не только по политическим, но и по экономическим показателям. Товарооборот за 2012 г. между Китаем и Средней Азией достиг 45 млрд долл., российские же показатели за тот же период составляют 27,4 млрд. По сравнению с этими цифрами, турецкая цифра в 6,9 млрд долл. выглядит незначительной [4].

В сфере энергетического влияния и попыток создать за счет Средней Азии альтернативу российским поставкам в Европу

достижения Анкары тоже незначительны. Это связано с двумя ключевыми факторами. Первый – это желание Китая диверсифицировать ненадежные морские поставки энергоносителей с Ближнего Востока путем организации надежных газо- и нефтепроводов со Средней Азии. И сегодня это желание Пекина уже во многом реализовано, газовые поставки ведутся через газопровод Центральная Азия – Китай, который проходит по территории Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Помимо этого, Казахстан наращивает поставки нефти в Китай, и, по данным агентства «Синьхуа», 2013 г. был рекордным для Астаны. Через китайско-казахский трубопровод в 2013 г. было проведено более 11,85 млн тонн сырой нефти – это на 14,09 % больше показателя 2012 г., отмечает агентство [5]. Вторым не менее маловажным фактором является активное противодействие Москвы любым попыткам поставок газа в обход России в Европу. Ярким примером служит провал проекта «Набукко». Исключив возможность наполнения данного газопровода, Россия предложила альтернативный проект «Южный поток», строительство которого уже началось.

Начиная с 2002 г., с приходом к власти Партии справедливости и развития внешняя политика Турции претерпела ряд фундаментальных изменений. Осознав наивность политики «пантюркизма» и ограниченность своих политических и экономических возможностей для реализации задуманного, Анкара начинает трансформацию своей внешней политики. Не желая быть больше «периферией», как это было во времена «холодной войны», Турция делает заявку на роль региональной державы. Об этом много и не раз говорил глава МИД Турции Ахмет Давутоглу [6]. Роль Средней Азии в новом курсе Анкары уменьшается и во многом уходит на второй план. Это подтверждается и сменой энергетических приоритетов Анкары. Турция, не сумев пробиться к энергоносителям Средней Азии, начала тесное сотрудничество с более реалистичными северными и южными направлениями. На севере Анкара сотрудничает с Россией, на юге – с Ираном и Ираком.

Поменяв внешнеполитические приоритеты, Турция поменяла и инструменты своей политики. Все так же активно работая в Средней Азии в гуманитарном направлении, Анкара предпочитает конкуренции взаимодействие и сотрудничество с

Россией и Китаем. Этому свидетельствует то, что Россия является сегодня для Турции ключевым экономическим партнером в сфере энергетики, инвестиций и торговли. В отношениях с Китаем свидетельством этого является позиция Турции по Уйгурскому вопросу, который расценивается официальной Анкарой как «внутренний». Кульминацией развития отношений на сегодняшний день является подписание в 2012 г. меморандума о предоставлении Турции статуса «партнер по диалогу» в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Во многом активность Турции в регионе Средняя Азия в начале XXI в. спала, но это не означает отсутствие деятельности. В 2008 г. в Стамбуле проходит встреча глав парламентов Турции, Азербайджана, Казахстана и Киргизии, на котором подписывается договор, учреждающий Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран (Тюрк ПА). Помимо этого, в 2009 г. был реанимирован созданный еще в 1992 г. Саммит государств тюркских языков. Подписанные в октябре 2009 г. соглашения в Нахичиване переформатировали его в Тюркский совет, цели которого являются довольно многочисленными: безопасность, усиление взаимодействия на международной арене и создания условий для инвестиций и торговли [7]. Среди наиболее заметных проектов Тюркского совета — это создание делового совета, совместного арбитражного суда, межвузовского союза и проект совместного администрирования транспортных коридоров.

Несмотря на довольно активные действия со стороны Анкары в последнее время, сказать, что Средняя Азия это приоритетное направление внешней политики Турции, нельзя. Если проследить количество помощи, оказанной Анкарой в XXI в., то получается, что, начиная с 2004 г., размер денежных вливаний в экономики Средней Азии вырос с 92,7 до 154,4 млн долл. Но если считать в процентном соотношении, то, если в 2004 г. процент от общего числа составлял 41 %, то в 2011 г. эта цифра упала до 12,5 %. Для сравнения: на Ближний Восток Турция в 2011 г. потратила 292,64 млн долл. [8].

Подводя итоги, можно сказать, что политика Турции после окончания «холодной войны» в отношении тюркоязычных стран провалилась, во многом из-за того, что Анкара не смогла выдержать конкуренции в регионе в вопросах экономики и безопасности. Поэтому в XXI в. одновременно с переосмысле-

нием внешней политики Турции произошла маргинализация Средней Азии как приоритетного региона. Во многом это связано еще и с международной обстановкой. Для Турции в последнее десятилетие открылась неожиданная возможность активно работать на таких направлениях, как Восточное Средиземноморье, Ближний Восток и Северная Африка. Возможно, в будущем Средняя Азия снова вернет свою актуальность для Анкары, так как вывод войск НАТО из Афганистана может сделать Среднюю Азию регионом нестабильности. В таком случае политика Анкары по созданию структур двух- и многосторонних отношений со странами региона может оказать существенное влияние на позиции Турции. Особенно актуальным в этот момент может оказаться участие Анкары в ШОС, которая является на сегодня самой влиятельной структурой региона с большим потенциалом решения проблем безопасности. Надо сказать, что эффективность политики Турции в значительной степени будет зависеть от степени отношений в рамках ШОС. Стоит отметить, что Средняя Азия для Турции далеко не альтернатива евроатлантическому вектору турецкой внешней политики. Со стороны Запада же возможен вариант начала 1990-х гг., когда Турция использовалась как проводник их интересов в регионе.

Литература

1. *Aras B.* Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options. *Turkish Studies*, № 1, (Spring 2000).
2. *See L. Yanik.* The Politics of Educational Exchange: Turkish Education in Eurasia «Europe-Asia Studies». № 2 (2004).
3. *Yavuz H.* Islamic Political Identity in Turkey // Oxford University Press. — Oxford and New York, 2003.
4. IMF Data Warehouse // Direction of Trade and Statistics (DOTS).
5. China sees record crude oil imports from Kazakhstan. Xinhua.
URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/22/c_133066009.htm
6. Türkiye cephe ülkesi değil. Zaman. URL: http://www.zaman.com.tr/dunya_disisleri-bakani-davutoglu-turkiye-cephe-ulkesi-degil_1040900.html
7. Нахичеванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств. URL: <http://turkkon.org/eng/icerik.php?no=28>
8. TİKA // TürkiyeKalkınmaYardimlariRaporu (издания 2004 и 2011 гг.).

ЦИВАТЫЙ В.Г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НАЧАЛА XXI ВЕКА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
(ВЗГЛЯД ИЗ УКРАИНЫ)

Неоспоримо, что Турецкая Республика постепенно преобразуется и превращается во влиятельного игрока в регионе — одного из региональных лидеров. Это обстоятельство способствует актуальности исследования развития как украинско-турецких, так и отношений Турецкой Республики с основными партнёрами и стратегически важными государствами региона, в том числе и государствами постсоветского пространства. Это, на наш взгляд, является важным вопросом, который также должен приниматься во внимание при определении принципов внешней политики Украины.

Актуальность данной темы также обусловлена позитивной динамикой развития украинско-турецких отношений в 2010—2014 гг., как двух почти равномерных по потенциалам соседних государств в регионе Чёрного моря. На сегодняшний день Турецкая Республика является одним из ведущих партнёров Украины, и, учитывая историю формирования и развития двусторонних отношений, именно Турецкая Республика может стать стратегическим партнёром Украины в полном смысле этого слова, а не только на уровне политических заявлений.

Тезис о стратегическом партнёрстве фактически начинает имплементироваться на практике, что номинально получило своё подтверждение в 2010 г. и в 2014 г. во время визитов тогдашнего Министра иностранных дел Турецкой Республики А. Давутоглу в Украину (5—6 мая 2010 г. и 1 марта 2014 г.). Этот

политико-дипломатический диалог доподлинно является актуальным и перспективным и сегодня.

Традиции двусторонних отношений конца XX — начала XXI вв. между Украиной и Турецкой Республикой интенсивно институционализировались и интенсифицировались под влиянием геополитических изменений в регионе. Турецкая Республика признала независимость государства Украина 16 декабря 1991 г. 20 ноября 1991 г. между Украиной и Турецкой Республикой были установлены консульские отношения. 3 февраля 1992 г. был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений между государствами. 3 апреля 1992 г. в Киеве было открыто Посольство Турецкой Республики, а 3 января 1993 г. в Анкаре начало свою работу Посольство Украины.

Основы добрососедских украинско-турецких отношений заложены в таких международно-правовых документах: Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Турецкой Республикой от 4 мая 1992 г. и Совместный план действий о сотрудничестве между Кабинетом Министров Украины и Правительством Турецкой Республики от 2 апреля 2004 г. По состоянию на март 2014 г. между Украиной и Турецкой Республикой подписано более 100 международных соглашений и договоров.

В целом украинско-турецкие отношения начала XXI в. характеризуются мощным и результативным политико-дипломатическим диалогом. Так, например, за 2005–2014 гг. было осуществлен ряд важных межгосударственных визитов различного уровня. В рамках этих визитов был подписан пакет документов, которые определяют план действий в краткосрочной и долгосрочной перспективе развития двусторонних отношений в различных сферах деятельности до 2020 г.

1 марта 2014 г. и.о. Министра иностранных дел Украины Андрей Дешица провёл переговоры со своим турецким коллегой Ахметом Давутоглу, который находился с визитом в Киеве. Собеседники обсудили актуальные вопросы украинско-турецких отношений, подтвердили обоюдное стремление развивать отношения стратегического партнёрства. Министры констатировали готовность содействовать развитию сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес, в том числе через существующие двусторонние институционные механизмы [1].

В 2014 г. начал свою дипломатическую деятельность в Украине новый Посол Турецкой Республики. Новоназначенный Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в Украине Йонет Джан Тезель подчеркнул особенный характер двусторонних отношений между двумя государствами и изложил приоритетные вопросы в политико-дипломатических отношениях в краткосрочной перспективе.

Учитывая европейский вектор внешней политики Украины, украинско-турецкие двусторонние отношения приобретают дополнительную значимость, учитывая то обстоятельство, что Турецкая Республика, как член НАТО, имеет аналогичные цели в стратегической перспективе – получение членства в Европейском Союзе. Уникальный опыт Турецкой Республики на «европейском» направлении вполне может быть востребован Украиной для реализации стратегически важных интересов своей внешней политики, а также – и другими странами постсоветского пространства.

С учётом отмеченного выше, Турецкая Республика представляет особый интерес для Украины с точки зрения энергетической безопасности, поскольку в ближайшей перспективе Турецкая Республика станет важным транзитным государством и через её территорию будут транспортироваться каспийские и ближневосточные энергоносители.

Особого внимания заслуживает опыт институционального развития и организации дипломатической деятельности Турецкой Республики. В частности, вышесказанное относится к периоду экономического кризиса и периоду после кризиса. Во время своего визита А. Давутоглу отметил, что Турецкая Республика готова сделать любые планомерные шаги к полной экономической интеграции и сотрудничеству с Украиной, а также решительно настроена развивать в будущем турецко-украинские культурные и гуманитарные связи.

В частности, министр Турецкой Республики подчеркнул настроенность официальной Анкары либерализовать визовый режим между двумя государствами (по аналогии с российско-турецким соглашением относительно введения безвизового режима для граждан обеих стран). «Мы придаём большое значение тому, что наши народы имели возможность более тесного общения. Техническая подготовка к либерализации визового

режима уже осуществлена, и в ближайшем будущем он будет введён. Турецкая Республика к этому готова». Турецкая Республика также заинтересована рассмотреть возможность создания зоны свободной торговли с Украиной.

Актуальным остаётся тезис об относительной стабильности и безопасности в Черноморском регионе, о чём свидетельствует позиция Ахмета Давутоглу: «Турецкая Республика рассматривает бассейн Чёрного моря как зону дружбы, мира и благополучия. Мы хотим видеть здесь историю, культуру, торговлю, искусство. Этот регион не для военной конфронтации. У Турецкой Республики есть только страны, с которыми мы сотрудничаем» [2]. Таким образом, турецкий дипломат в очередной раз охарактеризовал позицию своего государства относительно Черноморского региона. В то же время Турецкая Республика не отказывается от своих планов относительно распространения своего влияния и присутствия в регионе.

В период 2010–2014 гг. Турецкая Республика основательно укрепилась в списке основных торговых партнёров Украины. По данным Государственного комитета статистики Украины, торговля товарами между Украиной и Турецкой Республикой в течение 1994–2013 гг. характеризовалась постепенным ростом количественных показателей объёма. В то же время следует отметить, что мировой экономический кризис 2008 г. неизбежно отрицательно сказался на украинско-турецких торгово-экономических отношениях, что, в частности, продемонстрировало снижение в объёмах товарооборота между двумя странами.

Взаимодействие в энергетической сфере является важным направлением двустороннего сотрудничества между Украиной и Турецкой Республикой и нацелено прежде всего на обеспечение энергетической безопасности двух стран [3, с. 131–139]. Эта деятельность осуществляется в рамках Соглашения между Кабинетом Министров Украины и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области энергетики от 7 июня 2005 г. Основные направления сотрудничества определяет Рабочая группа по вопросам энергетики.

Перспективными направлениями двустороннего сотрудничества в энергетической сфере являются: совместный поиск залежей и добыча нефти и природного газа в акватории Чёрного моря; реализация совместных проектов в области восстано-

вительной энергетики и в угольной промышленности; участие украинской стороны в развитии сектора атомной энергетики Турецкой Республики.

Сотрудничество между Украиной и Турецкой Республикой в области образования, в частности высшего образования, осуществляется на основании Соглашения о сотрудничестве между Министерством образования Украины, Советом по вопросам высшего образования и Министерством образования Турецкой Республики в области образования (подписано 21 мая 1998 г.).

Не менее важным является развитие сотрудничества в научно-технологической сфере между Украиной и Турецкой Республикой. Это направление можно отнести к наиболее перспективным, учитывая общемировые глобальные тенденции, когда глобальная конкуренция уже давно переросла из промышленной области в научно-технологическую.

Сформирована основательная договорно-правовая база двусторонних отношений в научно-технологической области. Так, в 2007 г. вступило в силу рамочное Соглашение о сотрудничестве в области исследований и использования космического пространства, а в 2009 г. — Соглашение между Правительством Украины и Правительством Турецкой Республики в области науки и технологий.

С укреплением роли Турецкой Республики на мировой арене, а также с её активным экономическим, политическим и институциональным развитием важным на сегодня является исследование и детальное изучение дипломатической практики и внешнеполитической ситуации в этой стране, которая имеет все шансы стать лидером мусульманского мира.

Но особое внимание заслуживает внешнеполитическая модель, модель дипломатии и опыт организации дипломатической деятельности Турецкой Республики конца XX — начала XXI вв. для государств постсоветского пространства, и Украины в частности. Особенно данная оценка касается периода кризиса и посткризисного периода турецкой истории. Сложные экономические условия, в которых Турецкая Республика, как и другие страны, оказалась в 2008 г., не стали поводом для более взвешенного и экономного финансирования внешнеполитической деятельности, а наоборот — посткризисный период характеризуется открытием новых дипломатических миссий, поскольку

инвестиции Турецкой Республики понимает, что это – инвестирование на долгосрочную перспективу, которая не должна игнорироваться из-за временных финансовых трудностей [4].

Структура Министерства иностранных дел Турецкой Республики является классической, т.е. состоит из центрального аппарата и заграничных представительств. С 1 мая 2009 г. по 28 августа 2014 г. Министром иностранных дел Турецкой Республики являлся Ахмет Давутоглу (ставший затем премьером), с 28 августа 2014 г. – Мевлют Чавушоглу.

С целью активизации участия в региональных процессах планируется дальнейшее расширение сети заграничных дипломатических и консульских учреждений [5]. Дополнительное финансирование внешней политики и дипломатии Турецкой Республики в сложных посткризисных условиях свидетельствует о значимости, которая придаётся правительством страны вопросу турецкого присутствия в мире. В частности, А. Давутоглу акцентирует внимание на необходимости мыслить «глобальными категориями», прежде всего в региональном масштабе, и не «зацикливаться» на двусторонних отношениях [6]. Перефразируя изречение основателя турецкого государства Мустафы Кемаля Ататюрка времён национально-освободительной войны турецкого народа против оккупации Антанты 1919–1923 гг. о том, что «нет линии обороны – есть плоскость обороны, и эта плоскость – всё государство», он отмечает, что сейчас «нет линии дипломатии – есть плоскость дипломатии, и эта плоскость – весь мир». Такая позиция должна символизировать активное дипломатическое присутствие Турецкой Республики практически во всех регионах мира. При этом приоритетными методами работы и дипломатическим инструментарием должны стать оперативность, взвешенность и отсутствие бессистемности [7].

В этой связи А. Давутоглу подчеркнул необходимость улучшения и совершенствования модели дипломатии Турецкой Республики, в частности системы подготовки и повышения квалификации молодых турецких дипломатов, активизации их деятельности в научно-исследовательской области и изучении языков стран пребывания [8].

Указанные факты свидетельствуют об активизации деятельности дипломатической службы Турецкой Республики в течение 2012–2014 гг. В этот период перед дипломатами было поставле-

но задание относительно дальнейшего наращивания турецкого присутствия во всех «уголках мира» и обеспечения проактивной позиции относительно актуальных вопросов международной и региональной жизни.

Основным заданием турецкого МИД является продвижение интересов Турецкой Республики на мировой арене, практическое содействие её становлению как влиятельного регионального лидера, а также лоббирование экономических интересов страны. Основным принцип внешней политики Турецкой Республики был заложен её основателем Мустафой Кемалем Ататюрком ещё в 1923 г. — «Мир в стране, мир — во всём мире» (Yurtta sulh dünyadasulh). С этого периода определено также и прозападное направление внешней политики государства.

Во времена «холодной войны» Турецкая Республика была форпостом НАТО и основным союзником США в регионе. Однако с начала 1990-х гг. и до сегодняшнего дня внешнеполитическая ориентация Турецкой Республики претерпела существенные изменения [9, с. 24–28].

С момента прихода к власти в ноябре 2002 г. происламской Партии справедливости и прогресса (ПСП) и формирования её лидером — действующим премьер-министром Р.Т. Эрдоганом — однопартийного правительства главным приоритетом внешней политики Турецкой Республики является вывод государства на уровень глобального игрока, который в состоянии влиять на развитие событий в мире и регионе. Исходя из этого, способ «поведения» государства на международной арене изменился на более активный [10].

Турецкая Республика видит себя неотъемлемой частью сразу нескольких регионов — Черноморского, Балканского, Кавказского, Ближне- и Средневосточного. В связи с этим основной характеристикой современной внешней политики данного государства является её многовекторность, что, по убеждению политического истеблишмента Турецкой Республики, наилучшим образом соответствует турецким политическим, экономическим интересам и интересам безопасности.

На сегодня в Турецкой Республике приоритетное значение имеют две основные внешнеполитические цели — вступление в Европейский Союз и урегулирование отношений с соседними странами при создании вокруг своей территории пояса безопасности, стабильности и мира.

В целом, позиционируя себя модератором консенсусных процессов между или внутри «проблемных» стран региона, Турецкая Республика в демонстрирует способность находить общий язык со всеми причастными сторонами (что не всегда могут себе позволить страны Запада) и, соответственно, оказывать определенное влияние на развитие этих процессов на мировом уровне и принятие соответствующих решений.

Турецкая Республика стала одним из первых государств, призвавших постреволюционные режимы в Тунисе, Ливии и Египте. В последние годы проявился особый интерес и усилилась роль Турецкой Республики в решении палестинской проблемы и проблем ближневосточного урегулирования в целом. Характеризуя политико-дипломатическую обстановку в регионе, нужно отметить наличие благоприятных факторов для создания на Большом Ближнем Востоке нового политического альянса. Политическое руководство Турецкой Республики планомерно использует любую возможность для продвижения неооттоманских или пантюркистских устремлений Анкары, а равно и модели «турецкой демократии» на Ближний Восток и Северную Африку [11].

Главное на сегодня в политическом развитии Турецкой Республики — это смена идеологии, что оказывает существенное влияние и на внешнюю политику государства. Европеизм и ориентация на Запад с каждым годом теряют своих сторонников. Приверженность идеям «кемализма» постепенно отходит в прошлое, и шаг за шагом страна возвращается «в лоно ислама». Однако этот процесс происходит не столь гладко, сторонники светского пути развития настойчиво отстаивают свои позиции и убеждения. Это приводит к обострению противоречий между различными частями турецкого общества, а следовательно, в будущем создаст немалые угрозы для многонациональной Турецкой Республики. К тому же идеи неоосманизма отрицательно воспринимаются практически во всём арабском мире.

Кроме того, раскол в турецком обществе вызвали и некоторые направления внешней политики страны, особенно в отношении внутрисирийского конфликта. После начала сирийских событий Турецкая Республика оказалась в наиболее сложной внешнеполитической ситуации из всех региональных государств. После нескольких лет выстраивания дружественных отноше-

ний с Сирией турецкий премьер Р.Т. Эрдоган был вынужден отказаться от этого курса. Турецкая Республика воздержалась от прямого вмешательства в сирийский конфликт, но фактически прочно увязла в сирийских делах вместе с остальными странами «суннитской коалиции».

В условиях современной геополитической расстановки сил Украине, как и некоторым другим государствам постсоветского пространства, включая, естественно, и Россию, необходимо акцентировать своё внимание на центральноазиатском и кавказском направлениях турецкой внешней политики. Турецкая Республика после окончания периода биполярной конфронтации начала формировать новые идентичности и новую внешнеполитическую модель на постсоветском пространстве, прежде всего – в регионах, населённых тюрками [12, с. 5–9].

Расширение масштабов присутствия Турции в этом регионе непосредственно затрагивает и украинский вектор внешней политики Турецкой Республики. В связи с крымским вопросом 2014 г. Турция выступила на стороне Европейского Союза и НАТО, что подтвердил в своём выступлении на телевидении и тогдашний Министр иностранных дел Турецкой Республики Ахмед Давутоглу. Однако Министр подчеркнул, что о разрыве отношений с Россией не может быть и речи, «... Турция готова поддерживать дипломатические отношения с Россией» (21.03.2014 г.).

В аналитических кругах является довольно распространённым мнение о том, что Турецкая Республика, в силу своего возрастающего влияния, будет формировать иной (новый) курс внешней политики и использовать эффективный дипломатический инструментарий, акцентируя своё внимание в большей степени на Востоке, и, по мере достижения поставленных перед собой целей, Анкара будет постепенно вытеснять США и Запад из «зоны своих интересов». Однако, на сегодня Турецкая Республика стабильно будет балансировать между интересами своих стратегических партнёров – США, Европой и Россией [13].

Уже сейчас Анкара демонстрирует самостоятельность во внешней политике и выборе дипломатического инструментария. Особенно если принимать во внимание возрастающее сотрудничество Турецкой Республики и Ирана в энергетической области в противовес предупреждениям США. И это, безуслов-

но, не может не указывать на дальнейшую корректировку внешней политики и действенной дипломатии Турецкой Республики в будущем.

Политическое руководство Турецкой Республики чётко осознаёт, что успешную внешнюю политику можно реализовать только при условии наличия сильной дипломатической службы [14, с. 26–27]. Дополнительное финансирование внешней политики Турецкой Республики в сложных посткризисных условиях свидетельствует о важности, которая придаётся правительством страны вопросу турецкого присутствия в мире.

Несмотря на ряд таких причин, как возрастающая политическая роль Турецкой Республики как регионального лидера; географическая близость стран; относительное равенство потенциалов, высокая динамика политического диалога и отсутствие каких-либо проблем (этот фактор имеет важное значение с учётом того, что почти со всеми странами региона и странами, которые являются стратегическими партнёрами Турецкой Республики, она имеет или текущие проблемные вопросы, или исторически сложившиеся), Украина пока что недостаточно использует турецкий вектор в своей внешней политике.

Учитывая, что Турецкая Республика имеет все шансы уже в ближайшей перспективе преобразоваться в весомого политического игрока в регионе, углубление двустороннего сотрудничества с Турецкой Республикой становится всё более актуальным и соответствует национальным интересам Украины. Однако следует также учитывать, что в отдельных областях интересы Украины и Турецкой Республики не совпадают, в частности это касается реализации проектов по строительству нефте- и газопроводов – Турецкая Республика является конкурентом Украины.

Таким образом, геополитическая, глобальная и региональная ситуация, которая сформировалась вокруг страны, диктует Турецкой Республике необходимость формирования новой внешнеполитической стратегии и выбора соответствующего дипломатического инструментария. Обновлению принципов такой внешней политики способствовали следующие факторы: отсутствие очевидных внешних угроз; высокие темпы внутреннего экономического роста; наличие сильной армии XXI в. в регионе; окружение благоприятным соседством государств.

Всё это, вместе взятое, даёт основания турецкой стороне рассчитывать на значительные дивиденды от политической деятельности, нацеленной на расширение собственного влияния и углубление на принципах взаимозависимости своего присутствия в мусульманском мире.

Литература

1. Текущий архив Министерства иностранных дел Украины. — Пресс-служба МИД Украины. — Рабочее досье: 2014.
2. Турецкий портал новостей «CNN Türk». URL: <http://www.cnnturk.com.tr/ukraine>
3. Гончар М.М. Енергетична безпека України: біг на місці. Зовнішня політика України — 2008: стратегічні оцінки, прогнози та пріоритети. Під ред. Г.М. Перепелиці. — СтилоС, 2009.
4. Türk dış politikasının analizi. İstanbul, 2014.
5. «Закон о создании и функциях МИД Турецкой Республики» № 4009 (4009 sayılı ‘Dışişleri Bakanlığının Kuruluş ve Görevleri Hakkında Kanun’). URL: www.mfa.gov.tr
6. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik. Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayınları, 2009.
7. Давутоглу А. Региональный поход к глобальному миру // Россия в глобальной политике. 2010. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/42/13268.html>
8. Официальный сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики. URL: www.mfa.gov.tr
9. Корсунський С.В. Українсько-турецькі відносини: минуле, сьогодні, завтра... Науковий вісник Дипломатичної академії України. 2011. Вип. 17. С. 24—31.
10. Текущий архив Министерства иностранных дел Украины. — III Территориальный департамент. — Рабочее досье: 2012—2014 гг.
11. Крылов А.В., Федорченко А.В. Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА: Аналитические доклады. Вып. 1 (40). Март 2014 г. — М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2014. 58 с.
12. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. — М., 2013. № 2 (27). С. 5—11.
13. Чубрикова О.А. Турция, которую мы не знаем. — Харьков: Фолио, 2011. 255 с.
14. Чекаленко Л.Д., Ціватий В.Г., Васильєва М.О. Турецька Республіка початку XXI століття: традиції, зовнішньополітична стратегія, інституційна модель (неупереджений погляд з України) // Зовнішні справи. 2014. № 1. С. 22—27.

ШАНГАРАЕВ Р.Н.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

В современных условиях глобализации и геополитики доступ к энергетическим ресурсам является неотъемлемой необходимостью для современных государств, вследствие чего энергетический фактор определяет развитие политического курса акторов в мировой политике и экономике, являясь не менее значимым, чем военный. Исходя из своих интересов, в том числе и энергетических, государства формируют стратегию и внешнюю политику страны. У любого государства в той или иной степени существует зависимость от энергетических ресурсов. Для некоторых государств — это основа благосостояния и «рычаг давления» на отдельных акторов с целью получения геополитического превосходства, для других — это основа жизнеобеспечения жизнедеятельности страны.

Энергетический фактор имеет основополагающее значение в экономике страны так же, как и в социально-экономическом развитии России и в формировании ее внешней политики. Энергетическая безопасность неотрывно связана с национальной безопасностью страны. Развитый топливно-энергетический комплекс позволяет России успешно интегрироваться в глобальную экономику, а также значительно повышает ее геополитические возможности.

Турция обладает уникальным географическим положением, которое предоставляет ей обширные стратегические возможности, являясь естественным трансконтинентальным буфером

между странами – основными экспортерами энергоресурсов и их крупнейшими потребителями – странами Европы. Турция не обладает значительными энергоресурсами, поэтому их импорт жизненно необходим для жизнедеятельности страны. Вследствие этого правительство Турции стремится к заключению выгодных контрактов с зарубежными поставщиками. Также Турция стремится стать транзитным узлом доставки энергетических ресурсов, чтобы самой быть менее зависимой от энергетических поставок и использовать этот фактор в своей внешней политике. Также необходимо отметить, что Турция стремится сохранить свое положение в глобальной иерархии держав, выстроенной США, стремясь стать надрегиональной державой, способной распространять свое влияние на сопредельные государства и играть роль регионального лидера, в том числе, используя свое геостратегическое положение и роль энергетического буфера. [5, с. 10].

В современных условиях усиливается взаимосвязь не только внешней политики и стратегии энергетической безопасности, но и взаимообусловленность энергетической стратегии и социально-экономической стабильности, поскольку важнейшей задачей энергетической политики становится гарантированное обеспечение энергоресурсами населения и промышленных предприятий. Россия как несомненный лидер среди поставщиков энергоносителей в Турцию является важным и надежным партнером обеспечения ее энергетической безопасности и устойчивого развития. Обеспечение поставок энергоресурсов на внутренний рынок Турции представляет собой особую важность, поскольку ежегодно показатель потребление энергии в стране растет гораздо быстрее, чем в других странах.

По мере ускорения темпов роста промышленного производства в Турции постоянно возрастает потребление энергоносителей, при том, что сама страна не обладает обширными запасами нефти и газа. Тот факт, что Турция, где спрос на энергию постоянно растет, географически близка к России – одной из крупнейших энергетических держав составил фундамент долгосрочного сотрудничества двух стран именно в области природного газа. В результате развития двусторонних экономических связей, важнейшей областью которых стала энергетическая составляющая, Россия в 2008 г. вышла на первое место во внешне-

торговом обороте Турции, а Турция занимает четвертое место в экспорте России, и, кроме того, она является вторым крупнейшим в Европе после Германии потребителем российского природного газа.

На фоне экономического подъема Турции ее спрос на энергоносители вырос с 24,4 млн т нефтяного эквивалента (МТНЭ) в 1973 г. до 114,1 млн МТНЭ в 2011 г. По прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), к 2030 г. спрос Турции на энергоносители может превысить отметку в 237 млн МТНЭ. В условиях растущих потребностей и ограниченных внутренних запасов Турция вынуждена практически полностью импортировать необходимые энергоресурсы. С 1980-х гг., когда Анкара перевела турецкие электростанции с нефти на газ, доля природного газа во внутреннем балансе энергопотребления выросла до 32 % в 2011 г., тогда как на нефть ныне приходится 28 %, а на уголь – 30 % первичных энергоресурсов. Чрезмерная зависимость от природного газа бросила властям в Анкаре новый вызов, поскольку снабжение Турции природным газом по-прежнему в большой мере зависит от одного поставщика – России, которая сегодня поставляет Турции 58 % от общего объема импортируемого газа по системе «Голубой поток» и по западным трубопроводам. Из Ирана (газопровод «Тбилиси – Эрзурум») и Азербайджана (магистраль «Баку – Тбилиси – Эрзурум») поставляется 19 % и 8 % природного газа, соответственно. Оставшиеся 15 % в виде СПГ поставляют Алжир и Нигерия [4, с. 87].

На современном этапе международных отношений между Россией и Турцией существует многолетний ценный опыт взаимодействия в сфере энергетической политики, между страной-экспортером энергоресурсов Россией и страной-транзитером Турцией. Данный факт является особо актуальным, поскольку проблема энергетической безопасности является важным регулятором международной стабильности. Тенденции глобальной диверсификации поставок энергоресурсов, геополитическое положение Турции усиливают позицию Анкары в этих процессах. Кроме того, есть определенные разногласия между Анкарой и Москвой, но, несмотря на них, для осуществления своих целей Анкара вынуждена тесно сотрудничать с Москвой.

Чтобы усилить регионально влияние и получить возможность получать энергоресурсы на наиболее выгодных условиях, Тур-

ция решила использовать свое геостратегическое положение и выразила желание поддержать проект по созданию нового трубопровода — Южного энергетического коридора, осуществляющего поставки нефти и газа с Каспия и Ближнего Востока в Европу, что позволит Анкаре стать новым энергетическим буфером. После десятилетних обсуждений нескольких вариантов проектов магистралей трубопроводов (таких, как «Набукко», Трансадриатический газопровод и газопровод «Турция — Греция — Италия») в итоге был выбран турецко-азербайджанский Трансанатолийский газопровод для доставки азербайджанского газа в Европу, что приблизило Турцию к достижению ее цели.

Перспективы сотрудничества двух стран в сфере энергетической политики зависят от динамики развития их двусторонних политических и торгово-экономических отношений, влияния Запада, состояния российско-украинских связей в области транзита российского природного газа через территорию Украины. Динамика политических взаимоотношений между Россией и Турцией, наличие перспективных торгово-экономических связей оказывают положительное влияние на перспективы развития сотрудничества в сфере энергетики. Проведение Анкарой многосторонней и более независимой от Запада внешней политики содействует развитию взаимоотношений с Москвой, в том числе и в сфере энергетической политики.

В связи с обострением конфликта на Украине, беспокойной обстановкой в этом регионе и угрозами националистов уничтожения трубопроводов, поставляющих газ в Европу через Украину, все более острее встает вопрос об использовании альтернативных каналов транспортировки газа. И Турция играет важную роль в этом процессе. С геополитической точки зрения Россия и Турция являются важными государствами в регионе, и результаты их сотрудничества (или соперничества) непосредственно будут оказывать влияние на региональную политическую ситуацию.

Взаимодействие в сфере энергетической политики является важным фактором развития турецко-российских отношений. Взаимовыгодное сотрудничество двух стран, учитывающее интересы обоих государств, способствует интеграционному развитию экономических и политических отношений, содействует повышению взаимного доверия и сближению позиций по боль-

шому спектру вопросов в двухсторонних отношениях, выходящих далеко за рамки энергетики, способствующих укреплению геополитического влияния России в данном регионе.

Несомненно, что в условиях глобализации экономических отношений вопрос энергетической безопасности на международной арене является сильным инструментом мировой политики, оказывающим влияние на состояние мировой экономики, который используется как политический рычаг воздействия на развитие стран в межгосударственных отношениях. При этом усиливается глобализация и интернационализация мировой энергетики, рост зависимости от потребления и продажи энергетических ресурсов, происходит развитие международного сотрудничества в целях обеспечения энергетической безопасности.

Необходимо отметить, что для России этот вопрос остается актуальным, потому что касается ее стратегической безопасности. Диверсификация маршрутов транспортировки энергоресурсов на мировые рынки в обход России ослабляет ее геополитический статус, а то, что Турция является членом НАТО и реализует интересы США в регионе, вызывает у Москвы обоснованное беспокойство.

Несмотря на противодействие и критику со стороны различных государственных и негосударственных кругов, политическая решимость двух государств обеспечивает экономическое интеграционное развитие, в том числе сотрудничество в сфере энергетики. Так как энергетика играет все большую роль во внешней политике и обеспечении национальной безопасности Турции, энергетический потенциал двусторонних отношений положительно влияет на российский ее вектор внешнеполитического курса.

В 2012 г. объем российско-турецкого товарооборота продолжил восстанавливаться после резкого падения в 2009 г., связанного с мировым финансовым кризисом. При этом его динамика по-прежнему определяется в первую очередь изменением мировых цен на энергоносители, поскольку на энергетическое сырье приходится около 70–75 % российского экспорта или 2/3 всего объема российско-турецкой торговли.

Товарооборот России с Турцией 2008–2012 гг.

(в млрд долл. США)

Годы	2008	2009	2010	2011	2012
Товарооборот	37,9	22,6	26,2	29,9	33,3
Экспорт	31,4	19,5	21,6	23,9	26,6
Импорт	6,5	3,1	4,6	6,0	6,7

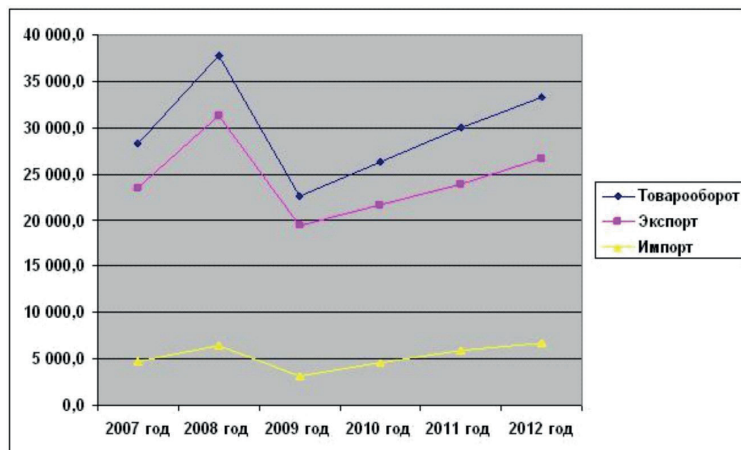
По данным Государственного управления статистики Турции.

По данным Государственного управления статистики Турции, в 2012 г. российско-турецкий товарооборот вырос на 11,2 % (до 33,3 млрд долл.), в том числе российский экспорт увеличился на 11,1 % (до 26,6 млрд долл.), а российский импорт – на 11,5 %, достигнув 6,7 млрд долл.

Среди внешнеторговых партнеров Турции Россия остается на 2-м месте, после Германии, в том числе в экспорте – на 6-м, в импорте – на 1-м месте. Удельный вес России в турецком внешнеторговом обороте составил 8,6 % (в экспорте – 4,4 %, в импорте – 11,2 %) [1, с. 2].

Динамика российско-турецкой торговли 2007–2012 гг.

(в млрд долл. США)

Стоит отметить, что 3 декабря 2012 г. в рамках официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Турецкую Республику состоялось очередное заседание российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня.

До этого, 2 декабря 2012 г., состоялась встреча сопредседателей Смешанной Межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству Министра энергетики Российской Федерации А.В. Новака и Министра энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики Т. Йылдыза. В ходе этой встречи стороны обсудили вопросы перспективного сотрудничества двух государств в различных сферах. Также необходимо отметить, что по итогам встречи были подписаны 10 документов, которые регулируют торгово-экономическое сотрудничество. Одним из них стало Совместное заявление сопредседателей Смешанной Межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Также подписан ряд соглашений в энергетике, кредитно-финансовой и культурной областях. Среди них:

1. Среднесрочная программа торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики на 2012–2015 гг.

2. Соглашение о сотрудничестве по созданию совместного предприятия в области маркетинга, дистрибуции между ОАО «Нефтяная компания “Роснефть”» и ОАО «Чалык холдинг».

3. Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Сбербанк России» и Экспортно-кредитным банком Турции.

4. Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Сбербанк России» и Агентством по поддержке и привлечению инвестиций в Турцию.

5. Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества между Дипломатической академией Министерства иностранных дел Российской Федерации и Академией дипломатии Министерства иностранных дел Турецкой Республики.

6. Совместное заявление между Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и Министерством энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики по проекту атомной электростанции «Аккую» [1, с. 3].

Руководства двух государств стараются вывести вопросы энергетики из сферы конкуренции в зону сотрудничества российско-турецких отношений. Вопреки этому подписано соглашение по строительству газопровода «Голубой поток» для доставки энергоресурсов из Каспийского бассейна и Ближнего Востока к их потребителям, в основном европейским. Основные экономические и политические выгоды возможного взаимодействия Турции и ЕС в данном направлении совпадают и зачастую расходятся с интересами России. Но стоит обратить на тот факт, что с экономической точки зрения, реализуя различные нефтегазовые проекты, Турция стремится развивать сотрудничество с любой заинтересованной стороной, включая Россию. Транспортировка энергоресурсов с севера на юг — это одно из важнейших направлений энергетической политики Турции, она стремится взаимодействовать с Россией на данном направлении [6, с. 32].

Так, учитывая сложившееся преобладание энергоносителей в структуре российского экспорта, важным итогом энергетического сотрудничества двух стран стала торжественная церемония запуска строительства морской части газопровода «Южный поток», состоявшаяся 7 декабря 2012 г. в г. Анапа.

Турция для «Газпрома» является единственным крупным растущим рынком и вторым по объемам поставок импортером в дальнем зарубежье. Турецкая сторона в декабре 2012 г. обозначила интерес к увеличению объемов закупаемого в России газа и дальнейшему развитию взаимодействия в газовой сфере. Российская сторона со своей стороны выразила готовность приступить к предметным переговорам по этому вопросу, так как наращивание объемов на запрошенные 3 млрд куб. м сопряжено с необходимостью решения ряда технических вопросов на уровне экспертов [1, с. 3].

Несмотря на то, что многие европейские страны выказывают недовольство по поводу чрезмерной зависимости от поставок российского газа, между Турцией и Россией складывается взаимное политическое доверие, инвестирование российского капитала в энергетический рынок страны положительно оценивается правительством Турции. Развивая взаимоотношение с Москвой, Анкара приняло решение о сооружении первой турецкой атомной электростанции российскими компаниями.

Это при том, что 75 % различных энергоресурсов обеспечивается импортом, а Россия уже является крупнейшим поставщиком энергоносителей. Строительство АЭС «Аккую» идет согласно подписанному соглашению и в установленные сроки. Все необходимые вопросы по проекту обсуждаются на двусторонней основе в рамках постоянно действующей рабочей группы.

Необходимо отметить, что на дальнейшее развития двустороннего взаимодействия в сфере энергетики будет оказываться активное влияние третьей стороны, прежде всего, стран Запада. Не стоит забывать и то, что Турция определяет приоритеты своего внешнеполитического курса в полном согласии с интересами США и, являясь страной – членом НАТО, отвечает интересам Запада. Но сегодняшний ее курс соткан из противоречивых задач и целей. С одной стороны, это упорное стремление войти в Евросоюз, с другой – попытки обозначить свои претензии на лидерство в исламском мире, по крайней мере в суннитской его части. Это и уверения в неизменности светского характера государства, и дрейф в сторону исламизации не только быта, но и общественной жизни на фоне последовательного стремления нынешнего турецкого руководства маргинализировать роль военных, являвшихся в течение десятилетий гарантом светского строя Турецкой Республики. Это желание остаться надежным союзником Соединенных Штатов в регионе и заигрывание с радикальными политическими группировками Ближнего Востока.

Турция ставит перед собой задачи решить свои внешнеполитические конфликты, созданием вокруг себя пояса стабильности и процветания, политической программой «Ноль проблем с соседями», что должно привести к укреплению ее связей с Россией, со странами Кавказа и Ближнего Востока.

По заявлению премьер-министра Турции Реджеп Тайип Эрдоган, взаимный товарооборот между Россией и Турцией должен составить 100 млрд доллар к 2020 г. вместо сегодняшних 34 млрд. Между тем, российский президент Владимир Путин заявил, что не видит оснований для охлаждения отношений между странами, тогда как сотрудничество развивается по многим направлениям. Например, российские капиталовложения в турецкую экономику превысили 1,57 млрд долл., обратный показатель – 740 млн долл. [2, с. 1].

Все это свидетельствует о том, что взаимовыгодное сотрудничество России и Турции, стремящихся к развитию добрососедских отношений, учитывающее интересы и позиции обоих государств может служить хорошей основой для укрепления региональной безопасности в данном регионе. Кроме того, поскольку сотрудничество в энергетической сфере носит стратегический характер, стороны придают ему особое значение и надеются продолжать свои отношения на основе доверия. Наличие тесных торгово-экономических связей положительно влияет на перспективы развития взаимодействия двух стран в сфере энергетической политики.

Литература

1. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. URL: <http://www.ved.gov.ru/>
2. Турецкий премьер: товарооборот с Россией вырастет до 100 млрд долларов к концу десятилетия. URL: <http://fedpress.ru>
3. Экономическое сотрудничество со странами Азии и Африки. URL: <http://www.economy.gov.ru/>
4. *Bilgin J.* *Avrasya Enerji Savaşları* (Энергетические Войны Евразии). – İstanbul: IQ Kİltür Sanat Yayıncılık, 2005.
5. *Damar G.* *Eneji Arz Ölvenligi Bağlamında Türkiye'nin Dış Ekonomik İlişkilerinde Doğalgaz* (Роль природного газа во внешнеэкономических отношениях Турции в контексте энергетической безопасности). – *Planlama Uzmanlığı Tezi*. – Т.С. Başbakanlık Devlet Planlama Teşkilatı Milsteşarlığı, Ankara, 2007.
6. *Бингол Хасан Фатих.* Взаимодействие Турции и России в сфере энергетической политики: опыт, перспективы, влияние на региональную политическую стабильность. Дис. канд. полит. наук: 23.00.04 – М., 2010. 199 с.

ОБ АВТОРАХ

Аватков Владимир Алексеевич – к.п.н., преподаватель военной кафедры при МГИМО (У) МИД России, г. Москва.

Бадранов Азат Шамилевич – аспирант Института государства и права РАН.

Байдаров Еркин Уланович – к.философ.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы.

Болдырев Андрей Викторович – к.и.н., научный сотрудник Сектора Турции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, г. Москва.

Вертяев Кирилл Валентинович – к.п.н., старший научный сотрудник ИВ РАН, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, г. Москва.

Гаджиев Амур Гаджибабаевич – к.и.н., научный сотрудник Центра изучения стран БСВ ИВ РАН, специальный корреспондент МИА «Россия сегодня», г. Москва.

Дружиловский Сергей Борисович – к.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России, г. Москва.

Ермаков Владимир Владимирович – аспирант кафедры «Государственные и муниципальные финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва.

Зезюля Роман Александрович – преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) МИД России, г. Москва.

Иванова Инесса Ильинична – к.и.н., доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (У) МИД России, г. Москва.

Михеева Наталия Михайловна – к.п.н., доцент каф. региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

Мкртычян Александр Александрович — д.п.н., профессор, г. Москва.

Мозлов Асламбек Тотырбекович — к.и.н., профессор Дипломатической Академии МИД России, г. Москва.

Надеин-Раевский Виктор Анатольевич — к.философ.н., старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, г. Москва.

Попов Павел Михайлович — аспирант кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии, Челябинский Государственный Университет, г. Челябинск.

Свистунова Ирина Александровна — к.и.н., старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований, г. Москва.

Тимофеев Павел Петрович — к.п.н., научный сотрудник ИМЭМО РАН, г. Москва.

Томилова Юлия Олеговна — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России, г. Москва.

Уйсал Гюль Афлатуновна — к.и.н., младший научный сотрудник Центра изучения общих проблем Востока ИВ РАН, г. Москва.

Ульченко Наталья Юрьевна — д.э.н., зав.сектором Турции ИВ РАН, доцент ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Урманов Даян Ренатович — аспирант кафедры МО Казанского ФУ, стажер управления по координации взаимодействия органов исполнительной власти Кабинета Министров РТ, г. Казань.

Циватый Вячеслав Григорьевич — к.и.н., доцент кафедры дипломатической и консульской службы, Первый проректор по научно-педагогической и учебной работе Дипломатической академии Украины при МИД Украины, Заслуженный работник образования Украины, г. Киев.

Шангараев Руслан Насимович — к.э.н., доцент Дипломатической Академии МИД России, г. Москва.

Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «МГИМО-университет»

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Данный сборник является результатом международной экспертной конференции «Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах», которая прошла 2 апреля 2014 г. в стенах МГИМО – Университета. В мероприятии приняли участие эксперты из различных учебных и научных институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Челябинска, а также из Казахстана и Украины. Встреча была организована преподавателем военной кафедры В.А. Аватковым, профессором кафедры востоковедения С.Б. Дружиловским и директором Центра ближневосточных исследований ИМИ А.В. Федорченко. Сборник может быть полезен всем тем, кто интересуется или профессионально занимается внутренней и внешней политикой Турции.

This book is a result of the international conference of Turkey experts (Turkologs) in MGIMO-University (2 April 2014) that was devoted to the topic "Turkey: New Realities in Internal Policy and Participation in Regional Geopolitical Processes". There were the representatives of Moscow, Sankt-Petersburg, Kazan, Nizhniy Novgorod, Chelyabinsk and also Kazakhstan and Ukraine among the participants. The meeting was prepared by V.A. Avatkov, S.B. Druzhilovski and A.V. Fedorchenko. The book can be useful to all those who are interested in or professionally engaged in domestic and foreign policy of Turkey.

